

Тема 1. Предмет и методы юридической конфликтологии

ПЛАН

- 1. Предмет юридической конфликтологии. Изучение факторов возникновения, течения, изменения и прекращения юридических конфликтов.*
- 2. Взаимосвязанность предмета юридической конфликтологии с другими общественными дисциплинами.*
- 3. Методы юридической конфликтологии.*
- 4. Возникновение учений о конфликтах и современные концепции.*

Конфликт: что может быть более характерным для нашего времени?

Социальные конфликты стали реальностью нашей повседневной жизни. Забастовки шахтеров, противоборство политических лидеров и партий, межнациональные и региональные распри, «разборки» преступного мира чуть ли не ежедневно возбуждают людей, поднимают все новые проблемы государственной и общественной жизни. Мы «боремся» с конфликтами неустанно, но они нарастают. Происходящие реорганизации экономических, политических и правовых институтов пока что не оказали заметного влияния на изменение тенденций к обострению разнообразных конфликтов, особенно в современной кризисной обстановке.

Одна из причин такой ситуации — неподготовленность страны к преодолению кризисных, в том числе и конфликтных, ситуаций. Бесконфликтная модель развития общества, господствовавшая до конца 80-х годов, сделала государственное руководство на различных уровнях беспомощным перед наступившим кризисом. Не в последнюю очередь сказалась не разработанность самой теории конфликта, да и отсутствие соответствующего опыта. Для практиков, в частности, по-прежнему неясным остается соотношение величин в дихотомии «конфликт — согласие», хотя исторический опыт доказывает, что общество

обеспечивает упорядоченность жизни населения только через согласие, через достижение взаимного понимания и признания.

Исследование проблем конфликта и согласия требует фундаментальных усилий ученых различных специальностей. На Западе уже в течение многих десятилетий, особенно в конце XX в., это научное направление получило основательное развитие. Написаны сотни книг о конфликтах и способах их разрешения, систематически издаются журналы, рефераты и сборники статей. Есть все основания говорить о создании самостоятельной комплексной науки **конфликтологии**, предметом которой является изучение природы, причин, механизмов конфликтов в человеческом обществе, а также разработка путей их предотвращения и разрешения. Но в нашей стране эта наука пока не развита, хотя на русском языке уже издано немало работ о конфликтах и путях их разрешения.

Вполне понятно, что конфликтология, как и всякая дисциплина, тесно связана со смежными науками, многое черпает из них и, в свою очередь, их обогащает. Это, прежде всего, социология и социальная психология, с которыми конфликтология имеет много общего, так как исследует, подобно названным наукам, отношения между людьми. Далее, это история, дающая богатую пищу для размышлений о причинах человеческих поступков. Это, наконец, политология, экономика, этнология и другие общественные науки, конкретизирующие природу, механизмы развития и последствия конфликтов различного рода. К числу таких наук относят ся также правоведение и государственное управление, изучающие юридические формы взаимодействия людей, будь то сотрудничество, мирное сосуществование, противодействие или борьба.

Надо заметить, что синтез конфликтологических проблем с положениями юридической науки представляет особый интерес. Дело в том, что многие социальные конфликты протекают в сфере правовых отношений, порождаются юридическими ситуациями, а затем и разрешаются юридическими средствами. Правоохранительные органы значительную

часть своей деятельности уделяют расследованию, рассмотрению, предупреждению и разрешению конфликтов. Поэтому вполне назрела потребность в разработке дисциплины, которая могла бы быть названа юридической конфликтологией и была бы посвящена рассмотрению указанных вопросов.

Под этой дисциплиной мы понимаем раздел (направление) общей конфликтологии, предметом которого является изучение таких конфликтов, которые возникают, развиваются и разрешаются в рамках внутреннего (национального) или международного права.

Известно, что конфликты в человеческом обществе происходят на разных уровнях: индивидуальном и групповом, этническом, межгосударственном и т. д. Особенность юридического конфликта заключается в том, что на каждом из этих уровней он связан с исполнением (реализацией) либо нарушением тех или иных норм права и, соответственно, возникновением, изменением или прекращением правовых отношений между физическими или юридическими лицами.

Так как правовая система любой страны, а также нормы международного права санкционируются и охраняются государством (или международным сообществом), в юридическом конфликте часто участвуют не две (конфликтующие) стороны, а три: есть еще государство в лице правоохранительных (правоприменительных) органов, рано или поздно вовлекаемых в развитие, разрешение или предупреждение конфликта.

С этим связана важная сторона юридической конфликтологии: эта отрасль знаний, таким образом, изучает не только природу, причины и динамику развития юридических конфликтов, но и правовые механизмы их предупреждения и разрешения. Общество и государство создают и используют целый ряд механизмов: суд, арбитраж, парламентские процедуры и т. п., предназначенных для примирения конфликтующих сторон или принудительного прекращения их противостояния. Юридические

средства разрешения и предупреждения конфликтов — это действенные инструменты разрядки внутренней и международной напряженности.

Понятие конфликта. Это понятие в научной литературе, впрочем, как и в публицистике, неоднозначно. Существует множество определений термина «конфликт». Наиболее общий подход к определению конфликта состоит в определении его через противоречие как более общее понятие, и прежде всего — через социальное противоречие.

Общеизвестно, что развитие любого общества представляет собой сложный процесс, который совершается на основе зарождения, развертывания и разрешения объективных противоречий. Признавая это на словах, господствовавшая в течение десятилетий марксистская теория, по существу, не относила это к нашему обществу. Известно, что один из идеалов социализма — отсутствие классовых конфликтов. Еще в конце 30-х годов у ряда авторов появилась идея «бесконфликтности» развития социалистического общества, отсутствия в нем антагонистических противоречий. Наиболее полно эта идея была представлена в тезисе о полном соответствии при социализме производственных отношений характеру производительных сил.

Позднее было, правда, признано, что это соответствие проявляется лишь тогда, когда противоречия объединяются преобладающим единством двух противоположных друг другу сторон. Соответствие было представлено как определенная ступень развития противоречия, когда противоположности еще объединены в рамках единства. Большинство философов, занятых поисками основного противоречия социализма, считали таковым противоречие между производительными силами и производственными отношениями, иногда — между производством и потреблением, старым и новым и т. п.

Так или иначе проблема противоречий в известной степени в нашей литературе все же разрабатывалась. Однако этого нельзя сказать о теории конфликтов; ей, по существу, не уделялось никакого внимания. Между тем

противоречия и конфликт, с одной стороны, не могут рассматриваться как синонимы, а с другой — противопоставляться друг другу. Противоречия, противоположности, различия, — это необходимые, но недостаточные условия конфликта. Противоположности и противоречия превращаются в конфликт тогда, когда начинают взаимодействовать силы, являющиеся их носителями. Таким образом, конфликт — это проявление объективных или субъективных противоречий, выражающееся в противоборстве сторон.

При этом необходимо добавить, что в обществе речь идет не об абстрактных силах, не о космических или иных природных явлениях, а тем более не о воображаемых феноменах (судьба, дьявол, неопознанные объекты), а о социальных субъектах: конкретных людях, будь то индивиды, группы, социальные слои, политические партии или государства.

Мы говорим в этой книге именно о **социальном конфликте**, имея в виду процесс, в котором два (или более) индивида или группы активно ищут возможность помешать друг другу достичь определенной цели, предотвратить удовлетворение интересов соперника или изменить его взгляды и социальные позиции. По аналогии термин «конфликт» может быть вроде бы распространен на многое, вплоть до борьбы с неодушевленными предметами (борьба за существование, например). Но в социальном конфликте все стороны представлены людьми. Под социальным конфликтом обычно понимается тот вид противостояния, при котором стороны стремятся захватить территорию либо ресурсы, угрожать оппозиционным индивидам или группам, их собственности или культуре таким образом, что борьба принимает формы атаки или обороны. Социальный конфликт включает в себя также активность индивида или групп, блокирующих функционирование противника или наносящих ущерб другим людям (группам). Заметим, что проблематика конфликтов использует и такие термины, как, споры, дебаты, торги, соперничество и контролируемые сражения, косвенное и прямое насилие. У многих

исследователей конфликт ассоциируется и с масштабными, историческими изменениями.

Иначе говоря, мы не будем здесь рассматривать, например, «конфликт» общества с природой или «конфликт» человека с самим собой. В этих случаях несомненно имеются противоречия, но слово «конфликт» для подобных ситуаций мы берем в кавычки, поскольку оно неадекватно тому представлению о конфликте, которое развивается в данной книге.

Итак, для социального конфликта всегда необходимы по меньшей мере две противодействующие стороны. Их поступки обычно направлены на достижение взаимоисключающих интересов и, следовательно, сталкиваются. Всем конфликтам свойственно сильное напряжение, которое побуждает людей так или иначе изменить поведение, приспособиться либо «оградиться» от данной ситуации.

В отечественной научной литературе наиболее полное определение социального конфликта, на наш взгляд, дал Е. М. Бабосов: «Конфликт социальный (от лат. *conflictus*— столкновение) — предельный случай обострения социальных противоречий, выражающийся в столкновении различных социальных общностей — классов, наций, государств, социальных групп, социальных институтов и т. п., обусловленном противоположностью или существенным различием их интересов, целей, тенденций развития. Конфликт социальный складывается и разрешается в конкретной социальной ситуации в связи с возникновением требующей разрешения социальной проблемы. Он имеет вполне определенные причины, своих социальных носителей (классы, нации, социальные группы и т. д.), обладает определенными функциями, длительностью и степенью остроты».

Правда, это определение, схватывая основную суть дела, не отражает всех черт конфликта — его психологизма в частности. Эта особенность прослеживается и в работе Ю. Г. Запрудского «Социальный конфликт», где говорится: «Социальный конфликт — это явное или скрытое состояние

противоборства объективно расходящихся интересов, целей и тенденций развития социальных субъектов, прямое и косвенное столкновение социальных сил на почве противодействия существующему общественному порядку, особая форма исторического движения к новому социальному единству». Сказано в общем верно, но слишком масштабно. Не оказалось места для бытовых, семейных, трудовых — словом, конфликтов более «низкого уровня». А их не следует игнорировать. Приведем еще одно определение, принадлежащее Т. В. Новиковой. Социальный конфликт — это «ситуация, когда стороны (субъекты) взаимодействия преследуют какие-то свои цели, которые противоречат или взаимно исключают друг друга». Здесь как видно, подчеркнут прежде всего личностный, психологический аспект.

При изучении различных сфер общественной жизни исследователи обычно применяют так называемый конфликтологический подход. Такой подход, например, к политическому исследованию фокусирует внимание на политических процессах в терминах соревнования между людьми и группами за ценности, имеющие политическую значимость, т. е. процессах в рамках политической системы. В международной политике конфликтологический подход является, с нашей точки зрения, основным. Возможен этот подход и в юриспруденции, когда преступление рассматривается как результат конфликта между людьми, прослеживается механизм его возникновения. Конфликт продолжается и в судебном процессе (обвиняемый и его защитник, с одной стороны, обвинитель — с другой). Далее эти проблемы будут рассмотрены подробно.

В завершение этого раздела надо упомянуть о явлениях, близких к конфликту, — таких, как соревнование, состязание, конкуренция. В принципе, и в указанных случаях тоже имеется противоборство сторон. Однако оно, как правило, не является обостренным до степени враждебности либо, если даже такая вражда и имеет место (или пример,

при конкуренции), она не переходит в обоюдные действия, препятствующие законному поведению другой стороны. Каждый действует «на своем поле», стремясь достичь успеха и тем уязвить противника. Но действия сторон при этом позитивны, они стремятся к собственному максимальному успеху; подавление противника для них не самоцель. Это, конечно, не исключает возникновения конфликта и в ходе перечисленных «мирных» действий. Таким образом, конфликт и соревнование, например, не идентичны, но соревнование может перерасти в конфликт. Это касается и конкуренции, в которой соперники могут перейти к прямому давлению друг на друга.

Особый случай представляют собой игры, в том числе спортивные. Некоторые из них и задуманы как конфликты (например, бокс). Однако очевидно, что, по существу, речь идет об имитации конфликта. Кончается игра — кончаются и «конфликтные» взаимоотношения. Неприязнь между игроками разных команд, остающаяся после состязания, — скорее исключение, чем правило, в спорте она отнюдь не поощряется.

2. Границы конфликта. Чтобы точнее уяснить природу конфликта и его отличие от смежных явлений, необходимо определить границы конфликта, т. е. его внешние пределы в пространстве и во времени. Начнем с бытового примера. Иван Иванович, полагая, что его сосед по садовому участку несправедливо отнял у него часть огорода, решил «проучить» обидчика и собрать с его участка часть урожая помидоров. О своем замысле он рассказал жене, которая вовремя отговорила его от задуманных действий. Был ли здесь конфликт, начался ли он или уже завершился? Каковы его пространственные границы и кто участники? Эти вопросы, не столь уж важные в случае соседской ссоры, перерастают в крупные политические и правовые проблемы, стоит лишь перейти, например, к межгосударственным или межнациональным отношениям, касающимся границ. Да и в межличностных конфликтах на подобные вопросы следует обращать внимание, коль скоро почти любой конфликт при определенных условиях способен приобрести серьезный характер.

Можно выделить три аспекта определения границ конфликта: пространственный, временной и внутрисистемный.

Пространственные границы конфликта определяются территорией, на которой происходит конфликт. Ясно, что эта территория может быть самой различной, начиная от минимального пространства (например, жилой площади) и кончая всем земным шаром. Разномасштабные примеры: ссора на кухне — и мировая война. Четкое определение пространственных границ конфликта важно главным образом в международных отношениях, что тесно связано и с проблемой участников конфликта. В нашей недавней истории подобная задача возникала неоднократно при межнациональных конфликтах в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Таджикистане, Северном Кавказе и других местах, где следовало четко определить территориальные границы зоны конфликта для осуществления превентивных мер.

Временные границы — это продолжительность конфликта, его начало и конец. От того, считать ли конфликт начавшимся, продолжающимся или уже закончившимся, зависит, в частности, юридическая оценка действий его участников в тот или иной момент времени. Особенно это важно для того, чтобы правильно оценить роль вновь присоединившихся к конфликту лиц.

Начало конфликта, с нашей точки зрения, определяется объективными (внешними) актами поведения, направленными против другого участника (конфликтующей стороны), при условии, что последний осознает эти акты как направленные против него и им противодействует. Эта несколько усложненная формула означает, что для признания конфликта начавшимся требуется, по крайней мере, три совпадающих условия:

1) первый участник сознательно и активно действует в ущерб другому участнику (т. е. своему противнику); при этом под действиями мы понимаем как физические движения, так и передачу информации (устное слово, печать, телевидение и т. д.);

2) второй участник (противник) осознает, что указанные действия направлены против его интересов;

3) в связи с этим он и сам предпринимает ответные активные действия, направленные против первого участника. С этого момента можно считать, что конфликт начался.

Сказанное означает, что нет конфликта, если действует только один участник или участниками производятся лишь мыслительные операции (планирование поведения, обдумывание образа действий противника, прогнозирование хода будущего конфликта и т. п.).

В самом деле, действия, хотя бы и агрессивные, но лишь одной стороны, на что вторая сторона не претендует, конфликтом назвать еще нельзя. Возможно, предполагаемый противник признает эти действия правильными; может быть, он опасается противодействовать нормному участнику и подчиняется ему или же им руководят какие-то иные соображения. Главное, что он не предпринимает никаких действий против первого субъекта. Но в таком случае нет и конфликта как противоборства сторон.

Мысленные действия, никак не выраженные физически, вовне, не являются элементом начавшегося конфликта, под которым понимается фактическое, а не воображаемое противоборство сторон. В предыдущем примере Иван Иванович, задумавший месть соседу по садовому участку, еще не начал конфликта, а только планировал его. Противоположность позиций — еще не конфликт. Он возникает тогда, когда стороны начнут активно противодействовать друг другу, преследуя свои цели.

Сказанному, однако, не противоречит предложенное некоторыми специалистами выделение латентной (скрытой) стадии развития конфликта, а точнее — предшествующей началу конфликта, которая включает планирование будущих операций и подготовку к ним. Выделение этой стадии существенно для анализа крупных конфликтов международного значения (например, планирование войны). Утвердив в

1940 г. «план Барбаросса», предусматривающий нападение на СССР, Гитлер еще не развязал военного конфликта между СССР и Германией, но вступил в его латентную стадию; началом открытого конфликта стало, как известно, 22 июня 1941 г.

Разумеется, конфликт как противоборство сторон в международных отношениях не исчерпывается военными действиями. Может быть дипломатический конфликт, торговый, пограничный, политический, разрешаемые отнюдь не насильственными средствами. Однако при всех условиях речь идет о противоборстве сторон, т. е. о взаимных действиях (хотя бы и словесных). Таким образом, конфликт всегда начинается как двустороннее (или многостороннее) поведение. Ему, как травилу, предшествуют действия одной из сторон, что позволяет в большей части случаев определить зачинщика конфликта.

Так, нетрудно было определить зачинщика в конфликте Ирака с Кувейтом в 1991 г. Агрессивная роль Ирака, предпринявшего неспровоцированное нападение на соседнюю страну, получила отрицательную оценку со стороны Организации Объединенных Наций и всего мирового сообщества.

Труднее сказать, кто являлся зачинщиком многочисленных межнациональных конфликтов, происходивших в 90-е годы на территории нашей страны — России и других государств Содружества. Поясность исходных шагов, запутанность ответных действий, взаимные обвинения, необъективность информации — все это затягивает развитие конфликта, препятствует его быстрому и безболезненному прекращению, мешает выявлению подлинных виновников.

Окончание конфликта неоднозначно. Конфликт может быть исчерпан (например, примирение сторон), но может прекратиться из-за выхода из конфликта одной из сторон либо ее уничтожения (во время войны или при совершении преступления). Наконец, возможно пресечение развития и прекращение конфликта в результате вмешательства третьих лиц. Так в

ряде случаев заканчиваются так называемые криминальные конфликты. Практика международных отношений все более часто использует третьи силы для пресечения межнациональных конфликтов (ввод войск ООН, дипломатическое посредничество и др.). Эти методы, как известно, стали применяться и на территории нашей страны и государств СНГ.

Таким образом, окончанием конфликта нужно считать прекращение действий всех противоборствующих сторон, независимо от причины, по которой это имеет место.

Рассмотрим теперь **внутрисистемный** аспект развития конфликта и определения его границ. Всякий конфликт происходит в определенной системе, будь то семья, группа сослуживцев, государство, международное сообщество и т. д. Внутрисистемные связи сложны и многообразны. Конфликт между сторонами, входящими в одну систему, может быть более глубоким, обширным или частным, ограниченным. Конфликт на «огородной почве» мог не возникнуть, а мог и затронуть не только две семьи, но и других соседей. В межгосударственных конфликтах велика опасность разрастания, распространения обостренных взаимоотношений не только в территориальном, но и в социальном, национальном, политическом аспектах; такой конфликт способен затронуть самые широкие слои общества.

Определение внутрисистемных границ конфликта тесно связано с четким выделением конфликтующих сторон из всего круга его участников. Как мы увидим далее, кроме непосредственно противоборствующих сторон участниками конфликта могут быть и такие фигуры, как подстрекатели, пособники, организаторы конфликта (сами в нем прямо не замешанные), а также третейские судьи, советники, сторонники и противники тех или иных лиц, конфликтующих между собой. Все эти лица (или организации) — элементы системы. Границы конфликта в системе зависят, таким образом, от того, сколь широкий круг участников будет в неге вовлечен.

Внутрисистемные границы конфликта важно знать для воздействия на происходящие процессы, в частности для предотвращения системы в целом от разрушения (если это, разумеется, необходимо).

3. Функции конфликта. Уже из сказанного видно, что конфликт служит способом выявления и разрешения противоречий. Если противоположные силы, их интересы вызывают напряжение, переходящее в открытое противоборство, то, естественно, этому противоборству рано или поздно должен прийти конец. Конфликт и его последующее разрешение и является одним из путей выхода из сложившегося тупика.

При таком подходе к оценке функций конфликта возникает вопрос: хорошо или плохо, что происходит конфликт? Преобладающая точка зрения, можно сказать — обыденная, состоит в однозначно отрицательной оценке любых конфликтов. В самом деле, мы достаточно натерпелись не только от бытовых ссор и неурядиц, служебных неприятностей, но в последнее время — и от серьезных межнациональных, территориальных, общественно-политических и прочих противостояний и противоборств. Поэтому конфликт оценивается общественным мнением в общем как явление нежелательное и таким он в целом, пожалуй, и является — по меньшей мере для одной из сторон⁵. Вместе с тем есть и другая точка зрения, согласно которой конфликт не только неизбежное социальное явление, но к тому же еще и полезное.

Исследователи, признающие конфликт нежелательным явлением, считают его разрушителем (или нарушителем) нормально функционирующей социальной системы. По их мнению, в своей изначальной основе конфликт не присущ системе и обычно проходит тогда, когда появятся (или активизируются) те силы в системе, которые вернут ее в положение баланса и стабильности. Но отсюда следует, что уже в самом конфликте заложен стимул к появлению институтов для поддержания системы в устойчивом состоянии. Это и законодательная деятельность, и принятые процедуры для решения различных споров, и

политические собрания, где партийные конфликты решают в «войне слов», т. е. в дебатах и дискуссиях, и рынок, где соперничающие интересы между покупателями и продавцами решаются посредством сделок и т. д. Отсюда вытекает, что даже те специалисты, которые считают конфликт в общем явлением отрицательным, усматривают в нем некоторые позитивные черты.

Другая научная традиция вообще рассматривает конфликт не как отклоняющееся от нормы и проходящее явление, но как постоянный и даже необходимый компонент социальных отношений. Эта традиция восходит к Аристотелю, Гоббсу, Гегелю, Марксу, Веберу. В соответствии с этой точкой зрения, факт любого дефицита в обществе сам по себе достаточен, чтобы вызвать конфликт; каждый человек в любой группе пытается увеличить свою долю дефицитных ресурсов и, если необходимо, за счет других. А если среди искателей территорий и ресурсов мы обнаружим еще и борьбу за лидерство, власть и престиж, то конфликт просто неизбежен. И здесь не будет аналогии с конфликтом за обладание материальными благами, где стороны могут сделать так, что доля каждого будет возрастать. «Для реального мира, — писал Р. Дарендорф, — необходимо пересечение различных взглядов, конфликтов, изменений. Именно конфликт и изменения дают людям свободу; без них свобода невозможна».

По мнению Л. Козера, конфликт внутри группы может способствовать ее сплочению или восстановлению единства. Поэтому внутренние социальные конфликты, затрагивающие только такие цели, ценности и интересы, которые не противоречат принятым основам внутригрупповых отношений, как правило, носят функционально-позитивный характер.

Общий тезис о том, что конфликт — нормальное состояние общества, высказывается и отечественными авторами.

Из сопоставления приведенных точек зрения видно, что они творят о несколько разных вещах. В действительности конфликт полезен тем, что

так или иначе он разрешает противоречие. Но какой ценой? Путем разрушения или серьезного повреждения системы, а то и посредством уничтожения одной из сторон. Лучше, если объективно существующее противоречие не доводить до конфликта, а устранить мирными, цивилизованными средствами. Поэтому о полезности конфликтов, с нашей точки зрения, можно говорить лишь в весьма конкретных случаях и притом в достаточно условном смысле.

Разрешение противоречий — объективная функция социального конфликта. Значит ли это, что она совпадает с целями участников? Нет, не значит или, во всяком случае, не всегда. Если целью одной из сторон конфликта может быть действительно устранение противоречия (причем именно в ее пользу), то целью другой стороны вполне может быть сохранение статус-кво, уклонение от конфликта либо разрешение противоречия без противоборства сторон. В конфликте могут быть заинтересованы даже не сами противоборствующие стороны, а третья сторона, провоцирующая конфликт. Поэтому функции конфликта с позиций его участников могут быть гораздо более многообразны.

В завершение этой темы рассмотрим один пример из недавней политической практики. В августе 1992 г. профсоюз российских авиадиспетчеров потребовал от правительства повышения вдвое заработной платы для работников этой службы. Надо заметить, что уже в июле авиадиспетчеры получали более чем десятикратный в то время минимум зарплаты государственного служащего. Правительство, учитывая это, отказало в их требованиях. Профсоюз пригрозил забастовкой. Московский городской суд признал забастовку незаконной и, в свою очередь, пригрозил гражданским иском и уголовной ответственностью зачинщикам. Конфликт на этом был тогда приостановлен.

Какие функции выполнял этот конфликт? С точки зрения авиадиспетчеров, он вынуждал правительство пойти на повышение зарплаты. Для правительства назревший конфликт не был нужен, но,

противостоя профсоюзу, оно не только сохраняло экономический статус-кво, но и поддерживало свой престиж. Суд отстаивал требования закона. Нетрудно видеть, что цели сторон и функции конфликта были для них разными. В общем социальном плане оценку данного конфликта можно дать одну: это выражение того экономического неблагополучия, при котором государство не может гарантировать адекватного материального обеспечения своим служащим. Конфликт с профсоюзом авиадиспетчеров был неудавшейся попыткой разрешить противоречие между дефицитом экономических ресурсов государства и насущными жизненными потребностями населения.

4. Специфика юридического конфликта. Юридическая конфликтология обобщает и изучает те особенности, которые характеризуют конфликт с позиций права. Теоретическое значение такого подхода состоит в возможности сопряжения конфликтов с государственными институтами (а право — один из них) и, следовательно, рассмотрения конфликтов не в абстрактном социальном пространстве, а в реальной связи с действующими правовыми инструментами и структурами. Отсюда и практический смысл такого подхода: установить, могут ли нормы права воздействовать на зарождение, развитие и разрешение конфликта, и если могут, то как повысить эффективность этого действия.

Сначала определим, какие элементы конфликта могут иметь правовую природу и, соответственно, какой конфликт может **быть** назван **юридическим**.

Ознакомление с конфликтами разного рода приводит к выводу, что с правовой точки зрения они весьма неоднородны. Наиболее полно правовой аспект выражен в тех конфликтах, **которые возникают и развиваются в связи** с объективно существующими противоречиями между двумя или несколькими правовыми нормами, относящимися к одному и тому же предмету. Это юридические конфликты в строгом (или узком) смысле слова. Интересы противостоящих сторон и мотивы их поведения в

таком конфликте определяются смыслом и значением правовых норм, от которых прямо зависят действия участников. Подобный конфликт и начинается, и заканчивается с использованием юридических средств и процедур. В значительной мере он носит когнитивный характер, поскольку спор идет о понимании права, но за этим спором часто просматриваются и другие, вполне практические интересы сторон.

Однако большинство конфликтов возникает вне юридической сферы и лишь впоследствии, в процессе развития, обрывает юридическими признаками, приобретая тем самым переходный или смешанный характер. Мотивация таких конфликтов изначально далека от юридической сферы и связана с экономическими, национальными, социальными — личными или общественными интересами. Это в полном смысле слова «конфликт интересов», постепенно приобретающий юридическую форму.

Правовой элемент в конфликте интересов может быть выражен с различной степенью интенсивности. Бывают случаи, когда такой элемент выражен очень слабо и преобладают другие побудительные мотивы. Например, в мотивации межличностного конфликта, возникшего на почве ревности, юридическую роль могут брать, пожалуй, лишь смутные опасения кого-либо из участников конфликта, что дело может закончиться криминальными последствиями и потому следует избегать чрезмерно бурного развития событий. В основном же здесь преобладают эмоции, действуют нравственные, а нередко и религиозные нормы.

Совсем другое значение юридический элемент имеет в наследственных спорах и вообще в любом споре о праве собственности, когда два индивида или учреждения, ссылаясь на закон, отстаивают свои действительные или мнимые права. Возможны и переходные случаи, в которых правовой элемент в конфликтных взаимоотношениях сторон выражен с разной степенью интенсивности.

Итак, многие элементы самых разных конфликтов имеют прямое отношение к правовым нормам и институтам. Какой же конфликт следует назвать юридическим?

Так как вопрос стоит о названии, еще не устоявшемся в литературе, мы вольны выбрать и обсудить ту или иную терминологию. Практически дело сводится к следующей альтернативе: либо все элементы конфликта (мотивация, участники, объекты и др.) должны иметь юридическую характеристику для того, чтобы конфликт в целом был признан юридическим, либо для этого достаточно, чтобы правовыми признаками обладал хотя бы один его элемент.

Мы склоняемся к последнему решению и полагаем, что юридическим конфликтом следует признать любой конфликт, в котором спор так или иначе связан с правовыми отношениями сторон (их юридически значимыми действиями или состояниями) и, следовательно, субъекты, либо мотивация их поведения, либо объект конфликта обладают правовыми признаками, а конфликт влечет юридические последствия.

Иными словами, надо признать юридическим, скажем, конфликт по поводу собственности, даже если противники и не состояли между собой в правовых отношениях (например, две фирмы претендуют на аренду одного и того же помещения). Хотя между фирмами пока что правовых отношений нет, они неизбежно возникнут, как только субъекты обратятся для решения конфликта в государственный орган (суд, арбитраж). Если же не обратятся, а решат дело «полубовно», то регистрация арендных отношений одной из фирм все равно будет юридической процедурой.

Юридическим следует считать любой межгосударственный конфликт, в том числе и между сторонами, не связанными договором. Дело в том, что отношения любых государств подпадают под действие норм международного права.

Юридическими по своей природе являются все трудовые, многие семейные, производственные, бытовые и межнациональные конфликты,

если они затрагивают конституцию страны, соглашения между регионами или ветвями власти, статус наций и народностей. (Более подробно все эти виды конфликтов будут рассмотрены в дальнейшем).

Очень многие конфликты имеют смешанный характер и содержат как правовые, так и неправовые элементы (например, при политических конфронтациях или национальных неурядицах) Вопрос о перерастании неправового конфликта в правовой мы рассмотрим в следующем параграфе.

Весьма важный аспект всякого конфликта — пути и способы его предупреждения, прекращения и разрешения. Давая определение юридического конфликта, мы не касались этого аспекта, а исходили из природы самих конфликтных взаимоотношений. Если же исходить из способов предупреждения, разрешения или прекращения конфликтов, то почти каждый из них можно назвать юридическим, ибо не бывает, по-видимому, такого случая, когда нельзя было бы с помощью юридических норм и институтов вмешаться в развитие тех или иных событий (возможно, редким исключением был бы когнитивный конфликт).

Иначе говоря, можно утверждать, что не каждый конфликт юридический, но практически каждый может завершиться той или иной юридической процедурой. Юридические возможности предотвращения, разрешения или прекращения конфликта в принципе шире, чем правовая природа конфликта. Однако в большинстве случаев для юридического вмешательства в конфликт с самого начала существуют правовые основания.

2. УЧАСТНИКИ КОНФЛИКТА

1. Уровни научного рассмотрения. Так как речь идет о противоборстве людей, то, естественно, участниками конфликта являются люди, хотя и в самых разных ролях, обликах и группировках. Самое простое в этом случае — противоборство двух физических лиц. В основе его лежит определенное противоречие между этими индивидуумами. Так

называемый межличностный конфликт может включать и нескольких человек, и разрастаться до групповых масштабов, но суть его от размеров не меняется. Когда двое слесарей повздорили между собой по поводу того, чья очередь идти за водкой, к каждому из них присоединились приятели и это закончилось массовой дракой. Но, несмотря на количество участников, конфликт остался межличностным. Дело в том, что в основе его лежат личные, а не общественные противоречия, хотя межгрупповые расхождения и здесь могут со временем сложиться.

В межличностном конфликте всегда участвуют конкретные лица. Группы, возникающие при этом, представляют собой в общем случайно образования, которые распадаются, как только закончится конфликт. Поэтому сколько бы ни было участников межличностного конфликта, уровень его научного рассмотрения в основном дол жоп оставаться **психологическим**.

Социологический уровень преобладает при анализе группового, классового или иного социального конфликта, где действуют, общественные группы", слои, классы и в основе конфликта лежат групповые противоречия. Конечно, конкретные личности здесь тоже играют важную роль, например лидеры, руководители. Более того, эпизодом группового конфликта может быть стычка двух или нескольких человек.) Но все же основными участниками здесь будут массовые образования и позиции здесь отстаиваются групповые, а не индивидуальные. Л. Козер отмечал, что групповые конфликты отличаются нетерпимостью и стремлением к абсолютной личной вовлеченности всех своих членов в противоборство.(Это усиливает конфликтующие группы и повышает социальную опасность и напряженность.

Отечественные авторы отмечают, что при групповых конфликтах не всегда наблюдается четкая идентификация групп. Это верное наблюдение подтверждается хаотическим поведением населения в ряде межнациональных конфликтов (Таджикистан, Абхазия, Грузия и др.), где

трудно было подчас определить пристрастия участников и цели их поступков.

Общеизвестно, что внутригрупповые, так же как и межгрупповые, конфликты распространены достаточно широко; они пронизывают всю нашу жизнь, являясь важным элементом социального взаимодействия. Соперничающими оказываются весьма разнообразные субъекты: не только отдельные индивиды, малые трудовые коллективы, семьи, соседи, но и крупные сообщества; как сказано выше, это могут быть социальные слои, классы, государственные и религиозные организации, партии, массовые движения и т. д. Именно эти социальные общности и придают в конечном счете конфликту ярко выраженный социальный характер. Любой конфликт (от межличностного до международного) в широком смысле социален. Тем более очевидна социальная природа конфликта **социальных общностей** как элементов общественной структуры на том или ином этапе исторического процесса. Эти социально-структурные общности представляют собой такую связь между людьми, которая обусловлена совпадением или близостью их интересов, относительным сходством бытия и общности субъективных представлений. Эта общность складывается не только на базе объективных условий жизни индивидов и осознания ими своих интересов, но и в результате определенной деятельности по выработке и достижению своих целей.

На психологическом уровне оппозиция двух или нескольких социальных групп происходит по принципу: «мы и остальные». Эта оппозиция встречается в самых различных случаях — там, где декларируется, подчас без всяких на то оснований, предпочтение одних людей другим, например: «Мы и другие родственники» — в семье, «мы и соседи» — в доме, «мы — ученики X класса и другие» — в школе, «мы и стройбатовцы» — в армии и т. д.

Более сложными представляются конфликты в условиях взаимодействия функциональных и целевых групп, образованных по профессиональному

или общественно-политическому принципу (партии, общественные организации, массовые движения). Этим *группам* присуща специфическая структура, обособленность по отношению к другим группам, достаточно высокий организационный уровень, выраженная идентификация их членов. В них индивиды, объединяясь по политическому, идеологическому или профессиональному признаку, стремятся реализовать свои не только сходные, но и достаточно разнородные потребности, что приводит к необходимости выделения руководителей, имеющих возможность придать определенную направленность действиям членов группы. Появляются лидеры, «идеологи», «активисты». В социальных конфликтах они играют роль непосредственных субъектов деятельности в отличие от массовидных, групповых субъектов (политическая партия в целом и т. п.).

Последние выражают наиболее высокий уровень социальности. Сюда же можно отнести такие большие общности, как население стран и регионов, этнос, народ. При взаимодействии этих общностей зона возможных конфликтов расширяется, охватывая все сферы общественных отношений (экономические, политические, идеологические, межнациональные и др.). При этом войны — крайние проявления конфликтов — затрагивают все стороны бытия, при определенных условиях ставя под угрозу само существование человечества. Международные конфликты резко ухудшают экономическое положение населения, нарушают территориальную целостность, политическое устройство стран-участниц.

Конфликтные взаимоотношения крупных социальных общностей неизбежно обрастают множеством более мелких противоречий и конфликтов, вплоть до индивидуальных. Можно поэтому с полным основанием утверждать, что социальная общность (группа) играет фундаментальную роль в понимании конфликта. Разумеется, при этом не следует упускать из виду, что действия любых социальных групп

проявляются в конечном счете через действия конкретных индивидов. Каждое из них производится по воле человека, но опосредуется оно организацией, а нередко и осуществляется от ее имени.

На высоком государственном уровне правомерны **политологический и геополитический** подходы к анализу конфликтов. Можно сказать, что сама конфликтология сформировалась как научное направление во многом на базе исследования международных конфликтов и в современной зарубежной науке этому и теперь придается важное значение.

Политологический *подход* дополняет и углубляет социологический анализ. Политическая или экономическая власть обеспечивает реализацию интересов субъекта, имеющего перевес сил. Именно поэтому существует напряжение (склонное либо к возрастанию, либо к понижению), вызванное неравенством в отношении степени реализации интересов. А это ведет к политическим и иным изменениям в обществе.

В **юридическом** конфликте можно выделить две группы субъектов: физические и юридические лица.

Если речь идет о противоборстве юридических лиц, то конфликт обязательно приобретает юридический характер, потому что между этими субъектами складываются (или уже существующим) правовые отношения, да и разрешить такой конфликт скорее что можно лишь юридическим путем.

Более разнообразной может быть ситуация, когда конфликт разворачивается между физическими лицами (одиночками, группами людей, толпой и др.). Физические лица, будучи гражданами, обычно являются субъектами определенных правоотношений. Это полагает заметный отпечаток на их поведение в конфликте. Участник конфликта, состоящий в тех или иных правовых отношениях, должен соизмерять свое поведение с существующими нормами права, помнить, что определенное развитие событий может стать небезразличным для «блюстителей порядка» — правоохранительных органов, а следовательно, и для самих участников

происходящего. Субъект конфликта вполне может впоследствии стать участником гражданского, административного или уголовного процесса в качестве истца, ответчика, потерпевшего, обвиняемого или свидетеля. Такая перспектива грозит многим субъектам конфликтов. В некоторых случаях юридический аспект конфликта остается выборочным, т. е. касается не всех, а лишь отдельных его участников. Возьмем, например, случай массовых беспорядков. Толпа атакует милицию, громит помещения, творит бесчинства. Хотя все участники толпы являются гражданами государства и связаны конституционными обязанностями, юридические отношения (в аспекте ответственности за беспорядки) все же возникают, согласно Уголовному кодексу, не со всей толпой, а лишь с организаторами массовых беспорядков и их активными участниками.

2. Противоборствующие стороны. Основные субъекты конфликта — противоборствующие стороны. Отнюдь не все участники конфликта в широком смысле являются теми лицами (группами), которые находятся в непосредственном противоборстве. Ведь есть еще пособники, пассивные свидетели и очевидцы, посредники и другие фигуры. Словом, противоборствующими сторонами можно назвать тех участников конфликта, которые непосредственно совершают активные (наступательные или оборонительные) действия друг против друга. В конфликте — обычно две противоборствующие стороны (в межличностном конфликте — два человека), но в принципе может быть три и больше — каждая со своими задачами.

Конфликт — сложное явление, включающее множество аспектов. Каждая сторона может быть вовлечена к тому же одновременно и в другие конфликты, обрастающие большим числом участников. И все же именно противоборствующие стороны — стержень конфликта. Если одна из них по той или иной причине отпадает — конфликт прекращается (или изменяется состав его участников). Поэтому в дальнейшем мы более

подробно рассмотрим интересы и цели противоборствующих сторон, причины и механизмы их поведения, а также результаты противоборства.

В конкретном конфликте противоборствующие стороны индивидуализированы и потому незаменимы. Это понятно применительно к межличностным отношениям. В групповом конфликте незаменимость относится не к личности, а к группе, так же как в межгосударственном — не к должностному лицу или органу, представляющему государство, а именно к последнему.

Следует также добавить, что противоборствующие стороны могут быть и неравнозначными, т. е. относиться к разным уровням. Так, индивид может конфликтовать не с другим лицом, а с группой или государством. Само государство нередко конфликтует не с равным себе партнером, а, например, с общественной организацией, политической партией, группой экстремистов и т. п. Такие конфликты, если они проводятся не в институционализированных формах, обычно очень остры, жестоки и нередко заканчиваются гибелью слабейшей стороны, которой, как правило, является человек.

Обе противоборствующие стороны могут быть выявлены не сразу. Вначале возможны неясные представления о противнике. Но, как мы уже отметили, конфликт как таковой надо считать начавшимся, когда есть не только первоначальное, но уже и ответное действие в противоборстве. А это означает, что обе стороны рано или поздно должны быть выявлены достаточно определенно.

Иллюстрировать сказанное лучше всего процедурой уголовного разбирательства. Пока преступник не задержан, конфликт между ним и органами правосудия носит латентный характер. Сам виновный, конечно, знает об обеих сторонах конфликта, но органы следствия, дознания, суд и прокуратура могут не знать, кто именно совершил преступление. Процессуальная деятельность по раскрытию преступления и наказанию виновного переходит из латентной фазы в явную, когда

подозреваемый задержан. Тем самым конфликт приобретает конкретные очертания.

Разумеется, к важнейшим характеристикам противоборствующих сторон, подчас совершенно однозначно определяющим исход конфликта, относятся их физические, социальные, материальные и интеллектуальные возможности, навыки и умения. Их социальные различия связаны не только с разным рангом или уровнем в том смысле, как это употреблялось выше, но и с широтой социальных связей, масштабами общественной или групповой поддержки. Интеллект и опыт ведения борьбы незаменимы во всех видах конфликтов — от дипломатического «торга» до вооруженного столкновения. Именно эти качества позволяют формировать верную и выгодную для стороны стратегию противоборства и предвидеть поступки оппонента. Для прямых физических столкновений, вооруженных конфликтов особенно важны «деструктивные потенциалы» противников. В межличностных конфликтах — это физическая сила, наличие оружия, в межгосударственных столкновениях, в войнах — это масштабы вооруженных сил, характер вооружения и эффективность военно-промышленного комплекса.

Характерно, что сильный «деструктивный потенциал», с одной стороны, является гарантом собственной безопасности, с другой — он провоцирует усиление потенциала других участников социального взаимодействия. Это особенно заметно на межгосударственном уровне, где «гонки» вооружений или разоружений неизбежно приводят к определенному балансу сил

Одна или обе противоборствующие стороны могут на некоторое время выходить из конфликта (например, объявлять перемирие). Однако практическая жизнь свидетельствует о том, что в большинстве конфликтов основная роль противоборствующей стороны остается в течение всего развития событий неизменной.

3. Подстрекатели, пособники, организаторы. Последнее нельзя сказать о других участниках конфликта. Роли подстрекателей, пособников, организаторов, а также, как мы увидим дальше, посредников и судей являются гораздо более эпизодическими.

Используемая здесь терминология является в основе юридической, но она достаточно полно характеризует не только криминальные, но и другие конфликты, в том числе международные. Подстрекатель — это лицо, организация или государство, подталкивающее другого участника к конфликту. Сам подстрекатель может затем в этом конфликте и не участвовать; его задача ограничивается тем, чтобы спровоцировать, развязать конфликт между другими лицами (группами).

Пособник — лицо, содействующее конфликту советами, технической помощью и другими способами. В международной политике пособничество агрессору, развязывающему вооруженный конфликт, расценивается как серьезное преступление против мира. Известно, что именно такую оценку история дала фактам пособничества нацистской Германии, которое оказывали ей Англия и Франция накануне второй мировой войны («мюнхенский сговор»).

При групповых конфликтах, особенно когда в них участвует неопределенный круг лиц, толпа, многие присутствующие люди фактически выступают как пособники основных участников — противоборствующих сторон. Кто-то выкрикивает лозунги, другие угрожающе размахивают палками и бросают камни, подают различные советы, возбуждают окружающих. Дифференцировать активных участников, пособников и пассивных наблюдателей происходящего в большинстве случаев трудно. Однако такая задача всегда возникает перед органами правосудия, когда рассматриваются дела о массовых беспорядках, драках или групповом хулиганстве.

Надо добавить также, что в обширных массовых и продолжительных конфликтах возможны перегруппировки участников, временные коалиции

между ними, сговор или внутренние конфликты, что крайне запутывает и усложняет общую картину.

Организатор — лицо (группа), планирующее конфликт, намечающее его развитие, предусматривающее различные пути обеспечения и охраны участников и др. Организатор может в одном лице совпадать с противоборствующей стороной, но может быть и самостоятельной фигурой. Классический пример последнего — Яго из шекспировского «Отелло», который сам не участвует в трагическом конфликте Отелло и Дездемоны, но тщательно организует его.

4. Посредники и судьи. Их тоже можно в широком смысле слова считать участниками конфликта, особенно посредников, которые не только стремятся разобраться в причинах и обстоятельствах происходящего (это делают и судьи), но и пытаются своими действиями предотвратить, остановить, разрешить конфликт, влияя своим авторитетом или применяя другие средства.

В практической конфликтологии проблема посредничества имеет важное значение. Наиболее эффективна регламентированная процедура, при которой посредник — строго нейтральное лицо, помогающее конфликтующим сторонам в достижении согласия с помощью переговоров. Специфической чертой посредничества является то, что стороны обычно сами формулируют текст соглашения (чаще, чем посредник). Последний не наделен властью выносить какое-либо решение, а лишь помогает достичь соглашения, которое и определяет дальнейшее действие сторон.

В связи с развитием в "последние годы множества региональных конфликтов, в основном межнационального характера, большее внимание стало уделяться использованию посредников из так называемых миротворческих сил, в том числе войск Организации Объединенных Наций. Участники этих сил часто непосредственно включаются в конфликт. На территории бывшей Югославии и в Сомали среди таких посредников были и убитые, и раненые. Еще раз заметим, что посредники, так же как и

судьи, не являются противоборствующими сторонами конфликта и цели их, как правило, диаметрально противоположны: не развивать, а остановить конфликт, разрешить противоречие по возможности ненасильственным путем.

5. Ролевое поведение. Из сказанного видно, что разные участники конфликта ведут себя по-разному в зависимости от роли, которую они выполняют в той или иной ситуации. Ролевое поведение участника конфликта в общем достаточно определено, потому что оно связано не только с его собственным желанием или планом, но и с планами соперника, вынуждающими участников к определенным действиям. Вместе с тем, говоря о ролевом поведении, следует отметить такое немаловажное обстоятельство, как возможная **имитация** ролей участниками конфликта. Иногда субъект как бы «входит в роль» непримиримой конфликтующей стороны, хотя конфликта как такового либо еще нет, либо он уже угасает. В этом случае сказываются амбиции субъекта, эмоциональные и характерологические особенности, групповые, партийные и иные интересы. Упорное удержание роли конфликтующей стороны характерно для межнациональных конфликтов, где такая позиция сильно затягивает примирение сторон, препятствует разрешению конфликтной ситуации. Конфликт в этом случае поддерживается искусственно, хотя реальной почвы для **него может уже** и не быть.

Входят в «роль» конфликтующей стороны сутяжники и склочники, обивающие пороги многих учреждений для удовлетворения действительных или вымышленных претензий, для чего подчас вовсе не требовалось бы вступать в конфликтные взаимоотношения. Преодоление подобных «ролевых» отношений во многих случаях требует немалых и подчас длительных усилий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Узбекистан. Т., «Узбекистан», 2003.
2. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. М. 1997.
3. Каримов И.А. Наша главная цель-демократизация и обновление общества, реформирование и модернизация страны. Доклад на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 28 января 2005 года. Т., «Ўзбекистан» 2005.
4. Каримов И.А. Со старыми взглядами и подходами невозможно построить новую жизнь. Речь на заседании Кабинета Министров. От 18 февраля 2005 года. Т., «Ўзбекистон», 2005.
5. Анцупов А.Я. Прошапов Л.С. Конфликтология: междисциплинарный подход. М., 1996.
6. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: теория, история, библиография М., 1996.
7. Бабосов Е.М. Конфликтология. М., 1997
8. Ворожейник И.Е. Кибанов А.Я., Захаров Д.К. Конфликтология: Учебник – М., 2000.
9. Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев С.В. Введение в общую теорию конфликтов, М., 1993.
10. Юридическая конфликтология. Отв.ред. академик В.Н.Кудрявцев, М.1995.

ТЕМА 2. Природа и типы юридических конфликтов (4 часа)

ПЛАН

1. Понятие, предмет и объект конфликта. Причины и мотивы возникновения конфликтов.

2. Классификация конфликтов, их причины и глубокий анализ, природа и типы в работе Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова «Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса».

3. Социальная роль и функции конфликта. Уровни конфликтов.

4. Социальное неравенство как первоисточник возникающих конфликтов.

5. Теория депривации. Иррациональные элементы.

6. Сущность и формы правового отчуждения личности

1. Причинность в обществе. Причинность в социальной среде характеризуется значительной сложностью и запутанностью. Каждое социальное действие влечет за собой массу разнообразных и притом противоречивых событий. Конфликт может быть в конечном счете обусловлен совершенно безобидными действиями индивидов или групп, находящимися в достаточно отдаленной связи с противоборствующими сторонами. Но если мы хотим разобраться в подлинных причинах конфликта, приходится тщательно анализировать всю цепочку взаимосвязей между событиями и людьми.

Анализируя причины поведения сторон в различных конфликтах, нетрудно заметить, что они обычно сводятся к стремлению удовлетворить свои интересы. Корысть, месть, ненависть, недоброжелательство, обида, неудовлетворенность принятым решением, стремление обеспечить себя материально сегодня или в будущем — вот лишь небольшая часть мотивов бытовых конфликтов, встречающихся в судебной практике. Иной, но не менее разнообразной является мотивация групповых конфликтов: экономические трудности, политические симпатии и антипатии, стремление к ли-

дерству, национальная гордость и многое другое. Столь же многообразны мотивы поведения государств на международной арене. Поистине мотивы конфликтов способны отразить всю сложность современной жизни.

Однако мотивы поведения индивидов и социальных общностей не являются глубинными причинами конфликтов: ведь сами эти мотивы требуют объяснения. Человек реагирует на изменения внешней ситуации, изменяясь сам; в свою очередь, психологические факторы воздействуют на ход экономических и политических процессов. Общественное сознание реализуется и преломляется через разум, чувства, потребности, мотивы, интересы, а отсюда мнения, позиции, поступки, действия конкретных людей. При этом именно в разнообразных формах индивидуального выражения общественного сознания, фиксируемого на эмпирическом уровне и обобщаемого как позиции и поведение групп и общностей, и проявляются в наиболее явном и остром виде противоречия духовной сферы, отражаются противоречия бытия. В целом масштабная конфликтная ситуация свидетельствует о протекании в обществе социально-дезорганизационных процессов, о кратковременной или длительной, более или менее глубокой, иногда необратимой дезинтеграции важнейших общественных структур, обеспечивающих стабильность данного общества или территориальной общности.

Ян Щепаньский писал, что «дезорганизация — это совокупность социальных процессов, приводящих к тому, что в рамках определенной общности действия, отклоняющиеся от нормы и оцениваемые негативно, превышают допустимый предел, угрожая установленному течению процессов коллективной жизни. Она заключается в дезинтеграции институтов, не выполняющих задач, для которых они созданы, ослаблении механизмов формального и неформального контроля, неустойчивости критериев оценок, появлении образцов поведения, противоречащих образцам, признанным допустимыми».

Если обобщить эти соображения, то можно еще раз сказать, что в конечном счете конфликты в современном обществе представляют собой порождение и проявление объективно существующих социальных противоречий.

Как известно, эта точка зрения была подробно разработана в марксистской литературе.

Общество, по К- Марксу, не статично; путем классовой борьбы оно постоянно преобразуется. Это общество по мере осознания рабочим классом своего угнетенного положения становится все более конфликтным, до тех пор пока не произойдет социальная революция, которая и похоронит эксплуататорский класс. Процесс этот носит всемирный характер, и он неизбежно должен привести со временем к бесклассовому обществу.

Такое понимание общественно-исторического процесса сразу же встретило серьезные аргументированные возражения. Некоторые исследователи наследия Маркса не могли не обратить внимания на то, что классовый конфликт в этом смысле рассматривается без теоретического анализа его разнообразных поведенческих форм. Другие ученые, приняв некоторые марксистские постулаты, вместе с тем увидели в его концепции абсолютизацию экономических отношений в качестве главной причины конфликта между классами.

М. Вебер полагал, что возникновение конфликтов не сводится только к различиям бедности и богатства. Выявив компонент неравенства (разная степень уважения, неодинаковый престиж), он ввел понятие статусных групп. При этом Вебер обнаружил связь между материальными и идеальными интересами различных групп, с одной стороны, и религиозным сознанием, с другой.

Р. Дарендорф именно классы считает «конфликтующими социальными группами, основание определения которых... состоит в участии в господстве или исключении из него...». Он утверждал также, что классовый конфликт определяется характером власти. Конфликт, по его мнению, вызывается обычно не экономическими отношениями между руководителями и подчиненными, скорее его главной причиной является власть одних над другими. Не только власть предпринимателей над рабочими создает основу для конфликта; последний может возникнуть в любой организации (в больнице, военном батальоне, университете), где вообще существуют управляющие и подчиненные. Отметим: автор знаменитого труда «Общественные классы и классовый конфликт в индустриальном обществе» использовал многие теоретические положения Маркса для вывода о существовании объективных («скрытых») и осознанных («открытых») интересов. Классы, по его мнению, появляются лишь тогда, когда «скрытые» интересы становятся «открытыми».

Л. А. Козер, различая внутри и вне групповые конфликты, обратил внимание на зависимость их от самой социальной структуры. Последняя содержит гарантии единства внутригрупповых отношений перед лицом конфликта: это институционализация конфликта и определение степеней его допустимости. Станет ли социальный конфликт средством стабилизации внутригрупповых отношений и согласования противоположных требований сторон или он окажется чреватым социальным взрывом? Ответ на этот вопрос зависит от характера социальной структуры, под воздействием которой и развивается конфликт.

В социальной структуре любого типа, считает Козер, всегда имеется повод для конфликтной ситуации, поскольку время от времени в ней вспыхивает конкуренция отдельных индивидов или подгрупп по поводу дефицитных ресурсов, позиций престижа или отношений власти. Вместе с тем социальные структуры отличаются друг от друга дозволенными способами выражения антагонистических притязаний и уровнем терпимости в отношении конфликтных ситуаций.

Из современных авторов Пьер Бурдьё дает достаточно практического материала для размышления над тенденциями развития нынешних конфликтов, поскольку вообще полагает, что класс как теоретическая конструкция, отождествляемая с реальной действующей группой людей, есть обычная интеллектуалистская иллюзия. По его мнению, недостаточность марксистской теории классов и, в особенности, ее неспособность учитывать ансамбль объективно регистрируемых различий, являются результатом того, что, сведя социальный мир к одному лишь экономическому полю, марксистская теория приговорила себя к определению одной лишь позиции в экономических отношениях производства.

По К. Боулдингу, Л. Крайсбергу, М. Крозье, сам конфликт заключается в противоборстве групп, преследующих несовместимые цели. К. Боулдинг, однако, отмечал, что все конфликты имеют общие элементы и общие стандарты развития и изучение этих общих элементов может представить феномен конфликта в любом его проявлении.

Э. Кардель проводил различие непосредственных интересов социальных слоев и групп социалистического общества, в том числе и внутри рабочего класса. Признавая конфликты на базе

социальных и имущественных различий, порождаемых в первую очередь распределением по труду, он находил основной конфликт тогдашнего югославского общества в противоречии между силами социалистического самоуправления и антисамоуправленческими силами. Помимо этого конфликта, носящего характер классового антагонизма, в югославском обществе, по его мнению, существовали и иные конфликты, возникающие на базе социалистических общественных отношений¹⁶. Его соотечественник М. Джилас в работе «Новый класс» источником конфликта при социализме считал привилегированный слой чиновников, создавший новую систему неравенства и деспотизма.

Итак, как видим, основные подходы к пониманию и объяснению конфликта складывались в рамках рассмотрения особенностей взаимодействия крупных социальных общностей. Личностный анализ в конфликтологии занимает, пожалуй, второстепенное положение. Он безусловно важен, но при изучении, к примеру, девиантного поведения единичное, индивидуальное имеет тенденцию к превращению в общее, групповое, т. е. становится доступным для анализа социальных общностей.

2. Неравенство как источник конфликта. Основными признаками социального неравенства, как известно, являются различия в отношениях собственности, власти и статуса. В той или иной мере эти особенности отражены в социально-классовой структуре общества, фиксирующей неравенство в отношениях между социальными группами, вплоть до индивида. В связи с социально-политическим и социально-экономическим неравенством находятся и существенные различия в образе жизни, культуре, психологии социальных групп и индивидов.

Социальные действия, имеющие целью создание материальных и духовных ценностей, их обмен и распределение, неизбежно ведут к напряженности между социальными группами, а при определенных условиях — к открытому конфликту.

Обычно в основе непосредственного столкновения интересов больших социальных групп лежит расхождение между достигнутым уровнем получения материальных и культурных благ и твердым убеждением, что доступ к ним несправедливо ограничен противоположной стороной. Именно осознание неза заслуженного социального «прессинга» со стороны противника имеет мотивационное значение для поведения масс людей.

В условиях, когда группа не имеет осознанных потребностей, она не в состоянии начать единые действия. Поэтому вначале они носят спонтанный, хаотический характер. Однако под влиянием тех или иных обстоятельств происходит быстрое (или медленное) осознание интересов, их кристаллизация. Под сомнение начинает ставиться не только существующая система раздела благ, но само групповое господство. Конфликт приобретает политический характер. Этим обстоятельством зачастую пользуются политические лидеры, которые либо стимулируют кристаллизацию остальных интересов, либо стараются ее ослабить, направить в другое русло.

Исторический опыт последних десятилетий свидетельствует, что государственный социализм не смог полностью ликвидировать частную собственность и социальное неравенство классов. Не смог он избавить общество и от социальных конфликтов. Но это не причина игнорировать темные, асоциальные стороны рыночного капитализма, особенно нерегулируемого. Вполне возможно, что рыночная экономика — лучшая производственная система из известных сегодня, но для того, чтобы ее преимущества приняли гуманистический характер, демократическое государство должно взять на себя ответственность за смягчение тех типичных форм отчуждения и порабощения человека, которые она способна породить. На деле это означает перераспределение доходов со стороны государства в пользу обездоленных, прогрессивное налогообложение. Механизмы и детали этого перераспределения вырабатывались и реализовывались различными путями: от компромиссов и переговоров до конфликтов. Однако в исторической перспективе последнее явно нежелательно, ибо чревато взаимными социальными потерями.

Надо заметить, что в обществе не существует вполне эффективных способов полного устранения конфликтов, связанных с неравенством больших социальных групп. Во-первых, как показывает история человечества, социальное неравенство постоянно воспроизводится. Периодически повторяющиеся революции значительно меняют типы, формы и методы осуществления неравенства, однако устранить его в принципе не в состоянии. В любом обществе всегда существовал и, видимо, будет существовать конфликт интересов между различными социальными группами, хотя бы за право обладать и (или) распоряжаться жизненно

важными ресурсами. Эта борьба настолько длительна, насколько их объект — те же ресурсы, например, ограничены во времени и пространстве. Представляется постоянным и стремление изменить формы и виды собственности.

В то же время эти конфликты могут быть смягчены либо перенесены на другие уровни. Однако эти возможности сильно ограничиваются культурным уровнем населения, растущей социальной поляризацией, сохранением отчуждения и другими не менее важными обстоятельствами.

Какое значение имеют различия в типах противоречий для понимания природы конфликтов? Связь здесь состоит в том, что в большинстве случаев развитие конфликта в какой-то мере отражает объективное противоречие, лежащее в его основе. Так, вряд ли удастся устранить конфликты, проистекающие из объективных противоречий между новыми и старыми элементами социальной структуры. Сохранение устаревших институтов (например, системы управления, политической партии и т. д.) неизбежно порождает социальные конфликты, связанные со стремлением освободиться от старых, обветшавших догм и установлений. Можно сказать, что в качестве общего правила глубина и острота конфликта также взаимосвязаны с глубиной породившего его противоречия, хотя от этого правила могут быть и отступления.

В психологической литературе стало уже достаточно традиционным деление на предметную и субъект-субъектную сферы внутригрупповой активности, деловые (предметные) и личные (эмоциональные) взаимосвязи. Аналогичным образом в акте человеческого общения различаются уровень содержания общения и уровень взаимоотношений, т. е. одно и то же социальное взаимодействие проходит как бы в двух планах: как процесс, затрагивающий содержательные стороны того или иного материального или идеального предмета, и как процесс реализации отношений взаимодействующих субъектов друг к другу. Иными словами, в конкретном повседневном взаимодействии люди или государства и обмениваются взглядами по поводу тех или иных внешних предметов и событий, и одновременно с этим неизбежно находятся в отношениях друг с другом, т. е. соприкасаются своими интересами.

Взгляды, знания, точки зрения, или, говоря психологическим языком, «когнитивные структуры» субъектов, во время взаимодействия могут находиться в полном или частичном согласовании, но могут быть и в абсолютном противоречии. Противоборство когнитивных структур может быть вовсе не связано с нарушением отношений между субъектами. Научный спор или парламентские дебаты могут и должны в принципе происходить между людьми, уважающими друг друга и не имеющими никаких взаимных личностных или иных претензий. Различия между идеологиями, культурами или религиями наций могут быть поводом для острых дискуссий, не затрагивающих тем не менее хороших добрососедских отношений людей. Наблюдаемые нами постоянно войны на религиозной или идеологической почве имеют другую истинную причину — стремление одной или обеих сторон навязать свои взгляды, а это уже проблема столкновения интересов, зачастую скрытых от стороннего наблюдателя.

3. Интересы и потребности. «Во всей мировой литературе столкновение **интересов** было одной из главных тем: возможно, по вниманию, которое ей уделялось, с ней сравнимы лишь темы Бога, любви и внутренней борьбы». Пусть это сказано с преувеличением, но что касается конфликтологии, то столкновение интересов — действительно центральный пункт проблемы.

Объяснение природы общественных конфликтов имеет давнюю традицию, состоящую в анализе противоборства интересов. В глобальном масштабе оно проявляется в борьбе государств за изменение критериев и оснований распределения ресурсов, приобретения территорий и т. п. Интерес часто прямо не ассоциируется с материальными благами, он может вытекать из религиозных, культурных, профессиональных устремлений. Объективный и детальный анализ противоречий и столкновений — интересов (особенно классовых, групповых и национальных) может существенно прояснить картину конфликтов в стране, регионе, да и в малой социальной группе.

Анализ самых разнообразных конфликтов свидетельствует о том, что какие бы конкретные причины ни лежали в основе поведения противоборствующих сторон, в конечном счете они упираются в их интересы, которые в случае конфликта оказываются несовместимыми или противоположными. Гитлеровская Германия стремится к захвату чужих земель,

европейские страны — к независимости и суверенитету. Вор похищает чужое имущество, собственник его защищает. Супруги ссорятся по поводу денег: каждый стремится самостоятельно использовать семейные средства, и каждый по-своему прав, отстаивая свои интересы.

При анализе интересов как основы конфликта некоторые исследователи обращают внимание на смежные социальные и психологические явления, в том числе генетически предшествующие интересу. Такова, например, категория потребности, трактуемая обычно как состояние нехватки чего-либо, что организм (личность, группа, общество) стремится восполнить. Потребность предшествует интересу, который представляет собой осознанную потребность (а подчас и осознанный путь ее удовлетворения).

По мнению К. Ледедера, например, социальный конфликт есть следствие ущемления или неадекватного удовлетворения всей той совокупности человеческих потребностей (или их части), которые составляют «реальную человеческую личность».

Потребности в безопасности, признании, идентичности, социальной принадлежности и т. п. присущи не только отдельному индивиду, но и социальным группам, этническим образованиям, целым обществам и государствам. По мнению Дж. Бертона, «только те организационные усилия, которые полностью удовлетворяют основные человеческие потребности, могут принести подлинное завершение конфликта». В связи с этим многие авторы усматривают психологическую причину конфликта во фрустрации или посягательстве на какую-либо из основных человеческих потребностей. При конфликте, отмечают отечественные авторы, противоборствующие стороны преследуют свои цели, которые, однако, не могут быть одновременно достигнуты обеими сторонами без ущерба друг другу.

Но чем вызывается само это посягательство на потребность? И чем обусловлен дефицит? Ряд специалистов обращают внимание на более общие социальные процессы и явления, такие, как неравенство, нестабильность экономического, социального и политического развития, неустойчивость положения общественных слоев и классов Р Дарендорф, например, утверждает, что общество, порождая неравенство, одновременно неизбежным образом порождает конфликты. При этом предметом классового

конфликта являются жизненные шансы, точнее — их неравномерное распределение.

4. Концепция депривации. Для объяснения причин крупных общественных коллизий можно успешно использовать концепцию так называемой деривации. Речь идет о состоянии, для которого характерно явное расхождение между ожиданиями и возможностями их удовлетворения. Очевидно, что с течением времени деривация может либо усиливаться, либо уменьшаться или оставаться неизменной. Усиление деривации зависит от того, в каком соотношении находятся ожидания, с одной стороны, и возможности их удовлетворения — с другой. Рост деривации может происходить, во-первых, при уменьшении возможностей уже сформировавшихся запросов, что наблюдается, в частности, в условиях экономического кризиса. Ожидания многих в таких условиях определяются скромной формулой сохранения статус-кво: «лишь бы хуже не стало». Во-вторых, возможна ситуация, когда ожидания, запросы растут значительно быстрее, чем возможности их удовлетворения. Тогда также наблюдается усиление деривации, а следовательно, и вероятности возникновения конфликта.

Сохранение стабильного уровня деривации или даже снижение его, что возможно опять-таки либо при уменьшении уровня притязаний (ожиданий) при неизменном масштабе удовлетворения потребностей, либо при более быстром росте удовлетворения запросов по сравнению с ожиданиями, ведет, согласно этой концепции, к созданию психологических условий, способствующих стабилизации морально-психологической атмосферы в обществе, ослаблению напряженности. И наоборот, усиление деривации порождает агрессивные реакции на фрустрацию. Реакция на фрустрацию воплощается в выступлениях, направленных против источников разочарования, подлинных или придуманных виновников бедственного положения; она может реализоваться в поисках «козлов отпущения», которыми в одних случаях становятся национальные меньшинства, в других — лица, получающие «несправедливо много» за свой труд (в зависимости от ситуации это могут быть торговцы, кооператоры, частные предприниматели, «вообще начальники», ученые и т. д.), в третьих — органы власти и управления, функционеры и лидеры правящей партии. Иными словами, усиление деривации способствует росту

социальной напряженности, возникновению открытых социальных, политических и этнических конфликтов.

Вятр особо выделяет случай условной деривации, отмечая, что в подобных ситуациях в группах, чьи запросы особенно сильно возросли по сравнению с возможностями их удовлетворения, появляется отчетливая тенденция к агрессивному поведению, направленному против политической системы или общественной группы, которую считают виновницей деривации. Он вспоминает ставшую классической работу А. де Токвиля «Старый порядок и революция», в которой французский ученый XIX в., пожалуй, первым обратил внимание на этот механизм, показав на примере Великой Французской революции, что революция может вспыхнуть не тогда, когда массы живут хуже в абсолютном смысле, а тогда, когда их положение несколько улучшилось, вызвав, однако, значительно более интенсивный рост ожиданий.

5. Иррациональные элементы. В возникновении конфликта обычно можно обнаружить те или иные объективные причины, способствовавшие столкновению интересов социальных субъектов. Например, конфликт между двумя мужчинами, любящими одну женщину, или столкновение транспортного министерства и фермеров из-за строительства на их территории автомагистрали основаны на противоречиях, закономерно вытекающих из объективно сложившейся ситуации, в которой столкнулись реальные потребности каждой из сторон.

Однако в общественной жизни существует немало противоречий и, следовательно, конфликтов, которые не вызваны какими-то серьезными причинами, а коренятся в характерах людей, настроениях, вкусах, пустяжных капризах и других субъективных факторах, не имея прямого отношения к их действительным мотивам и потребностям.

Особенно часты подобные «субъективные» противоречия между отдельными индивидуумами, вынужденными к постоянному общению в семье, в служебных или иных делах. Эти противоречия могут быть достаточно мелкими, с точки зрения других людей — ничтожными, но в силу особенностей характера они становятся непреодолимыми препятствиями для нормальных взаимоотношений. «Мелкие душевные раны, — пишет психолог, — постоянно наносимые по самым «чувствительным» или «слабым» местам, становятся конфликтогенными». Этот автор отмечает, что такими чув-

ствительными сторонами характера или поведения могут быть вполне нормальные, естественные качества, которые, однако, отсутствуют у другого человека: пунктуальность, бережливость, точность, терпение и т. п.

Чье-то неудовольствие может, например, вызывать манера другого человека одеваться или способ приема пищи. Истоки многих национальных предубеждений находятся в различиях в образе жизни или манере общения. Часто труднообъяснимыми оказываются столкновения между людьми, имеющими различия в темпераментах, скорости реакций. Причиной конфликта, наконец, может послужить просто чья-то раздражительность, дурное расположение духа, оборачивающееся пустыми придирками даже к человеку, который искренне уважаем и любим. Эта причина, конечно, сама может побуждаться чем-то лежащим за пределами данной системы отношений, какими-либо проблемами, неприятностями, конфликтами, произошедшими у человека в других ситуациях.

Традиционное бытовое мнение о конфликте состоит в том, что конфликт всегда представляет собой некоторое логически объяснимое противоречие между людьми, рационально отстаивающими свои интересы. Именно на нем базируются многочисленные «игровые» модели конфликтов, в которых оппоненты представлены в качестве игроков, стремящихся иметь минимум потерь.

Правда, этому на первый взгляд убедительному пониманию противоречат многие факторы, наблюдаемые специалистами. В семейной ссоре муж старается максимально сгладить противоречия, уступает жене, но она рассматривает это как «заискивание», которое, по ее мнению, свидетельствует о какой-то скрытой провинности супруга, и конфликт разгорается с новой силой. На межгосударственных переговорах одна из сторон оскорблена тем, что ей не было предоставлено первое слово, и переговоры срываются. Можно привести много примеров, подтверждающих сложность причин конфликта, состоящую в данном случае в том, что они не всегда поддаются строгой логической реконструкции и часто «нагружены неустранимой иррациональной составляющей», которая образует индивидуальное своеобразие конфликта и не позволяет разрешить его простыми средствами.

Особенно заметно это в межнациональных конфликтах, которые в силу иррациональности, непродуманности действий людей,

преобладания эмоций деструктивного характера приобретают неуправляемый характер и по мере своего расширения и обострения превращаются в подлинную катастрофу.

Неопределенность поведения человека в общении, как известно из психотерапевтической практики, может порождать у других невротические реакции, которые ведут к конфликтам, кажущимся посторонним совершенно абсурдными и не имеющими причин. Вместе с тем вся проблема — в неурегулированности и запутанности отношений, в психологическом «разноязычии».

Иррациональный элемент межличностного конфликта может служить и подлинной его причиной, если в нем участвуют душевнобольные или психопатические личности. А такие случаи нередки. Мы не касаемся здесь внутренних конфликтов личности, поскольку это скорее предмет психиатрического анализа, но нельзя забывать о том, что в толпе, особенно возбужденной националистическими или религиозными чувствами, нередко присутствуют не здоровые люди, способные сильно обострить конфликт. Вот почему конфликтология, будучи комплексной дисциплиной, должна учитывать и этот немаловажный аспект.

Разумеется, то, что мы назвали «объективными» и «субъективными» противоречиями, а также «иррациональными» элементами, не имеет в реальной жизни четких границ и здесь обозначается иссяма условно лишь для того, чтобы показать спектр возможных вариаций в причинах конфликтного поведения. Во всех случаях мы так или иначе имеем дело с интересами людей, которые могут быть более или менее существенными, стабильными и изменчивыми, явными или скрытыми. Нередко абсурдность и иррациональность поступков сторон является лишь кажущейся, в силу того что конфликт был основан на ошибочном представлении одного или обоих оппонентов о противоположности их стремлений. Подобные случаи «ложного» конфликта мы рассмотрим несколько позже.

6. Уровни противоречий. «Объективность» и «субъективность» противоречий можно понимать несколько в иной плоскости, если иметь в виду их связь с интересами, так сказать, двух различных кланов, направленными вовне или же вовнутрь — на самих себя. Говоря проще, это разделение связано с потребностями в той или иной внешней деятельности или напрямую с потребностями в самостоятельности, самосохранении,

самоуважении и т. п. Серьезное столкновение между людьми может быть, например, вызвано тем, что оба претендуют на один и тот же столик в ресторане; подобная же по результатам стычка может случиться и из-за вызывающего и оскорбительного поведения одного из посетителей, ни на что не претендующего, кроме повышенного внимания. Как известно, войны происходили и из-за стремления двух государств сохранить свое влияние на той или иной территории, и вследствие попыток одного установить свое господство над другим, превратить его в свою колонию.

В двух упомянутых различных вариантах по сути сталкиваются интересы разных уровней. В первом случае каждый изначально намерен реализовать ту или иную относительно частную потребность и вступает в борьбу с субъектом, ему мешающим. Во втором случае задействованы мотивы, связанные с сохранением свободы, неприкосновенности, уважением основных прав, т. е. с тем, что является центральными составляющими существования каждой личности или более крупного социального образования. Для человека это его индивидуальная свобода, физическая неприкосновенность, честь и достоинство; для государства или нации — независимость, неприкосновенность территории расселения или границ, признание как равноправного субъекта мирового сообщества. Крайнее, предельное выражение противоречий в этих интересах — полная несовместимость и борьба на уничтожение другого социального субъекта.

Из сказанного ясно, что речь может идти об уровнях социальных противоречий, различающихся по тому, насколько существенными оказываются затронутые интересы сторон. Проведенное нами членение, которое в реальности оказывается, конечно, более дробным, показывает прежде всего, насколько противоречия могут различаться между собой по глубине. Это определяет и степень вовлеченности субъекта в конфликт, и набор используемых им в конфликте средств, и в конечном счете возможность и способы разрешения конфликта.

2. ПРЕДМЕТ И ОБЪЕКТ КОНФЛИКТА

1. Понятие предмета конфликта Всякий конфликт связан с теми или иными внешними и внутренними обстоятельствами, круг которых всегда достаточно широк, переменчив и не может быть перечислен с исчерпывающей полнотой. Однако что-то есть в его

структуре основное, что позволяет в быту или в журналистских репортажах безошибочно идентифицировать именно этот конфликт или отнести его к определенной категории. Упорядочивая множество понятий, связанных с конфликтом, обычно выделяют два из них, которые дают возможность более четко определить существо и направленность любого конфликта: это предмет конфликта и его объект.

Под **предметом** конфликта мы понимаем объективно существующую или мыслимую (воображаемую) проблему, служащую причиной раздора между сторонами. Каждая из сторон заинтересована в разрешении этой проблемы в свою пользу. Предмет конфликта — это и есть то основное противоречие, из-за которого и ради разрешения которого субъекты вступают в противоборство. Это может быть проблема власти, обладания теми или иными ценностями, проблема первенства или совместимости (в когнитивном конфликте это и есть то, что называют предметом дискуссии).

Поиск путей разрешения конфликта, как правило, начинается с определения его предмета, и сделать это часто оказывается весьма трудно. Многие конфликты имеют столь запутанную и сложную предысторию, что специалист вынужден как археолог вскрывать один слой за другим. В конфликтах напластование проблем может сделать сам предмет конфликта абсолютно диффузным, не имеющим четких границ, перетекающим. Конфликт может иметь основной предмет, рассыпающийся на частные предметы, множественные «болевы́е точки». К таким примерам относятся длящиеся семейные неурядицы или межнациональные конфликты.

2. Объект конфликта. По мнению В. А. Ядова, «на самом деле во всех конфликтах речь идет о двух вещах или даже об одной: о ресурсах и о контроле над ними. Власть с этой точки зрения — это вариант контроля над ресурсами, а собственность и есть сам ресурс. Можно ресурсы разделить на материальные и духовные, а последние, в свою очередь, дифференцировать на составляющие. Эта точка зрения, правда, не в столь категоричной форме, высказывается и многими другими специалистами. Высказанная сходные мысли, нередко используют понятие «объекта конфликта, под которым подразумевают ту конкретную материальную или духовную ценность, к обладанию или

пользованию которой стремятся обе стороны конфликта. Объектом конфликта, по сути дела, может выступать любой элемент материального мира и социальной реальности, способный служить предметом личных, групповых, общественных, государственных интересов. Чтобы объектом конфликта, этот элемент должен находиться на пересечении интересов различных социальных субъектов, которые стремятся к единоличному контролю над ним. Примеров таких ситуаций можно найти множество: от ссоры малышей из-за Красиной игрушки до напряженности в отношениях двух государств из-за неурегулированности вопроса о принадлежности той или иной территории.

Объект конфликта в конкретной системе отношений — это всегда некий дефицитный ресурс. Одна должность директора, на которую претендуют два заместителя, последний батон колбасы, из-за которого возникает драка в очереди; один Черноморский флот и военный порт... Действительно, компенсация дефицита ресурсов во многих случаях может устранить возникшую неожиданно проблему. Именно этого хотел добрый старик Хоттабыч, наколдовавший каждому футбольному игроку по мячу. К сожалению, подобным же образом нельзя ликвидировать те многочисленные проблемы, с которыми люди сталкиваются в повседневной жизни. Вычленив объекты рядовых, типичных конфликтов, нетрудно обозначить круг проблем более общего характера. Например, очевидно, что характерные для нашей действительности мелкие конфликты в очередях и в транспорте напрямую связаны с дефицитом товарных и транспортных ресурсов на государственном уровне.

Дело, однако, не только в объективной «неделимости» объекта между двумя сторонами, но и в неделимости субъективной. Даже если двум малышам дать две красивые игрушки, каждый из них может захотеть только ту, с которой играет другой, или пожелает и получить обе. Иными словами, дефицит ресурсов и определение характера и границ объекта — вещь чаще всего относительная и изменчивая по своей сути.

Конфликт, однако, может и не иметь объекта. Наряду с «объективными» конфликтами мы выделяем категорию «безобъектных», не базирующихся на взаимных стремлениях к контролю над чем-то. Поясним, о чем идет речь. Начнем с

примера. Легко можно представить себе ситуацию с двумя соседями в стандартном блочном доме с прекрасной слышимостью: один сидит за рабочим столом и пишет научную монографию, а другой играет на скрипке. Первый, которому скрипка мешает сосредоточиться, стучит в стену. Начинается конфликт. Ясно, что причина конфликта здесь не в том, что оба стремятся единолично контролировать какую-либо ценность, а просто в помехах, снижающих эффективность деятельности одного из оппонентов. Типичным для практики уголовного судопроизводства является случай, когда конфликт разгорается из-за того, что случайный прохожий делает замечание хулигану. Здесь также нет того объекта, обладать или пользоваться которым хотели оба субъекта. Просто один нарушает нравственные представления другого. Наконец, ситуация, в которой отношения индивидов или групп пропитаны взаимной ненавистью и стремлением уничтожить друг друга, также представляет собой ярчайший пример «безобъектности».

3. Явный и скрытый конфликты. Сложность анализа конфликтных процессов и явлений в значительной мере определяется тем, что внешне наблюдаемое противоборство субъектов очень часто не дает адекватного представления о его подлинных причинах. Характеризуя подобные случаи, М. Дойч использует понятия «скрытого» и «явного» конфликта. Его мысль заключается в том, что конфликт в реальности может основываться на противоречиях более глубоких (скрытый конфликт), чем те, которые служат предметом противоборства во внешнем плане (явный конфликт). Достаточно часто можно встретить случаи, когда за внешне-наблюдаемым когнитивным конфликтом скрыт его реальный предмет — то или иное столкновение интересов. Внешне конфликт выглядит как научная полемика, но его подлинной основой является борьба за значимый социальный статус (например, обоюдное стремление занять одну и ту же должность в институте). В таких случаях стороны сами абсолютно рационально или интуитивно выбирают «язык» когнитивного конфликта, чтобы скрыть свои истинные намерения.

Аналогичным образом пустяшный скандал за семейным столом может скрывать более глубокие разногласия. Психиатрам и психотерапевтам, занимающимся семейной проблематикой,

хорошо известно, что основной причиной мелких семейных ссор в семье, возникающих по разным поводам, нередко является сексуальная несовместимость супругов. Давно сложившаяся антипатия может постоянно прорываться наружу в виде разнообразных «объектных» столкновений, ссор из-за денег, невымытой посуды и т. п. Конфликт может иметь не только два, но и больше предметов, скрытых друг в друге как матрешки в зависимости от того, сколько «слоев» конфликта таится под внешним планом.

Событие или обстоятельство, являющееся толчком к началу конфликта, обычно называют поводом. Известно, что поводом к войнам нередко оказываются частные междоусобицы или инциденты, хотя истинные причины межгосударственного столкновения оказываются гораздо глубже. Подобные частные конфликты скорее утихнут, чем разрастутся в крупномасштабную войну, если нет «скрытого» конфликта.

Повод не только возникает случайно, но и активно ищется или придумывается кем-либо из оппонентов. В этих случаях мы имеем дело с провокацией конфликта. Обычно провокация строится по следующей схеме: сторона, желающая развязать конфликт и через борьбу реализовать свои интересы, выискивает, выстраивает или придумывает такую относительно частную ситуацию в отношениях с другой стороной, которую легко можно интерпретировать как проявление враждебности оппонента. Тогда в глазах посторонних заранее спланированная агрессия становится наиболее оправданным актом возмущения. По этой схеме действовала гитлеровская Германия, начав в 1939 г. войну с Польшей. Аналогичным образом в СССР после убийства Кирова в 1934 г. был начат новый виток массового террора. Если брать примеры и) повседневной жизни, то многим знакомы случаи, когда хулиган, приставая к прохожему на улице, провоцирует мелкую ссору, даже спор, добиваясь какой-либо отрицательной ответной реакции, с тем чтобы, имитировав возмущение, обрушить на несчастного человека свою агрессию.

Одновременное существование двух (и более) планов конфликта может активно и сознательно поддерживаться сторонами, каждая из которых отдает себе отчет в том, что является истинным предметом конфликта. И делают они это из разных соображений. В научном споре или газетной полемике, например, затем,

чтобы соблюсти нормы приличия и не быть обвиненными в «личных» пристрастиях или корыстных мотивах.

Не всегда тем не менее участники конфликта осознают, из-за чего же они враждуют на самом деле. Их объяснение происходящего, мотивировки подчас вовсе не соответствуют реальным мотивам поступков. Подлинный предмет конфликта скрыт и от них. Они, например, до хрипоты спорят о методах воспитания ребенка, хотя на самом деле весь вопрос состоит в том, кто в семье главнее.

4. Ложный конфликт. Может случиться и так, что в действительности причина конфликта (а подчас и объекта) на самом деле не существует; он является лишь плодом воображения участников. Такого рода **ложный** конфликт большей частью возникает вследствие ошибки или заблуждения по крайней мере одной из сторон, предполагающей, что другая сторона совершает или намерена совершить агрессивные, неправомерные или иные нежелательные действия.

В ложном юридическом конфликте возможны четыре основные ситуации:

а) сторона полагает, что находится с определенным лицом в правоотношениях, но на самом деле этого нет (например, арендатор строения не знает, что собственник дома продал его другому лицу);

б) обратный вариант: сторона не сознает, что находится в правоотношениях с другой стороной (скажем, при открытии наследства один из наследников не подозревает о существовании других наследников);

в) сторона полагает, что противник действует незаконно, в то время как действия другой стороны правомерны;

г) обратный вариант: сторона полагает, что противник действует правомерно.

Из этого перечня видно, что ложность ситуации относится не столько к ее содержанию, сколько к юридической форме. На этой основе вполне может возникнуть конфликт. Ошибка в оценке ситуации, с одной стороны, не устраняет неюридических мотивов конфликта и, следовательно, не снижает его остроты. Например, добросовестный приобретатель имущества защищает его от собственника, не зная ни своих прав, ни прав противника и не

считаясь с законодательством. Если бы он знал и соблюдал юридическую форму, у него бы не возникло конфликта с собственником. С другой стороны, осознание и исправление ошибки в юридической форме, если именно она вызвала конфликт, может его прекратить. Так, должностное лицо, осознавшее законность действий представителя власти, который штрафует его за экологическое нарушение, вряд ли будет продолжать поддерживать конфликт, а вероятно, примет меры к устранению его причин.

Ложный юридический конфликт лучше всего может быть погашен при содействии специалистов, юристов-профессионалов, способных разъяснить ситуацию, дать необходимые советы и тем самым устранить почву для конфликта, который превращается в недоразумение, не требующее силовых приемов для выяснения отношений.

Забегая вперед, скажем, что вообще разъяснение правовых норм и законоположений, повышение юридической культуры граждан весьма полезно для сокращения числа конфликтов и снижения их остроты. Ведь юридические нормы упорядочивают общественные отношения, стабилизируют социальную жизнь и тем самым способствуют исключению или предотвращению групповых и индивидуальных противоборств.

ЛИТЕРАТУРА

11. Конституция Республики Узбекистан. Т., «Узбекистан», 2003.
12. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. М. 1997.
13. Каримов И.А. Наша главная цель-демократизация и обновление общества, реформирование и модернизация страны. Доклад на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 28 января 2005 года. Т., «Ўзбекистан» 2005.
14. Каримов И.А. Со старыми взглядами и подходами невозможно построить новую жизнь. Речь на заседании Кабинета Министров. От 18 февраля 2005 года. Т., «Ўзбекистон», 2005.
15. Анцупов А.Я. Прошапов Л.С. Конфликтология: междисциплинарный подход. М., 1996.
16. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: теория, история, библиография М., 1996.
17. Бабосов Е.М. Конфликтология. М., 1997
18. Ворожейник И.Е. Кибанов А.Я., Захаров Д.К. Конфликтология: Учебник – М., 2000.
19. Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев С.В. Введение в общую теорию конфликтов, М., 1993.
20. Юридическая конфликтология. Отв.ред. академик В.Н.Кудрявцев, М.1995.

Тема 3. Этапы развития и механизмы конфликтов (4 часа)

ПЛАН

1. Понятие конфликтной ситуации. Конфликтная ситуация и личность.

2. Этапы развития конфликтов. Понятие эскалации конфликта и его особенности.

3. Три основных типа психики участников конфликта. Ведение переговоров как мера разрешения конфликтов.

4. Обоснование Президентом Республики Узбекистан И.А.Каримовым особенностей становления механизма конфликта, его протестного электората в своих работах.

1. Понятие конфликтной ситуации. Рассмотрим события, предшествующие конфликту. Очевидно, что здесь можно выделить две группы явлений: объективная жизненная ситуация, в которой находятся противоборствующие стороны, и сами эти стороны — люди, имеющие определенные интересы. Собственно, это и есть структура противоречия, пока что не перешедшего в конфликт.

Говоря о жизненной ситуации, следует заметить, что она может быть самой различной по многим своим параметрам. Обстоятельства жизни человека или существования социальной группы могут быть скоротечными, преходящими или, напротив, длительными, застойными. Они могут характеризоваться определенной духовной атмосферой и тем или иным уровнем материальных плат. Они связаны с территориальным размещением субъектов, различными социальными иерархиями и многими другими факторами.

Под конфликтной ситуацией следует понимать такое совмещение этих обстоятельств человеческих интересов, которое объективно создает почву для реального противоборства между социальными субъектами. Раскроем подробнее это определение. Очевидно, что главная черта ситуации — это возникновение предмета конфликта. Поскольку ситуация предшествует конфликту, она может быть еще и не использована сторонами и даже в полной мере не осмыслена ими. Приведем пример. В научном учреждении намечается сокращение штатов. Многие сотрудники, особенно пенсионного возраста, могут подпасть под это «мероприятие». Пока конкретно вопрос о ликвидации тех или иных должностей не решен и потому говорить о возникновении конфликта преждевременно. Однако конфликтная ситуация налицо, потому что предмет возможных разногласий и борьбы уже существует, в коллективе возникла напряженность, которая может вызвать последующие действия участников.

Анализируя различные конфликтные ситуации в трудовых коллективах, Ф. М. Бородкин и Н. М. Коряк так суммировали некоторые типичные причины, создающие почву для конфликтов в организациях: а) неопределенность технологических связей между структурными подразделениями организации; б) наличие многочисленных начальников, отдающих различные распоряжения; в) большое количество подчиненных у одного начальника, что создает хаотичность в управлении; г) перекладывание ответственности друг на друга, что порождает состояние общей безответственности; д) невысокие личные и деловые качества ряда сотрудников¹. Естественно, что при этих условиях конфликтная ситуация в коллективе может сложиться достаточно легко. К этому перечню можно было бы добавить ряд внешних

для учреждения факторов, создающих в нем напряженность, например реорганизацию системы управления, указания вышестоящих органов о сокращении штатов, трудности с выплатой заработной платы и т. д.

Весьма сложны и разнообразны конфликтные ситуации в международных делах. Сошлемся в качестве примера на положение в Приднестровье, где возник конфликт между правительством Молдовы и русскоязычным населением региона. Начало противостояния сторон в этом регионе относилось к лету—осени 1989 г., когда Верховный Совет Молдавской ССР стал обсуждать закон о языках, причем утвердил молдавский язык в качестве единственного государственного языка на всей территории республики.

В ответ на многих предприятиях Приднестровья были созданы советы трудовых коллективов, которые потребовали проведения референдума по этому вопросу. Требование было отвергнуто правительством республики. Таким было начало приднестровского конфликта

Конфликтная ситуация может сложиться объективно, помимо воли и желания будущих противоборствующих сторон (пример: сокращение штатов в учреждении), а может быть вызвана или создана одной из сторон или обеими. При этом крайне важно отметить, что каждая ситуация имеет объективное содержание (оно определяется происходящими в действительности событиями) и субъективное значение (оно зависит от того, какую интерпретацию этим событиям дает каждая сторона), в соответствии с которым субъект начинает действовать в конфликте.

2. Восприятие конфликтной ситуации. Субъективное отражение конфликтной ситуации не обязательно соответствует действительному положению дел. В литературе справедливо отмечается, что осознание конфликта всегда несет в себе элементы субъективизма и уже поэтому является в определенной мере искаженным.

В ситуации с Приднестровьем объективные факты, характеризующие действия молдавских лидеров, были сразу же «подхвачены» населением этой местности и интерпретированы им как дискриминационные по отношению к лицам «некоренных» национальностей. Вскоре возникло движение за создание Приднестровской автономии и в большинстве населенных пунктов Приднестровья были проведены референдумы, на которых подавляющее большинство голосовавших высказалось за суверенитет. В этом случае, как показывает анализ всех событий, субъективные оценки возникшей ситуации достаточно тесно совпали с объективными обстоятельствами. Однако нельзя исключать того, что действия молдавского правительства в восприятии приднестровцев напрямую идентифицировались с лозунгами и воззваниями наиболее экстремистских движений в Молдавии, что привело к определенному преувеличению дискриминационных намерений правительства.

Искажения в восприятии ситуации способны достигать значительных масштабов. Известно, что причиной конфликта может послужить простое непонимание другого субъекта. Специалисты выделяют такие категории, как «неадекватно понятый» и «ложный» конфликты.

К первому относятся те случаи, когда существует конфликтная ситуация и стороны воспринимают ее как таковую, но с существенными отклонениями от действительности. Под существенными отклонениями можно понимать, например, значительное преувеличение масштабов возникшей проблемы (разногласия, возникшие исключительно по частному поводу, ошибочно интерпретируются как имеющие глобальный характер) или, наоборот, значительное их преуменьшение. Применительно к последнему случаю можно творить о неполном или частичном отражении конфликтной ситуации. Отклонения другого рода имеют место в ситуации «условного» конфликта, когда существование противоречий зависит от легко изменяющихся обстоятельств, что не осознается противоборствующими сторонами. В межнациональных конфликтах это наблюдается довольно часто.

В случаях же «ложного» конфликта объективная конфликтная ситуация полностью отсутствует, между субъектами нет никакого противоречия, но тем не менее стороны ощущают конфликтность и взаимоотношений и вступают в противоборство.

В названных случаях неадекватное или ложное восприятие редко характерно для обеих сторон. Обычно только один субъект интерпретирует ситуацию искаженно или ошибочно, тогда как фугой — вполне адекватно. Восприняв ситуацию как конфликтную, первый субъект начинает действовать; другой же, став адресатом конфликтных действий, для подобной оценки ситуации имеет уже больше оснований. Впрочем, и он будет не вполне объективен, если не осознает случайность возникшей проблемы. Ложное восприятие часто связано с интерпретацией чьих-то непреднамеренных действий как умышленных, т. е. соответствующих определенным интересам другого. Для разрешения этой проблемы обычно достаточно объясниться, выяснить, что действия, начавшие конфликт, были неосторожными, ненамеренными. Но очень часто эти возможности игнорируются и стороны предпочитают во всех действиях друг друга видеть злой умысел, способствуя разрастанию и углублению конфликта. Так, нередко в неумелых действиях властей усматриваются чьи-то козни и специальное нагнетание обстановки, в то время как в действительности дело просто и неорганизованности и отсутствии профессионализма.

Рассматривая неадекватное или ложное восприятие конфликтной ситуации как причину конфликта, важно подчеркнуть, что если это восприятие в генезисе когнитивного конфликта связано с искаженным толкованием собственно содержания излагаемой точки зрения, то в генезисе конфликта интересов оно вызвано прежде всего ошибками в оценке мотивов оппонента.

Ложное восприятие обычно связано с неправильным истолкованием слов и поступков других. Оно вызывается различными причинами: двусмысленностью сообщения, искажениями, которые привносятся контекстом общения в его первоначальный смысл. Замечено, что при определенных обстоятельствах вопрос или даже комплимент могут восприниматься как оскорбление. Подобные различия в интерпретации чужих поступков во многом определяются различиями культур, разными правилами общения

Интересно, что для восприятия субъектом ситуации как конфликтной даже не всегда обязательны какие-либо действия другой стороны. Порой достаточным для подобной оценки ситуации является наличие у другой стороны значительного «деструктивного потенциала». Из этого факта делается нередко ошибочный вывод об агрессивных намерениях другой стороны, и субъект, полагая, что защищает себя, развязывает конфликт. События в этом случае разворачиваются по типу «самоисполняющегося пророчества»: исходя из посылки о враждебных намерениях другого, субъект сам ведет себя агрессивно, что вызывает действительную враждебность другого и, таким образом, подтверждает первоначальную посылку

Увы, конфликт, возникший по ошибке, может в дальнейшем развиваться так, как будто он имеет реальный предмет. Уже в ходе конфликта возникает действительная конфликтная ситуация. Такое положение нередко является характерным признаком криминальных конфликтов. А. М. Яковлев в этой связи даже характеризовал преступное поведение, как неадекватную реакцию на сложившуюся ситуацию. Сама эта неадекватность оценки ситуации объясняется различными личностными факторами — ограниченностью кругозора, стрессом, узостью предвидения последствий, состоянием алкогольного или наркотического опьянения и др. Имеет значение и фактор времени: не во всем сразу можно объективно разобраться. И у людей, и у государственных образований она может быть связана также с определенными — в первом случае психическими, во втором — внутривластными аномалиями, формирующими у них «агрессивную концепцию среды».

3. Конфликтная ситуация и личность. Итак, в межличностном конфликте большое значение имеет характер восприятия конфликтной ситуации сторонами. Реагируя на сложившуюся ситуацию, человек действует в соответствии с особенностями своего характера и взглядами. Именно этим объясняется, что в одной и той же ситуации разными людьми (и группами) совершаются разные, порой противоположные поступки. Понятно, что именно взаимодействие конкретной ситуации и свойств личности и способно вызвать конфликт (или уберечь от него).

Недоступность разрешения ситуации для субъекта и вместе с тем нежелание вступать по этому поводу в конфликт может привести к так называемому психологическому **замещению** (переносу) Он состоит в том, что недостижимая цель заменяется иной, дающей лишь видимое и временное удовлетворение, часто извращенного характера Нередко такое замещение выражается в пьянстве и других формах социально неодобряемого поведения, ко трое, в свою очередь, тоже может вызвать конфликт Характерным примером является бытовое хулиганство, которое часто представляет собой перенос конфликта, сложившегося в семье, что соседском окружении, в совершенно иную ситуацию (избиение постороннего прохожего на улице, дебош в общественном ме-пс и т п) Такой перенос происходит и в поведении разъяренной толпы, ищущей себе жертву

Таким же образом обстоит дело и в случаях замещения неудовлетворенной потребности в самоутверждении Не имея возможности доказать свои «преимущества» на работе и избегая там конфликта, субъект затевает этот конфликт дома, в семье, что дает ему определенную «разрядку» и удовлетворяет самолюбие Так конфликтная ситуация, сложившаяся в одних условиях и к одном месте, разрешается — с конфликтом или без него — при совершенно иных обстоятельствах.

Забегая несколько вперед, можно сказать, что оценка ситуации в качестве конфликтной уже дает основания и обязывает действовать всех тех, кто может и должен предотвратить конфликт Это наиболее подходящий момент для пресечения возникающей драмы или трагедии Дальше, как правило, будет уже поздно

Конфликтная ситуация отличается от обычной, повседневной жизненной ситуации несколькими особенностями Некоторые из них мы уже рассмотрели выше Теперь коснемся более подробно той социально-психологической атмосферы, которая обычно сопутствует конфликтной ситуации и самому конфликту Это социальная напряженность

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ

1. Понятие социальной напряженности. Социальная напряженность — это особое состояние общественного сознания и поведения, специфическая ситуация восприятия и оценки действительности. Это состояние свойственно конфликту и сопровождает его. Масштабы социальной напряженности большей частью сопоставимы с масштабами конфликта и порождаются ими. Можно вести речь о напряженности межличностной, межгрупповой, межнациональной или о глобальной напряженности в обществе.

Социальная напряженность представляет собой **эмоциональное** состояние в группе или обществе в целом, вызванное давлением со стороны природной или социальной среды, продолжающееся, как правило, в течение более- или менее длительного времени Напряженность может быть вызвана отнюдь не только стремлением достичь какой-либо цели, но и разного рода ошибками или некомпетентностью лидеров. Кроме того, обычное состояние людей может резко измениться из-за воздействия не подконтрольных человеку сил природы: изменения климата, истощения ресурсов, землетрясения и т. д.

Наиболее общие предпосылки напряженности — это устойчивая и длительное время неразрешаемая ситуация рассогласования между потребностями, интересами,

социальными ожиданиями всей массы или значительной части населения и мерой их фактического удовлетворения, приводящая к накоплению недовольства, усилению агрессивности отдельных групп и категорий людей, нарастанию психической усталости и раздражительности большинства. Другими словами, речь идет о конфликтной ситуации, отражающейся в психологии населения.

Можно утверждать, что социальная напряженность возникает в обществе (территориальной общности), как минимум, двояким образом. Во-первых, если большинство людей вначале смутно ощущает, а затем по мере развития событий осознает, что удовлетворение их социальных, экономических, политических, национальных, культурных или каких-либо иных жизненно важных потребностей, интересов и прав находится под угрозой или даже становится невозможным. И во-вторых, когда какая-то, первоначально сравнительно небольшая часть людей не может удовлетворить свои потребности и реализовать свои интересы в существующих в обществе условиях и поэтому, независимо от того, по каким причинам и чем конкретно была вызвана такая ситуация, вступает в борьбу против действительных и мнимых препятствий или надуманного ущемления своих прав, распространяя в обществе настроения неудовлетворенности, страха, пессимизма и т. д. И в том и в другом варианте социальная напряженность возникает, если назревший кризис своевременно не выявляется, а конфликтное противостояние никак не разрешается, если наблюдается, так сказать, «патовая ситуация», тупиковая ветвь логического развития общественных процессов. Таким образом, социальная напряженность — это одновременно сторона и индикатор социального кризиса и сопутствующих ему всевозможных конфликтов.

2. Влияние социальной напряженности на поведение. И все же не так просто отнести напряженность к чисто негативным явлениям.

Прежде всего, социальная напряженность является необходимым, хотя и не постоянным элементом существования любого сообщества. Человек переживает это явление как стресс, адаптируется к нему, «осваивает» это состояние, оно становится необходимой частью его общественной культуры. Напряженность в тех или иных формах и аспектах сопутствует людям всю жизнь.

Далее, на макроуровне социальная напряженность встраивается в цивилизационные процессы, она пронизывает все мировое сообщество. А. С. Ахиезер вообще считает, что мы имеем дело с дуальной оппозицией, могущей принимать форму бесконечного разнообразия полюсов. Речь идет лишь о том, что надлежит и воспроизводить ее позитивные ценности, охраняя общество от деструкции. Этот автор выдвинул интересную идею о существовании так называемой конструктивной напряженности, выполняющей функцию преодоления социокультурных противоречий. Вектор этой напряженности направлен против дезорганизации, энтропийных процессов. Действительно, социальная напряженность может мобилизовать массы, усилить позитивные процессы (например, экологическое движение).

Обобщая рассеянные в различных источниках замечания и опираясь на опыт эмпирических исследований, проводившихся в РАН начиная с середины 1989 г., можно утверждать, что социальная напряженность как явление, проявляющееся прежде всего на социально-психологическом и поведенческом уровнях, характеризуется следующими моментами.

Первое: распространением настроений неудовлетворенности существующей ситуацией в той или иной-жизненно важной сфере общественной жизни. В начале 90-х годов социальная напряженность отражала, прежде всего, недовольство стремительным ростом цен, инфляцией, оскудением потребительского рынка, отсутствием личной безопасности, загрязнением окружающей среды.

Второе: тем, что под влиянием вышеназванных настроений утрачивается доверие к властям, снижается авторитет власти и клать авторитета, появляется ощущение опасности, широкое хождение приобретают пессимистические оценки будущего,

всевозможные слухи. В обществе в целом, как и в отдельной территориальной общности, возникает атмосфера массового психического беспокойства, эмоционального возбуждения.

Третье: на поведенческом уровне социальная напряженность проявляется как в стихийных массовых действиях (в ажиотажном спросе, скупке товаров и продуктов питания с целью создания страховых запасов «на черный день» и т. д.), так и в различных конфликтах, митингах, демонстрациях, забастовках и иных формах гражданского неповиновения и протеста, а также в вынужденной и добровольной миграции в другие регионы и за границу.

Социальная напряженность нередко непосредственно связана с ростом активности различных общественно-политических формирований в борьбе за влияние в массах и за власть, с деятельностью разного рода экстремистских групп, в том числе националистического толка, с активизацией преступных элементов и г. д. Этот вид напряженности носит заметно выраженный региональный характер.

В состав системы показателей социальной напряженности непременно входят признаки, характеризующие сферу субъективного: мнения людей по отношению к тем или иным событиям, действиям, их оценки меры удовлетворения своих жизненно важных потребностей, ожиданий, решения проблем, затрагивающих общие интересы, доверие к правительству и руководителям более низких рангов; оценки соблюдения прав человека, состояния охраны общественного порядка и личной безопасности граждан, экологической ситуации, состояния межнациональных отношений, возможности возникновения конфликта, вероятного поведения в прожективных ситуациях, альтернатив развития событий в ближайшем будущем и т. д. Обязательно должны учитываться и коррелирующие с вышеназванными показатели состояния сферы общественного бытия, условий жизни людей. Из множества последних следует выделить данные о фактах наличия, частоте и масштабах самих конфликтов, митингах, демонстрациях и других акциях подобного рода — массовых социально активных действиях, миграционных и эмиграционных потоках, динамике цен, товарооборота и покупательной способности различных категорий населения, структуре и динамике преступности, данные медицинской и другой статистики.

Поскольку полностью удовлетворить, насытить человеческие потребности невозможно, то, естественно, существует определенная «фоновая» неудовлетворенность — напряженность. П. Г. Горновой полагает, что должен существовать порог социальной напряженности, выше которого она приобретает взрывоопасный характер, т. е. становится своеобразной «гремучей смесью», способной взорваться при наличии соответствующих социальных детонаторов. Таким образом, можно констатировать, что развитие социальной напряженности имеет разные стадии. Нарастание социальной напряженности надо обнаруживать, фиксировать как можно раньше, еще в латентной стадии. Средства обнаружения и измерения должны быть простыми и надежными.

Заметим, что состояние неудовлетворенности и состояние беспокойства, сохраняющиеся в течение достаточно длительного периода времени, как правило, служат питательной почвой для возникновения и развития разного рода общественных движений. Анализируя лозунги, методы и программные заявления таких движений, можно установить, какие причины, в том числе подлинные или мнимые ущемления прав, вызвали эти силы к жизни. Тем самым можно сделать выводы и о факторах, влияющих на уровень и направленность динамики напряженности как своеобразного индикатора «температуры» общественного организма. Наметившаяся напряженность — эмоциональная энергия, которая ищет выход. На индивидуально-личностном уровне она проявляется в фрустрации, недовольстве, постоянной раздражительности, поисках контактов в неформальных кругах, на групповом — в агрессивности, в действиях, направленных на разрешение ситуации, признаваемой невыносимой. Конфликты в

таких случаях неизбежны, они продолжают либо поддерживать высокий уровень напряженности, либо (при разрешении конфликтов) резко идут на убыль.

Стадии социальной напряженности как процесса отличаются одна от другой по своим пространственно-временным параметрам и формам выражения. Их, по нашему мнению, три.

Первая, в ходе которой происходит еще пока скрытое, не имеющее явных внешних признаков, нарастание недовольства. Для нее характерна неорганизованная, главным образом вербальная, форма выражения недовольства, рост обеспокоенности в связи с множасьими нарушениями привычного хода вещей, без сколь-нибудь ясного осознания массами причин и масштабов происходящих в общественной жизни изменений. По сути дела речь идет пока не о конфликте, а только о начале конфликтной ситуации.

Вторая — обострение напряженности. Ее отличительной чертой является отчетливое осознание ненормальности существующего положения и наличия в обществе социальной напряженности большинством населения. Налицо развернутая конфликтная ситуация. На этой стадии могут начать возникать очаги резкого обострения напряженности в отдельных регионах и населенных пунктах, вспыхивать конфликты.

Третья стадия социальной напряженности обычно характеризуется ее уменьшением, постепенным исчезновением черт, характерных для этого состояния общественной жизни. Заметим, однако, что конфликты, возникшие на предыдущей стадии, могут еще продолжаться (не вызывая вместе с тем широкого общественного резонанса).

Таким образом, социальная напряженность возникает, когда конфликты еще не проявляются в предельно обнаженном виде, когда отсутствует отчетливо осознаваемое противостояние по линии «мы — они», и исчезает лишь тогда, когда кризис разрешен или конфликт исчерпан. Как явствует из сказанного выше, проявляясь на социально-психологическом и поведенческом уровне, она тесно связана с динамикой общественного мнения и общественных настроений.

4. Напряженность и социальные противоречия. Резюмируя то, о чем говорилось выше, можно сказать, что социальная напряженность — это понятие, характеризующее не только эмоциональное состояние людей, но и состояние всей общественной жизни, отличающееся обострением внутренних противоречий объективного и субъективного характера (углубленное, как отмечалось выше, в ряде случаев действием внешних обстоятельств иной природы, например стихийными бедствиями, катастрофами и т. д.). Глубинные причины данного явления — совокупность экономических, политических, социальных и иных процессов, ход и направленность течения которых приводит к возникновению в обществе нестабильной (политической, экономической, военной) или конфликтной ситуации. Они формируют некий «фон», на котором развертываются конкретные конфликты. На этот общий фон фундаментальных причин напряженности зачастую накладывается действие локальных факторов (в том числе действия средств массовой информации, экстремистских и националистических групп, неправильные действия властей и т. д.), вызывающее обострение ситуации в тот или иной момент времени в различных регионах страны.

Можно привести множество примеров, иллюстрирующих высказанные выше положения. Это чернобыльская катастрофа и землетрясение в Армении, напряженность в Эфиопии и Сомали, конфликты на Ближнем Востоке, многочисленные демонстрации, террористические акты в разных регионах мира и многое другое.

Мы уже отмечали выше, что характерная особенность социальной напряженности — не только ее изменчивость во времени, но и пространственная дифференциация регионов и населенных пунктов по степени интенсивности проявления социальной напряженностиTM, четкой локализации очагов (зон) резкого ее усиления, связанного с действием конкретных местных причин и субъективных факторов. Зачастую действие

указанных локальных факторов и причин субъективного характера затеняет влияние и само существование более общих объективных причин, подлинная роль и значение которых, как правило, могут быть выявлены лишь при глубоком теоретическом анализе на макроуровне.

Устранить их действие в отличие от локальных и субъективных факторов чрезвычайно трудно. Следовательно, оправданно говорить о социальной напряженности как при общей характеристике положения в стране и в мире в целом, так и при описании положения в отдельных регионах, населенных пунктах, отраслях или на предприятиях. Однако в конкретном ситуационном исследовании важно различать общие и локальные факторы, причины и предпосылки, выявлять конкретные общественные силы, позиции различных социальных групп, оценить общественное мнение, указывать на действия и события, способствующие эскалации напряженности, с тем чтобы найти возможные пути и методы ее устранения, а следовательно, и прекращения конфликтной ситуации.

ПСИХОЛОГИЯ УЧАСТНИКОВ

1. Некоторые субъективные аспекты конфликта. Конфликт можно условно расчленить на две составляющие: внешнюю (объективную) и внутреннюю (субъективную, психологическую). Анализ конфликта мы начнем с рассмотрения его психологической стороны, очертив ее важнейшие составляющие. О некоторых существенных субъективных моментах мы уже сказали ранее, затронув проблему интересов и потребностей, а также восприятия конфликтной ситуации и эмоциональной напряженности. Теперь же остановимся на некоторых психологических коррелятах самого конфликтного процесса.

Субъективная сторона конфликта представлена множеством психологических элементов, участвующих в любой человеческой деятельности. Это аналитические действия и процесс принятия решения, эмоции и память, социальные установки и ценностные ориентации, внутренние нормативные механизмы и многое другое. поведение в конфликте, однако, — это довольно специфический вид индивидуальной, групповой или массовой активности, требующий особой функциональной ориентации различных субъективных процессов.

Прежде всего поведение в конфликте часто сопряжено с сильнейшей фрустрацией, стрессом, возникающим из-за действий другой стороны. Это накладывает определенный отпечаток на протекание иных субъективных процессов и характер действий субъекта. В ситуации сильного напряжения могут совершаться поступки, для них в обыденных ситуациях невероятные как в смысле высокой эффективности действий, так и в смысле их полной неадекватности, ошибочности. Люди, вступая в конфликт, редко остаются хладнокровными, их поведением руководят сильнейшие негативные эмоции: гнев, ярость и т. п., подчас доходящие до полного аффекта. Серьезные искажения в связи с этими обстоятельствами могут происходить в субъективных образах происходящего противоборства, складывающихся у каждого из его участников. Эти искажения в восприятии касаются намерений и целей противника, результатов его действий, деструктивная сила которых может значительно преувеличиваться.

В конфликте, затрагивающем жизненно важные интересы субъекта, мобилизуются все его внутренние ресурсы. В группах и крупных социальных общностях, государствах в таких случаях обычно устанавливаются соответствующий порядок и особые нормы поведения. Как известно, наличие внешнего врага способствует сплочению членов сообщества. Индивид по возможности максимально полно использует свои интеллектуальные или физические ресурсы в зависимости от того, какой характер принимает борьба. Субъекты, желающие достичь победы, максимально

используют свои знания, умения и навыки. Во многих случаях важна скорость реакции или, для групп и крупных сообществ, скорость реагирования. В конфликте, как — опять подчеркнем — ситуации стрессовой и требующей немедленных действий, зачастую реализуются привычные, стереотипные, бессознательные реакции.

Субъект, участвующий в конфликте, как правило, находится в ситуации выбора, часто сопряженного с риском. Не следует думать, что выбор осуществляется всегда рационально, продуманно, со взвешиванием всех возможностей. Решение часто надо принять немедленно, кроме того, сторона может быть не в состоянии трезво оценить альтернативы поведения. Не все альтернативы могут осознаваться, круг выбора может быть заметно сужен, и это одна из причин неадекватных действий в конфликте, ведущих к ухудшению ситуации.

Но так или иначе — осознанно или неосознанно — определенный выбор осуществляется. Наиболее общие и типичные дилеммы, возникающие перед субъектом, вынужденным сделать выбор, описаны в работах К. Левина и его последователей. Это дилеммы «стремление — избегание», «избегание — избегание», «стремление — избегание» и «двойные стремление — избегание». Первый случай «стремление — стремление», когда субъект должен выбрать между двумя привлекательными альтернативами, как мы полагаем, не типичен для ситуации конфликта, обычно сопряженного с максимальным ограничением всех позитивных альтернатив и постоянным присутствием альтернатив нежелательных. Поэтому мы остановимся на рассмотрении трех других случаев.

1. Дилемма «избегание — избегание». Это ситуация, когда приходится выбирать «из двух зол», ничего не приобретая. Внутренняя проблема здесь по сути состоит в том, какое решение позволит понести меньшие потери и с большей вероятностью сохранит имеющийся потенциал, энергетические ресурсы и т. п. (в том числе и необходимые для продолжения борьбы). Классическая фраза при нападении разбойника: «Кошелек или жизнь?» характеризует этот случай. В такую ситуацию обычно государство-агрессор ставит более слабое государство, предпочитающее нередко платить дань, нежели потерять политическую независимость. При массированном военном наступлении противника отступающая сторона также делает подобный выбор, как это сделал, например, известный военный совет в Филях, решивший сохранить армию ценой сдачи и разграбления Москвы.

2. Дилемма «стремление — избегание»: в этой ситуации одно и то же одновременно притягивает и отталкивает, как, например, это может быть в случае попыток применения насилия в межличностном или межгосударственном противоборстве. С одной стороны, эти действия достаточно эффективны и могут принести быструю победу, но, с другой стороны, они могут вызвать столь же массивную ответную реакцию и, кроме того, возможно, будут оценены как противоправные. Этот пример, кстати, показывает, что проблема выбора в конфликте тесно связана с действием социально-нормативных механизмов.

3. Дилемма «двойных стремления — избегания». Это дилемма, на наш взгляд, наиболее типична для конфликта. Она связана с комплексом противоречивых оценок ситуации, когда не в одной, а в двух (а в реальности — в нескольких) альтернативах усматриваются и позитивные, и негативные стороны. Именно эта проблема встает перед субъектом, выбирающим, например, между прямой атакой и обходным маневром, позволяющим застигнуть противника врасплох. Каждый вариант сулит свои выгоды, но каждый чреват потерями: в первом случае — в силах, во втором — во времени.

Как же осуществляется выбор решения при этих комбинациях согласно психологическим исследованиям, величина поведенческой тенденции (силы выбора)

зависит одновременно от двух переменных: величины валентности цели (т. е. ее ценности, притягательности ее для субъекта) и расстояния до цели, которое субъекту предстоит преодолеть. Понятно, что психологическое расстояние до цели не сводится к пространственной удаленности. И оно может быть дистанция во времени, количество необходимых промежуточных действий или их сложность, требующаяся для того затрата сил и т. д. Да и притягательность цели — величина непостоянная и неоднозначная.

Н. Миллер выдвинул ряд гипотез, касающихся особенностей разрешения внутренних противоречий в рассматриваемых случаях: 1) тенденция стремления тем сильнее, чем ближе цель (градиент стремления); 2) тенденция избегания тем сильнее, чем ближе внушающий опасение объект (градиент избегания); 3) градиент избегания растет быстрее градиента стремления (это означает, что опасность воспринимается сильнее, чем выгоды от возможного противостояния); 4) в случае конфликта между двумя несовместимыми реакциями побеждает более сильная; 5) сила подкрепляемой тенденции реагирования возрастает вместе с количеством подкреплений (иными словами, повторяемость эпизодов конфликта существенно влияет на поведение участников).

Эти наблюдения позволяют в некоторых случаях объяснить выбор сторонами своей линии поведения в конфликте. Разумеется, этот выбор зависит от множества и других психологических факторов: интеллектуальных, эмоциональных, волевых, а также их совокупности внешних (в том числе и совершенно случайных) обстоятельств. Он может быть случайным, нетрадиционным, даже парадоксальным. Действительное решение подчас предсказать довольно трудно. Но если исходить из того, что все-таки это решение должно быть в достаточной мере рациональным, то некоторый на эту сторону вопроса проливают исследования по теории пер. Остановимся на них немного подробнее.

2. Конфликт и теория игр. Во время конфликта обычно возникают специфические взаимосвязи между противниками, предполагающие предвидение каждым из них поступков другой стороны. Осуществляется рефлексия — отражение в сознании субъекта собственного и чужого поведения и, следовательно, в какой-то мере представление о психологии и планах противника. Рефлексия представляет собой важный элемент субъективной стороны конфликта и является незаменимым инструментом «игр», т. е. успешного противоборства для каждой из конфликтующих сторон.

Теория игр привлекательна тем, что создает четкие логические модели поведения **сторон** в игре, очищенные от всех иных психологических моментов, в том числе и от эмоций участников. В жизни этого быть, конечно, не может, но схематические построения теории игр дают возможность разобраться в рациональной стороне конфликтов и их внутренней структуре, так сказать, в идеальном варианте.

Сказанное выше о вариантах поведения и видах решений касалось психологии одного участника, будь то индивид или государство. Но поскольку в реальности действуют по меньшей мере двое и каждый из них, чтобы действовать эффективно, вынужден учитывать вероятный выбор другого, складывается состояние неопределенности выбора решения, на которое не может повлиять лишь одна сторона, так как это состояние обусловлено многими факторами и, в первую очередь, неизвестными действиями противника.

«Для большинства конфликтов, а потому и для игр типа состязаний, являющихся моделями или имитациями конфликтов, характерна неопределенность исхода. Именно это обстоятельство побуждает к сознательному вступлению в конфликт тех его участников, которые объективными причинами в действительности с самого начала обречены на поражение. Именно оно привлекает к состязаниям их участников и

свидетелей. Наконец, именно благодаря ему всякое принятое игроком в процессе игры решение оказывается решением в условиях неопределенности.

Исследователи теории игр указывают на три причины высокой степени неопределенности исхода: а) большое разнообразие возможных вариантов поведения или партий, как, например, в шахматах; б) влияние случайных и потому непредсказуемых факторов (как в азартных играх, например в рулетку); в) сознательное поведение противника, скрытое от его партнера (так называемые «стратегические игры»).

Нетрудно видеть, что в рассматриваемых нами социальных конфликтах имеют место все эти три причины, а нередко и их сочетание. Даже в мелкой ссоре двух человек, во-первых, трудно предсказать, как поведет себя тот или иной участник; во-вторых, всегда могут вмешаться посторонние силы и, в третьих, число и характер поступков каждого из участников в принципе ничем не ограничены. Поэтому неопределенность исхода — одна из важных характеристик почти каждого конфликта, что, конечно, не мешает строить разного рода прогнозы и предположения исходя в основном из постоянно действующих факторов (имеющиеся резервы, общая тенденция развития событий, исторический опыт и т. п.). Теорию игр можно трактовать как математическую теорию принятия решений в условиях неопределенности. Участие в «игре», под которой мы разумеем в данном случае рационально протекающий конфликт, предполагает выполнение каждым «игроком» двух условий: а) каждый из них знает ту цель, к которой он стремится, и б) отдает себе полный отчет о последствиях, к которым приводит его выбор той или иной стратегии.

На деле, конечно, это не совсем так. Во-первых, цели конфликтующих сторон зачастую смутны и неопределенны, особенно если речь идет об индивидуальных участниках. Во-вторых, предвидение последствий затрудняется массой привходящих факторов, и том числе неполнотой информации и сознательным введением и заблуждением противником.

В этих условиях психология участников конфликта и в особенности противоборствующих сторон отличается значительной сложностью. Можно указать по меньшей мере на пять элементов, имеющих значение при анализе этой психологии: а) собственный интерес данного участника; б) цели его собственных действий (ближайшие и отдаленные); в) оценка им своего положения и шансов на успех; г) оценка им интересов противника; д) представление участника о целях и способах противника и общих результатах конфликта.

Таким образом, в сознании каждого участника конфликта содержатся модели поведения как его самого, так и противника. И все его последующие действия все время совершаются на фоне этих (изменяющихся) моделей. Если разрешение конфликта может быть отнесено к классу «игр», то такое поведение, где необходимо предвидеть не только собственные поступки, но и действия противника, и называется **«рефлексивными играми»**.

Главная идея рефлексивных игр — это имитация рассуждений одного противника другим. Иными словами, «противники должны обладать объективированными моделями мыслительной деятельности друг друга». Понятно, что глубина проникновения в чужие мысли во многом зависит от личных способностей сторон. Как в шахматах игроки пытаются как можно дальше рассчитать ходы друг друга, так и в конфликте они часто стремятся к подобному расчету.

Представим себе, что в семейном конфликте муж и жена, намеревающиеся развестись, хотят оставить у себя единственного ребенка. Муж, готовясь к судебному рассмотрению дела, анализирует вероятные аргументы жены: он, отец, дескать, не

заботится о девочке, проводит время вне дома, и ему нельзя доверять ее воспитание. В ответ на эти предполагаемые аргументы муж подыскивает свидетелей, которые показали бы в суде прямо противоположное. Но рефлексией пользуется и жена. Зная психологию своего мужа и предвидя эти или им подобные действия, она идет по иному пути и «проводит работу» с дочерью, привлекает ее на свою сторону, с тем чтобы, когда суд задаст вопрос: «С кем ты хочешь жить — с мамой или с папой», — она ответила в пользу матери.

Эта довольно элементарная рефлексия может существенно усложняться, вплоть до прогнозирования и моделирования вопросов судей, ответов свидетелей, сцены примирения, ссоры и т. п.

Рефлексивные игры имеют ряд приемов, нередко весьма эффективно используемых в практике политических и международных конфликтов:

а) **Рефлексивное управление.** Это — попытка передать противнику основания для принятия такого решения, которое было бы выгодно данному субъекту. Прежде всего здесь используется дезинформация.

Дезинформация широко распространена в военной и международной практике. Обманные передвижения войск, провокации, ложные документы, маскировка и другие подобные действия суть элементы рефлексивного управления действиями противника. К ним многократно прибегали все воюющие стороны, например в ходе второй мировой войны. Достаточно напомнить о Сталинградской операции, когда у германского командования под влиянием организованных советскими войсками ложных операций сложилась глубокая уверенность в том, что путь к Волге открыт и безопасен, а войскам Паулюса не грозит окружение.

Можно вспомнить и так называемую операцию «Трест», в которой органами ГПУ был осуществлен окончательный разгром боевой группы Б. В. Савинкова путем создания ложной контрреволюционной организации.

Рефлексивное управление действиями противника может быть сосредоточено на самых разных элементах его поведения: принятии конкретного решения, формировании ближайшей или более отдаленной цели, разработке доктрины или даже идеологии, создании ложного представления о масштабах сил противника и т. д. В одной из работ по теории игр приводится в этой связи любопытный исторический пример.

Во II тысячелетии до н. э. знаменитый полководец Гедеон использовал светильники как средство рефлексивного управления своим противником — армией мадианитян. По нормам того времени, в войсках на каждую сотню бойцов полагался один трубач и один факельщик. Гедеон исходил из того, что мадианитянам эта норма была известна. Нарушив ее, он к моменту сражений снабдил светильниками и трубами каждого из трехсот своих воинов. Увидев ночью бесчисленное количество светильников и услышав рев труб, мадианитяне обратились в бегство.

Характерным приемом рефлексивного управления является передача противнику правдивой информации о действительных намерениях стороны, которую тот воспринимает в качестве ложной, не доверяя источнику. Эта тонкая и рискованная операция часто обыгрывается в детективных сюжетах.

б) **Рефлексивный прогноз.** При нем не ставится цель непосредственного воздействия на противника, но предпринимается попытка прогнозировать поведение конфликтующей стороны и тем самым занять выгодную для себя позицию. В качестве распространенного примера подобных действий можно привести конфликт в ходе политической борьбы.

в) **Рефлексивная защита.** Речь в данном случае идет о заблаговременной подготовке отступления на позиции, может быть и менее выгодные для стороны, но не вполне проигрышные. Рефлексия здесь направлена на то, чтобы узнать, на какие уступки согласился бы противник, если бы конфликт затянулся, не давая выигрыша ни одной из сторон. В советско-японском споре относительно Курильских островов

такие варианты разыгрывались неоднократно. Один из них — передача японской стороне не четырех, а только двух островов. Обсуждался и вариант совместного управления спорной территорией. При рефлексивной защите разрабатываются, таким образом, не наступательные, а оборонительные варианты, что, разумеется, также является одним из видов разрешения конфликтной ситуации.

В заключение данного раздела следует заметить, что в рефлексивных играх возможны ошибки; представления о действиях и планах противника, которые имеют важное значение для определения стратегии и тактики их поведения, могут быть неверными, надуманными, преувеличенными, что нередко влечет за собой непоправимые последствия. Таковы ошибочные оценки со стороны Отелло поведения Дездемоны и со стороны Арбенина — поведения Нины («Маскарад» Лермонтова). Судебная практика знает немало подобных ошибок, характерных для конфликтов бытового характера. Достаточно сказать, что, по статистике, около 50% умышленных убийств из ревности на самом деле не имело под собой реального основания.

Если в межличностных конфликтах рефлексивные процессы сложны, а иногда и запутаны, то они еще многократно усложняются, когда речь идет о групповых и особенно межгосударственных отношениях. Из персональных, личностных рефлексий процесс оценки действий противника перерастает в организованную деятельность многих людей, учреждений, служб. Планированием конфликта, распознаванием планов и действий другой стороны, пропагандой, информацией и дезинформацией, зондажем и переговорами занимаются ведомство иностранных дел, разведка, пресса и многие другие организации. Вся эта психологическая, информационная и иная интеллектуальная деятельность направлена на то, чтобы решить конфликтную ситуацию в свою пользу, одновременно дезориентировав и ослабив противника.

Надо сказать также, что рассматриваемые психологические процессы лишь частично проявляются вовне (в форме разговоров, писем, признаний и т. д.). Многое приходится реконструировать задним числом или о чем-то догадываться. И это понятно: психологическая сфера индивида, так же как информационная деятельность государства, в общем скрыта от наблюдателя, и судить о ней в полной мере затруднительно.

Математическая теория игр применяется индивидами в очень редких случаях, но на государственном, в том числе военном, уровне — значительно чаще.

3. Психологические особенности субъекта. В самом общем плане поведение субъекта в конфликте определяется двумя комплексами факторов — внешними обстоятельствами и особенностями субъекта, некими стабильными, присущими только ему психологическими чертами. Силовой и интеллектуальный потенциал, эмоциональная устойчивость и степень подготовленности к стрессу, способность к рискованным действиям и многие другие черты могут быть отнесены к вполне устойчивым особенностям субъекта, позволяющим при определенных условиях прогнозировать его действия:

С этой точки зрения важно указать на собственно социальные характеристики субъекта, как внешние, связанные с его положением в обществе (сообществе), так и внутренние, социально-психологические. Положение субъекта в системе социальных связей, его статус могут играть решающую роль в исходах конфликтов с его участием и в характере самих конфликтов. Лидер и «человек со связями» всегда имеют не только большие возможности подавления противника, но и более широкий выбор альтернатив поведения. А человек «из низов», потерявший все и вся, люмпен — очень вероятная жертва притеснений, унижений, насильственных действий. «Изгой общества» становятся постоянными объектами травли и издевательств. Аналогичным образом преследуемая предрассудками и гонимая народность или нация становится

жертвой непрекращающегося террора. Выбор социально приемлемых альтернатив поведения у таких субъектов обычно сильно сужен. «Изгой» и люмпен даже в обществах с развитой демократией не всегда могут воспользоваться прессой или судебными инстанциями для защиты своих прав. Подобные и иные ограничения заставляют искать другие, в том числе и незаконные, средства защиты.

Вхождение в ту или иную группу, сообщество обеспечивает большую гарантию безопасности. Однако тесная связь с группой предоставляет иногда вовсе непривлекательную возможность быть втянутым в конфликт только по причине принадлежности к этому сообществу.

Социальная жизнь в силу своей действительно слабой рациональности рождает множество абсурдных и парадоксальных ситуаций. В сознании людей это имеет соответствующий эквивалент и виде разного рода устойчивых социальных установок по отношению к тем или иным группам населения. То, что в бытовом шике называется «предубеждением», относится к наиболее конфликтным социально-психологическим характеристикам людей. На уровне государства предубеждение по отношению к определенному типу социальной структуры, религиозному или национальному укладу может являться составной частью государственной идеологии.

Предубеждение как устойчивое негативное отношение к другому объекту или группе формируется по логике индукции или дедукции: отдельные свойства конкретных индивидов переносятся на всю группу, и наоборот, свойства, «закрепленные» за группой, приписываются индивиду. При этом происходит генерализация отрицательных оценок — суждение о субъекте может стать в целом отрицательным. Подобная, генерализация при недостатке реалистичной информации заполняет вакуум в знании другими отрицательными чертами, подчас совершенно фантастическими. Известен прошедший в 20-е годы по ряду европейских стран слух о том, что «большевики едят детей». Аналогичным образом можно упомянуть долго существовавшие и сейчас еще имеющие своих сторонников мнения о том, что евреи пьют кровь христианских младенцев.

Сколько таких предвзятых мнений встречалось и встречается и нашей повседневной жизни: «что русскому хорошо, то немцу плохо», «американцы негров вешают», «хитрый как сто китайцев» и т. п. Несправедливые и подчас оскорбительные и жестокие мнения такого рода, распространенные в разных культурах и субкультурах, рождают взаимное недоверие и подозрительность, способствуют напряженности в отношениях. Предубеждения играют свою активную отрицательную роль в отношениях между полами, различными возрастными и профессиональными группами. Служа одной из причин разобщения людей, разделения их по «лагерям», они выступают часто незаметными, на первый взгляд побудительными силами как многих мелких повседневных стычек, так и крупных межгосударственных коллизий.

Социальные установки и позиции, влияющие на ход конфликта, разумеется, не ограничиваются вышеописанными. Необходимо отметить также те психологические составляющие, которые, будучи прямым или косвенным результатом воздействия определенных социальных правил и норм, выполняют функцию внутренних, нормативных регуляторов поведения. Эти внутренние нормы, в частности, определяют характер допустимых действий в конфликте. На субъекта и при отсутствии внешних правил противоборства могут действовать определенные внутренние ограничения, заведомо не допускающие, например, применения грубой силы. Известно, что некоторые люди даже в критических ситуациях не могут ударить другого человека по лицу. Для определенного количества людей переход к физическим действиям в конфликте является чем-то вроде культурного табу. Есть, однако, множество абсолютно противоположных случаев, когда внутренние нормы предписывают применение насилия как наиболее эффективного средства во всех ситуациях. Государства-агрессоры, имеющие мобильную и всегда

готовую к действиям армию, являются часто носителями идей насилия, что отражается и в характере государственных установлений, и в умонастроениях их граждан.

Описываемые нормативные регуляторы, как мы полагаем, касаются и оценок характера чужих поступков. У каждого человека существуют стереотипы оценки оскорбительности, унижительность чужих слов и действий, степени оказываемого на него силового давления или иного морального ущерба. В любой культуре что-то считается более оскорбительным, а что-то менее. В некоторых дуэльных кодексах, например, были приняты градации оскорблений, что имело отношение к дальнейшей процедуре дуэли. Эти устойчивые оценки у разных людей и в разных сообществах способны заметно — при их принципиальном сходстве — различаться, и благодаря только этому обстоятельству чьи-то действия могут неумышленно спровоцировать или усилить конфликт. Известно, скажем, с какой остротой воспринимают представители некоторых народностей обращенную к ним нецензурную брань, столь привычную для русского уха.

У людей внутренние нормы этих двух типов пересекаются и индивидуальными характерологическими особенностями, такими, как чувствительность (сензитивность), восприимчивость, ранимость, с одной стороны, и напористость, авторитарность, агрессивность — с другой.

Различные социальные субъекты нередко являются носителями более сложных внутренних нормативных регуляторов, имеющих отношения к поведению в конфликте. Названные выше нормы двух типов могут составлять единый нормативный механизм, в котором закреплено определенное соотношение в интенсивности понесенного стороной ущерба и ответной реакции.

Известный принцип дохристианской морали «око за око, зуб за зуб», усвоенный многими поколениями людей, предписывает адекватное возмездие за понесенные потери. Это та формула, которой люди действительно чаще всего руководствуются в повседневной жизни. Ясно, что, реализуясь в конфликтном поведении, она может способствовать поддержанию конфликта, но никак не его прекращению. Однако в обществе имеют распространение и более жесткие нормативные формулы, предписывающие большую интенсивность, деструктивность ответной реакции. Широкое хождение подобные нормы и традиции имеют в преступных субкультурах, где за оскорбление человек может заплатить своей жизнью. Порой они принимают статус государственных установлений, что особенно характерно для низкоразвитых или тоталитарных государств, разрешающих применение смертной казни за сравнительно небольшую провинность. Характерно это и для государств, берущих на себя особую, диктаторскую роль в мировом сообществе. Вполне вытекающей из норм американской государственной идеологии нам представляется ситуация с Ираком, возникшая в июне 1993 г. Узнав, что контрразведка Ирака готовила (неудавшееся!) покушение на бывшего президента США, американцы нанесли ракетный удар по центру Багдада. То есть информация об агрессивных (и нереализованных) намерениях другого субъекта явилась достаточной для применения массированного насилия. Столь же характерным для советской государственной идеологии нам представляется известный эпизод с южнокорейским «Боингом», подвергнутым уничтожению из-за небольшого отклонения в маршруте.

Стереотипизированными и устойчивыми, наконец, могут быть более обширные позиции, касающиеся общего поведения в конфликте. Высказанная в свое время А. М. Горьким и впоследствии ходячая формула «Если враг не сдается, то его уничтожают» полностью отрицает мирные пути разрешения конфликта, ориентируя на полное подавление либо уничтожение противника. Встречаются и личности, и политические группы, и государства, характеризующиеся полной бескомпромиссностью, ориентированные только на абсолютную и окончательную победу в противоборстве.

В своей совокупности и в различных сочетаниях психологические характеристики формируют определенный устойчивый стиль поведения субъекта в разных конфликтных ситуациях. В обобщенном виде можно говорить о трех основных моделях поведения в конфликте и соответственно типах субъектов, которые в действительности, конечно, имеют множество промежуточных вариантов или вариаций.

1. Деструктивный тип. Это тип субъекта, склонного к развязыванию конфликта и усилению его вплоть до физического уничтожения или полного подавления противника. В быту это эгоист, зачинщик ссор и скандалов, в учреждении — кляузник, в толпе — инициатор беспорядков и разрушительных действий. Многие конфликтные ситуации могли бы окончиться мирным путем, если бы не подогревались влиянием со стороны такого рода личностей. Особенно наглядно это видно на примерах межнациональных конфликтов, происходящих в последнее время в разных регионах мира. Известны подобные субъекты, действующие на международной арене. Это не только милитаристские державы, но и государства или организации, постоянно блокирующие мирные инициативы и призывающие к разрушению устоявшегося миропорядка.

Специального внимания среди лиц, относящихся к деструктивному типу, требует личность террориста. Исследования свидетельствуют о том, что в большинстве случаев террористы являются вменяемыми людьми, хотя им свойственна специфическая личностная предрасположенность. Среди них отмечалась, например, значительная доля озлобленных лиц с параноидальными психопатическими чертами. Общая черта многих террористов — тенденция к поиску вовне источников личных проблем и сверхсосредоточенность на защите «я» путем переноса вины в собственных трудностях на окружающих или общество в целом. Другие черты: им свойственны постоянная оборонительная готовность, чрезмерная поглощенность собой и слабое внимание к чувствам других¹⁸. Террористы самых разных направлений сходны в слепой приверженности своим идеям и готовы идти до конца, жертвуя жизнью.

Западные исследователи, подробно изучавшие терроризм, выделяют два основных типа мотивации поведения террористов: личностный и политико-идеологический. Первые, в свою очередь, подразделяются на эмоциональные, невротическо-психопатологи-ческие и корыстные.

Среди террористов значительно чаще, чем в населении в целом, встречаются люди эмоционально неустойчивые, неудачники, стремящиеся заставить говорить о себе, мечтающие о славе, лидерстве. Деятельность террориста становится привлекательной для них благодаря возможности самоутвердиться, ощутить собственную значительность, преодолеть отчуждение. По мнению К. Остса, террористические организации могут дать молодым людям «возможность стать героем... В некоторых случаях даже возможность умереть и стать мучеником может быть мощным психологическим фактором».

С определенными оговорками к субъектам деструктивного типа можно отнести личности, общественные и государственные образования авторитарного склада, поскольку в своих действиях они прежде всего руководствуются установлением власти в отношениях с другими, подчинением себе чужих интересов. Эти субъекты могут выполнять в конечном итоге и социально позитивные задачи, но, движимые идеей превосходства, склонны нарушать и разрушать чужие ценности, препятствовать чужому волеизъявлению, что также служит причиной раздоров и войн.

2. Конформный тип. Субъекты этого типа в определенном смысле противоположны предыдущим. Их позиция пассивна и «удачно» дополняет предыдущую. Действуя в конфликте, они склонны скорее уступить, подчиниться, чем продолжать борьбу.

Эта модель поведения во многих ситуациях достаточно опасна, потому что объективно способствует и содействует чужим агрессивным проявлениям. В других случаях она может сыграть позитивную роль, особенно если противоречия между

субъектами не носят принципиального характера и возникли из-за пустяка. Тогда компромиссная линия поведения — лучший способ остановить конфликт.

С данной моделью нельзя смешивать позиции, ориентирующие на пассивное сопротивление агрессии или диктатуре. Знаменитая толстовская идея «непротивления злу насилием» или доктрина Ганди утверждают мысль о том, что кроме прямого сопротивления насилию и подчинения ему существует путь неподчинения, неповиновения. В ситуации диктатуры или колониального захвата этот путь характеризуется неучастием в действиях и мероприятиях властей, бойкотом любых их распоряжений. Как известно, именно эта модель поведения, будучи распространена в разных слоях населения, способствовала падению английского колониального режима в Индии.

3. Конструктивный тип. Этот тип противоположен деструктивному в другом отношении. Если деструктивный тип заботится прежде всего о собственных интересах и во имя их утверждения ютов развивать конфликт, то конструктивный стремится погасить конфликт, найдя решение, которое было бы приемлемо для обеих сторон. Человек конструктивного склада мышления ищет непротиворечивые варианты удовлетворения обоюдных интересов, подыскивает посредников и предпринимает другие действия, которые могли бы снять сложившуюся напряженность. Субъекты конструктивного типа охотно вступают в переговоры, стараясь прояснить предмет разногласий и нащупать пути их урегулирования. Мы сказали о существенных с нашей точки зрения психологических особенностях субъектов как участников конфликта и прежде всего об их социальных установках, внутренних нормативных регуляторах и моделях поведения в конфликте. Уже по некоторым из упомянутых здесь признаков можно составить достаточно четкое представление о том, как будут строиться взаимоотношения между субъектами с этими характерными чертами. Однако для прогнозирования хода конфликта мысленного совмещения разных моделей поведения, стереотипов и норм недостаточно. Любой конфликт имеет свою внутреннюю логику, особые пути развития. Научный анализ позволяет говорить об определенных закономерностях развития конфликтов, не исчерпываемых простым наложением двух стратегий, или линий поведения. Об этом и будет рассказано в следующих параграфах.

Развитие конфликта

1. Латентная стадия. Конфликту как таковому предшествует (точнее — может предшествовать) латентная — скрытая — стадия, при которой есть все элементы конфликта, за исключением внешних действий. Формально говоря, в эту стадию можно включить пять последовательных событий или этапов развития конфликта.

Первое событие — возникновение объективной конфликтной ситуации, о которой уже подробно сказано выше. В принципе конфликтная ситуация может появиться одновременно с выявлением конфликта (в его открытой стадии) или, как говорилось выше, быть сознательно спровоцирована одним или обоим участниками. Но логически конфликтная ситуация — первое звено.

Второе событие — осознание хотя бы одним из субъектов своих интересов в этой ситуации. Понятно, что интересы могут быть ложно понятыми, искаженными либо реальными и объективными, но без их осознания дальнейшая борьба не имела бы основания.

Третье событие, тесно связанное с предыдущим, — осознание препятствия для удовлетворения своих интересов (в когнитивном конфликте — выявление иных взглядов). Здесь следует обратить внимание на то, что эти препятствия могут быть по меньшей мере троякого рода. Во-первых, они могут вытекать из объективной ситуации, безотносительно к позиции других лиц, которых мы могли бы рассматривать как потенциальных участников будущего конфликта. Например, химический завод регулярно нарушает требования по охране природной среды, загрязняя атмосферу.

Причина — отсутствие водоохраняемых сооружений, система которых для данного вида химического производства еще технически не разработана, промышленность ее не выпускает. Интерес завода — изменить ситуацию, прекратить очевидное нарушение. Но конфликтовать ему пока что не с кем, разве только с изобретателями. Здесь конфликтная ситуация непосредственно конфликта за собой не влечет.

Во-вторых, препятствием для удовлетворения интересов участника могут быть его собственные субъективные качества. Предположим, что в том же примере завод мог бы создать очистные сооружения своими силами, но не проявил необходимой инициативы. С кем ему конфликтовать? Только внутри коллектива, а мы имеем пока в виду конфликт внешнего порядка.

Наконец, в-третьих, внешнее препятствие имеется, и оно объективировано, вернее, персонифицировано, например, в чиновнике министерства, не дающем согласия на дополнительные расходы для создания очистного сооружения. В данном случае препятствие может быть достаточно определенно заявлено и осознано, что является важным условием дальнейшего развития конфликта.

Мы говорим «важным», но не необходимым, потому, что иногда имеющееся препятствие остается несколько расплывчатым, неясным, туманным. Кто из чиновников конкретно виновен в задержке с дотацией? И надо ли конфликтовать именно с ним или с его начальником? Четкое представление о противнике может подчас сложиться лишь в ходе конфликта, после «пробных» действий обеих сторон.

Четвертое событие — это осознание своих интересов и соответствующих препятствий другой стороной. Разумеется, эта стадия может предшествовать третьей или совпадать с ней во времени. Ее может и не быть вообще — хотя бы по той причине, что интересы сторон могут совпасть и препятствий в этом случае не будет. Так произойдет, если чиновник министерства согласится с руководством завода и поможет создать очистную систему. Но в противном случае конфликт определится с достаточной четкостью, хотя еще не начнется.

Даже следующая — пятая — стадия не открывает конфликта. Она включает конкретные действия, предпринятые одной из сторон для отстаивания своих интересов (например, официальное обращение дирекции завода в министерство). Но отрицательный ответ на это обращение (стадия шестая) — это уже начало конфликта, поскольку позиции обеих сторон четко определились и начались практические действия друг против друга.

Названные нами шесть стадий не обязательно чередуются в указанной последовательности. Некоторые могут выпадать, другие — повторяться, последовательность их может быть иной. Выше приведена логическая схема, которая изображает «идеальный» случай развития конфликта вовне.

Очевидно, при этом конфликт перерастает в открытую стадию, которая характеризуется по меньшей мере тремя обстоятельствами. Во-первых, наличие конфликта становится очевидным для каждого из участников. При этом могут вступать в действие те рефлексивные игры, о которых говорилось выше: каждая из сторон будет стремиться «обыграть» другую.

Во-вторых, действия становятся практическими, они приобретают внешнюю форму, включая использование средств массовой информации, действия по захвату спорного объекта, насилие, угрозы и т. д.

В-третьих, о конфликте, вышедшем из латентной стадии, будут осведомлены третьи лица, посторонние, которые в той или иной степени в состоянии влиять на конфликт. Следует только заметить, что это влияние отнюдь не однозначно. Не нужно думать, что общественность обычно «гасит» конфликт; совсем напротив, она может ему содействовать, подогревая агрессивные настроения одной или обеих сторон, как это наблюдается, например, в межнациональных конфликтах.

В некоторых конфликтах заметен также переход к иному уровню, например, от личных отношений — к конфликту между группами, организациями. И наоборот, крупный социальный конфликт — в сфере властных отношений — «опускается» также и на микроуровень, меняя образ жизни и поведение отдельных людей.

2. Внешние действия. Так как конфликт представляет собой отношение между людьми, группами или индивидами, он, как и всякое другое общественное отношение, состоит по меньшей мере из четырех элементов, хорошо изученных в юриспруденции применительно к юридически значимому поведению. В первую очередь, это сами субъекты, а также предмет конфликта, т. е. проблема, из-за которой возникло противоборство. Далее, сам процесс противоборства можно анализировать как с внутренней, психологической (субъективной), так и с внешней, объективной стороны. Таким образом, мы видим, что конфликтное поведение объективно состоит из противоположно направленных действий участников конфликта. Этими действиями реализуются, как отмечалось выше, большей частью скрытые от наблюдателя процессы и мыслительной, эмоциональной и волевой сферах конфликтующих сторон. Чередование взаимных реакций, направленных на подтверждение интересов каждой стороны и ограничение интересов противника, и составляет «живую», материальную «ткань» конфликта, его сущность как социального явления.

Для полного понимания структуры конфликта и, следовательно, представления о том, как он развивался и чего в дальнейшем следует ожидать, указанные выше элементы необходимо анализировать в контексте реальной обстановки. Сами внешние действия участников сильно меняют свое значение в зависимости от места и времени действия. Временной фактор очень существен. Несвоевременное согласие или, напротив, отказ могут вызвать в конфликте результат, не соответствующий или даже противоположный тому, который ожидался заинтересованной стороной.

Все действия в конфликте можно — в достаточной мере условно — дифференцировать на основные и вспомогательные. К основным мы относим действия, непосредственно направленные на предмет конфликта, меняющие или сохраняющие от изменения существующее противоречие в интересах. Вспомогательные действия имеют подчиненную роль, обеспечивая выполнение основных, и сами по себе для решения центральной проблемы конфликта не предназначены.

С объективной точки зрения основные, внешние действия конфликтующих сторон можно разделить на две группы: наступательные и оборонительные.

Наступательные действия состоят в нападении на противника, повреждении его собственности, захвате спорного объекта, изоляции, изгнании, пленении противника и иных актах, которые направлены на прямое ущемление интересов противоборствующей стороны. Оборонительные действия заключаются в удержании спорного объекта, самозащите, защите от уничтожения или повреждения материальных ценностей, различных превентивных поступках и т. п. Главное различие между ними в том, что оборона — это попытка сохранить имеющееся на данный момент соотношение позиций в конфликте, охранить те свои интересы, которые реализовались до сих пор беспрепятственно, тогда как наступление меняет соотношение позиций и направлено на утверждение нереализованных интересов. Разделение между этими типами действий, однако, в достаточной степени условно, поскольку в реальной борьбе они тесно переплетаются между собой и легко переходят из одного в другое. Кроме того, наступление обычно, сел" не всегда, подразумевает сохранение и защиту уже достигнутых позиций. Недаром говорят, что «наступление — лучший вид обороны».

Исходя из логики наших рассуждений, следует сказать, что есть еще и третий возможный тип действий. Это отступление, сдача позиций, объективный (полный или частичный) отказ от достижения своих интересов. Но отступление — это либо уже не борьба, а отказ от нее, либо, в других случаях, временный вынужденный ход или уловка, используемая для последующих наступательных или оборонительных действий.

Будучи предпринимаемым отнюдь не во всех случаях, оно не является непременным атрибутом конфликта.

Рассматривая основные наступательные и оборонительные действия в конфликте с точки зрения их конкретной направленности, можно выделить несколько их главных разновидностей, характеризующих в определенной мере и разные типы противоборства.

а) Действия, направленные на захват и/или удержание спорного объекта. Поссорившись из-за красивой игрушки, один мальчик пытается выхватить у другого эту игрушку, другой крепко держит ее и не отдает; в конфликте из-за спорной территории одно из государств-соперников вводит на эту территорию свои войска, блокирует ее связь с другим государством, создает свою администрацию; влюбленный увозит чужую невесту со свадьбы, жених бросается в погоню; разведчик пытается выведать тайну у агента другой державы. Как мы видим, попытки захвата и удержания объекта в разных жизненных ситуациях осуществляются по-разному, что зависит и от характера объекта, и от типа или уровня субъектов. Для конфликтов между группами и крупными социальными общностями эти действия чаще всего представляют собой сложную, состоящую из ряда стадий, деятельность, включающую политические, военные, экономические и иные средства.

б) Создание помех и причинение косвенного вреда. Эти действия являются неотъемлемыми атрибутами «безобъектного» конфликта. При помощи этих действий блокируется чужая деятельность или наносится ущерб предметам чужой заинтересованности, снижается ее эффективность, хотя объект обоюдных стремлений может отсутствовать. Ребенок смотрит телевизор и мешает отцу писать книгу, несмотря на настойчивые просьбы отца, — разъяренный отец выключает телевизор. Заслон из полицейских преграждает путь демонстрации, опасаясь беспорядков; государства организуют экономическую блокаду нарушителю международных норм; человек бросает камень в чужую кошку, которая своими громкими криками мешает ему *спать*. Видно, сколь разнообразны случаи и варианты действий этого типа — их количество столь же велико, сколь и самих ситуаций. К этому же типу мы относим все случаи нарушения человеческих нравственных представлений, как, например, происходит, когда совершается проступок или преступление на глазах у других. Вмешиваясь, свидетель, говоря объективно, также действует по этому типу, поскольку создает помехи преступнику.

в) Задевающие и оскорбительные слова и действия. Это то, что у людей вызывает обиду, задевает самолюбие и честь, принижает достоинство у народностей, наций, слоев населения. В межличностном общении — это бранные слова и выражения, оскорбительные жесты, негативные личностные оценки, в других случаях — определенные дискриминационные меры в отношении граждан другой страны, пропагандистские выпады в адрес того или иного режима или религиозного уклада. Эти действия характерны прежде всего для конфликтов, базирующихся на более глубоких противоречиях, связанных с правами личностей, групп, крупных социальных общностей.

г) Подчинение и захват субъекта. Данная разновидность действий сводится в основном к проявлениям власти и существенному ограничению свободы других субъектов: проявления разных форм диктата в межличностных отношениях, жесткий контроль, пленение; колониальный захват, ограничение суверенитета нации или территориального образования и др.

д) Нанесение прямого физического ущерба (насилие). Эти действия всегда связаны с разрушением основного физического достояния противоположной стороны: причинением боли и телесных повреждений людям; ликвидацией групп и разрушением групповых структур; разрушением и разорением городов, территорий, государств. Из этих примеров видно, что субъекты разных уровней подвергаются деструктивным действиям разного масштаба и несколько различающимся по характеру. Однако обычно все действия данного типа включают физическое насилие над людьми.

Психологическое напряжение личности, ее «готовность» к применению насилия зависит не только от силы фрустрации, степени воздействия и концентрации проблем в настоящий момент. В этом смысле существенна и длительность воздействия «вредных» и иных провоцирующих факторов: долгое состояние экономической деградации, постоянная конфликтогенность среды обитания, многолетнее психологическое отчуждение. Криминологи обращают особое внимание на роль фрустрирующих факторов в биографии насильственных преступников. В частности, установлено, что люди, бывшие жертвами насилия, издевательств, притеснений в детстве, во взрослом возрасте с большей вероятностью совершают насильственные преступления. Прошлые фрустрации и конфликты как бы «накапливаются» в личности, формируя устойчивую предрасположенность и «готовность» к насилию.

На стереотипы массового сознания оказывают влияние различные институционализированные формы насилия, разрешенные в обществе и применяемые самим государством в отношениях со своими гражданами и другими государствами. Насильственное поведение властей или конкретных социальных институтов — законное или не вполне законное — воздействует на психологию людей, укрепляя их представления об эффективности крайних мер. Опасны по своему влиянию на массовое сознание несправедливые, антиправовые действия властей, поскольку авторитет и пример власти в данном случае расширяет представления о допустимости насилия (по типу «им можно, а мне нельзя?»).

Стереотипы и нормы насильственного поведения являются характерными атрибутами таких достаточно обширных — по крайней мере в нашей стране — субкультур, как армейская и тюремно-лагерная. Существенно, что многие элементы этих субкультур (фольклор, жаргон и т. п.) имеют достаточно широкое распространение во всем нашем обществе.

В малых группах — семьях, неформальных группировках — также можно найти источники формирования этих стойких психологических структур. Но главным образом здесь следует сказать о различных преступных группах, в которых самостоятельно вырабатываются определенные «этические» нормы, обеспечивающие их эффективное функционирование и выживание. Насилие в них обычно — поощряемый способ поведения, правда, если оно служит на пользу группе.

Утилитарное насилие, «сверхзащита» и «сверхвозмездие» — феномены, очень часто наблюдаемые в современной жизни и в международной практике. К сожалению, достаточное распространение имеет точка зрения, что насилие может решить проблему более быстро и эффективно, чем другие средства. Очень часто это лишь иллюзия, основанная на непонимании особенностей развития конфликтов. В явном виде или скрытом, немедленно или с отсрочкой во времени — «насилие порождает насилие»; насильственная спираль может длиться очень долго. И чем длиннее эта спираль, чем глубже противоречия, тем трагичнее возможные результаты конфликта и тем меньше шансов на его успешное разрешение.

3. Угрозы. Наряду с выделенными типами действий в конфликтах часто используется такое средство воздействия на противника, как угрозы. Американский конфликтолог М. Дойч характеризует угрозы как выражение намерения сделать что-то, что повредит интересам другой стороны²³. Это мнение правильно лишь отчасти,

поскольку затрагивает лишь одну сторону угроз. Более верным нам представляется мнение Дж. Тедеша, что угрозы не просто выражают подобное намерение, но прежде всего ориентированы на то, чтобы принудить соперника содействовать своим целям. Они представляют собой сообщения, сигнализирующие о возможных вредных последствиях для другого, если этот другой не выполнит определенные условия, и строятся по формуле «если ты сделаешь (не сделаешь) А, то я сделаю В». Иными словами, угроза не есть прямое вступление в борьбу, а в определенном смысле апелляция к рассудку, здравому смыслу и чувствам противника, она же — пример жесткости позиции и бескомпромиссности. В международной практике, в частности в военных столкновениях, распространен метод ультиматумов, содержащих требование к другой стороне, в случае невыполнения которого противника ожидают жесткие санкции, вплоть до полного уничтожения.

Высказываемое в угрозе условие, как правило, касается предмета конфликта или его промежуточной, частной «темы». Например, если люди ссорятся из-за денег, высказываемые ими угрозы, могут строиться по формуле «Если не вернешь деньги, то однако во время схватки, когда одна сторона нападает, а другая обороняется, угроза концентрируется на более частных моментах см мой борьбы, выполняя тактическую и защитную роль: «если не уберешь руку...», «если будешь ко мне приближаться...» и т. д.

Угрозы могут быть выражены в борьбе, но применяются также и в процессе переговоров, выделяясь нередко в самостоятельную стадию в конфликте. Переговоры особенно характерны для конфликтов между крупными социальными субъектами (организациями, сообществами, партиями, государствами и т. п.) и часто применяются в военных действиях. Угроза, ультиматум высказываются, например, при помощи парламентаров (делегатов, делегаций), которые уполномочены только передать сообщения или, передав его, получить ответ, либо используются за столом переговоров в ходе обсуждения. В этих случаях условие может быть достаточно детализировано, включать перечень различных требований (как в случаях забастовок, например); учитывать фактор времени («если к такому-то времени не будет сделано то-то и то-то, то...») и т. п. В простых житейских ситуациях, в межличностных стычках условие, наоборот, может вовсе не высказываться, а лишь подразумеваться. Так, высказываемая в ответ на чье-либо требование прекратить хулиганские действия угроза «я сейчас тебе прекращу!» сообщает о возможности нападения на сделавшего замечание, если он не перестанет вмешиваться.

Применение угроз является также пусковым механизмом к насилию в конфликте. Поскольку угроза включает в себе не только условие, выполнение которого требуется от противника, но и предполагаемую возможность причинения противнику более существенного ущерба, угроза является как бы «мостиком» в более глубокие противоречия, в более острую форму борьбы. Угроза трактуется не только как жесткое требование, что само по себе — свидетельство бескомпромиссности, но и как показатель явной враждебности, выходящей за рамки актуальной проблемной ситуации. Например, угроза «если не уйдешь, кости переломаяю!» может быть неприятна не столько своим требованием, сколько тем, что противник допускает для себя возможность столь враждебных акций, а значит — он вообще настолько враждебен. Ущерб, наносимый личности, ее самооценке этой стороной, может быть настолько значителен, что может побудить к ответному — карательному — насилию. Враждебная сторона угрозы вызывает и защитные действия, если само намерение противника вызывает страх.

Угроза — это в определенном смысле тактическое средство в конфликте. Тактика угроз вообще характерна для деструктивной модели поведения и соответствующего типа личности. Угроза — привычный метод действий террористов (заложники, угрозы взорвать самолет и т. п.) и государств с террористической идеологией. Можно

вспомнить недавние заявления президента Чеченской республики, что в Москве будет развязан террор, если российское руководство не прекратит свое вмешательство в дела Чечни.

4. Динамика борьбы. Если одна или обе стороны конфликта не пошли на уступки или кто-то из них не попытался уклониться от столкновения, начинается противоборство.

Конфликт, конечно, может прекратиться очень быстро, едва начавшись, если, скажем, значительный перевес сил одной из сторон обеспечил ей быструю победу. Но известно множество случаев, когда, наоборот, конфликт приобретает затяжной характер. Кроме того, быстрое завершение конкретной стычки не означает ликвидации конфликтной ситуации, и конфликт вскоре может разгореться с новой силой.

Особенно затяжной характер, как известно, имеют конфликты на межнациональной и политической основе. Корни многих нынешних конфликтов уходят в такое далекое прошлое и в такие глубины массовой психологии, что их истинные первопричины практически никому не известны. К таким примерам относятся и случаи кровной мести, распространенные в некоторых странах. Для затяжных конфликтов характерно чередование острых и относительно спокойных фаз, активного противостояния и периода своеобразной «ремиссии».

Длительный характер имеют и многие разновидности межличностных конфликтов, например семейные. Для последних особенно характерна повторяемость одинаковых эпизодов, цикличность. Семейные ссоры часто повторяют одна другую, как бы осуществляются по одному сценарию. Угасая на время, они не ликвидируют истинной и часто скрытой причины разногласий.

Самая острая стадия конфликта, борьба, обычно представляет собой и чередование наступления и обороны, и применение различных действий, средств, набор которых может быть ограничен или неограничен, в зависимости от конкретных условий. Каждая сторона может придерживаться определенной общей стратегии, и тогда это чередование подчинено сознательному контролю. Острая фаза борьбы, прерываемая на время переговоров, возобновляется, если переговоры зашли в тупик или достигнутое соглашение было нарушено одной из сторон. Из международной практики известны многочисленные случаи срыва переговоров или нарушения соглашения о прекращении огня, которые вновь усиливают борьбу. Иногда сами переговоры используются кем-то из противников в тактических целях, как временная передышка.

Конфликт может развиваться в достаточно позитивном направлении и завершиться полным или хотя бы временным разрешением существующего противоречия. Но часто в нем преобладают тенденции иного свойства: борьба усиливается и обостряется, конфликт разрастается. Этот вариант динамики борьбы обычно именуют эскалацией конфликта. Остановимся на нем несколько подробнее.

5. Эскалация конфликта. Внешненаблюдаемый аспект эскалации конфликта — это прежде всего интенсификация борьбы. Конфликт, как отмечает А. Г. Здравомыслов, развивается «по методу раскручивания спирали; действия одной стороны сопровождаются контрдействием другой, и это последнее контрдействие отнюдь не адекватно по масштабу своим последствиям исходной точке конфликта». Подобные преобразования, происходящие по мере развития конфликта, достаточно адекватно описываются понятием «симметричного схизмогенеза», введенным американским антропологом Г. Бейтсоном. Схизмогенез — это процесс изменения норм индивидуального поведения в результате «накопленного» взаимодействия между субъектами. Так называемый «дополнительный» схизмогенез имеет место в тех случаях, когда субъекты используют разные, взаимодополняющие модели поведения — например, настойчивость одного и уступчивость другого. В процессе общения все большая настойчивость может вести ко все большей уступчивости и наоборот — и так до распада системы отношений. Симметричный схизмогенез развивается в случаях,

когда субъекты, взаимодействуя между собой, используют одинаковые поведенческие модели. На определенное поведение одного субъекта, например хвастовство, другой отвечает аналогичным, т. е. тоже хвастовством, но более интенсивным и т. д. Результатом здесь также может быть разрушение отношений.

Эскалация конфликта происходит именно таким образом, когда сталкиваются деструктивные модели поведения. Иными словами, она может быть охарактеризована как такое прогрессирующее во времени изменение конфликта, при котором последующие разрушительные воздействия сторон на интересы друг друга (помехи, давление, применение силы и пр.) выше по интенсивности, чем предыдущие.

Рассмотрим, как развивался в 1989—1992 гг. конфликт в Приднестровье. Как уже отмечалось, движение за создание Приднестровской автономии, вызванное некоторыми акциями молдавского руководства, возникло осенью 1989 г. После проведения в приднестровских селах референдума, где большинство поддержало автономию, преследования русскоязычного населения усилились. Летом 1990 г. в Кишиневе некоторые русскоязычные депутаты Верховного Совета Молдовы подверглись оскорблениям и избиениям. Тогда большинство депутатов-приднестровцев покинули Кишинев. 2 сентября 1990 г. было провозглашено создание Приднестровской Молдавской ССР (ПМ ССР) в составе СССР, позднее преобразованной в Приднестровскую Молдавскую Республику (ПМР).

Верховный Совет Молдовы признал создание этой республики незаконным. В ответ в Тирасполе, провозглашенном ее столицей, формируются отряды самообороны. В ноябре жители г. Дубоссары заняли на несколько часов помещения райсовета, суда и прокуратуры. В ответ последовала попытка ввести в город полицейские части Молдовы. Столкнувшись с сопротивлением жителей, полиция применила огнестрельное оружие, в результате чего были убиты трое жителей, 13 человек получили ранения.

В ноябре 1990 г. в большинстве населенных пунктов Приднестровья состоялись выборы в Верховный Совет ПМР, а затем — выборы президента и референдум о независимости ПМР («за» — 97,7% участников). В Приднестровье стали создаваться вооруженные формирования, а в 1991 г. было принято решение о создании республиканской гвардии. В течение 1991 г. — первой половины 1992 г. большая часть приднестровских районных и городских прокуратур и отделов полиции была передана под юрисдикцию ПМР. С марта 1992 г. конфликт начал перерастать в войну. Каждая из сторон, участвовавших в перестрелке, обвиняла другую в нападении, с обеих сторон имелись убитые и раненые. Обе стороны применяли автоматическое оружие, боевую технику, артиллерию, ракеты и др. Обе стороны фиксировали случаи насилия и убийства мирных жителей.

В марте 1992 г. руководство Молдовы предложило приднестровским руководителям в течение 48 час. прекратить боевые действия и сложить оружие. Тогда указом президента ПМР в Приднестровье было введено особое положение. Огонь был прекращен, но затем неоднократно возобновлялся.

В свою очередь, Президент Молдовы ввел чрезвычайное положение на той же территории. В Бендеры вошли войска, локальные бои в городе и соседних селах продолжались несколько дней.

Мы отразили здесь лишь небольшую часть событий в Приднестровье, свидетельствующих об эскалации конфликта на этой территории. Из приведенного примера ясно видно, как действия одной стороны приводят к ответным действиям другой, но уже многократно усиленным и, в свою очередь, вызывающим новые агрессивные поступки. Эскалация конфликта обычно настолько запутывает ситуацию, что найти «правых» или «виноватых» & конфликте уже становится невозможным.

Характеризуя эскалацию, мы пока что говорили о ее внешне наблюдаемых признаках. Но куда важнее определить те внутренние изменения в конфликте, которые

ведут к подобным внешним проявлениям. Основное изменение, объясняющее причины видимой интенсификации конфликта, — смена предмета конфликта и, соответственно, формы взаимодействия.

Один из типичных и распространенных случаев, когда происходит заметное усиление и углубление конфликта, — это переход и споре, обсуждении, дискуссии от аргументов к претензиям, личным выпадам, даже физическому воздействию.

Критика в этом случае воспринимается как угроза самооценке личности, а попытки защитить самооценку ведут к смещению предмета конфликта уже в «личностный» план.

Характерным полуанекдотическим ответом на критику является знаменитая формула «сам дурак». Известно, что в самом факте критики может усматриваться посягательство на собственные интересы и стремление унижить, оскорбить. В тоталитарных и сократических режимах серьезная критика всегда рассматривается как угроза безопасности государства и жестоко преследуется — отнюдь не при помощи логической аргументации. В парламентских дебатах, в межгосударственных отношениях изложение иной точки зрения нередко трактуется как попытка учредить свой диктат, стать хозяином положения.

При этом нередко когнитивный конфликт — это просто «ширма», скрывающая за собой истинный предмет — проблему власти, дефицитных ресурсов, приоритетов. Во многом именно поэтому религиозные споры оканчивались затяжными войнами, а дискуссии об устройстве советского общества в 20—30-е годы — жесточайшими репрессиями. Наблюдавшееся в последние годы в пашей стране противостояние исполнительной и законодательной властей — в меньшей степени действительно необходимая теоретическая дискуссия, а в большей — борьба за власть, вызвавшая сильные социальные потрясения.

В конфликте интересов может произойти смена предмета. Один из типичных примеров такого изменения называется «утерей объекта». Его смысл сводится к тому, что противоборство, начавшееся из-за спорного объекта, перерастает в более глобальное столкновение, в ходе которого первоначальный предмет конфликта уже не играет основной роли. Ссора из-за границ садовых участков между соседями может перерасти во взаимную ненависть и причинение друг другу самых разнообразных личных неприятностей. Многочисленные конфликты в Закавказье и на Северном Кавказе, возникшие первоначально из-за территориальных претензий, привели к сильнейшей взаимной ненависти, геноциду против мирного населения. Объект в некоторых конфликтах может в какой-то момент просто перестать существовать, но остающиеся «незаживающие раны», последствия конфликта служат основанием для его новых яростных вспышек.

В описанном и сходных случаях происходит «генерализация» конфликта, переход к более глубоким противоречиям способствует возникновению множества разных точек столкновения. Конфликт распространяется на более обширные территории, меняет свой эпицентр.

В ходе эскалации конфликта может происходить и своеобразное «укрупнение» противоборствующих субъектов за счет привлечения все большего количества участников. Преобразование межиндивидуального конфликта в межгрупповой, численное увеличение и изменение структур соперничающих групп меняет и сам характер конфликта, расширяя набор применяемых в нем средств, как правило, за счет более эффективных силовых методов.

Динамика юридического конфликта

1. Понятие. В контексте рассматриваемого вопроса представляет интерес выяснение тех закономерностей, которые характеризуют развитие юридического

конфликта, точнее — появление, изменение юридической компоненты в конфликтных ситуациях.

Как уже говорилось, иногда конфликт с самого начала имеет юридическую основу. Это происходит в тех случаях, когда стороны связаны правовыми отношениями и именно эти отношения выступают в качестве объекта конфликта или мотива поведения участников. Но чаще всего юридическая форма конфликта возникает не сразу, а лишь по мере его развития.

В качестве иллюстрации можно привести семейный конфликт. Супруги Матвеевы в течение нескольких лет ссорились, упрекая друг друга в неправильном воспитании дочери. Отношения постепенно обострялись, и дело дошло до рукоприкладства с обеих сторон. Однако о разводе речь еще не шла. Отметим, что на этой стадии некоторые юридические элементы (уголовно-правового характера) стали уже появляться, но не получили развития, так как оскорбления и побои относятся к делам частного обвинения, а супруги в суд не обращались. Затем, после особенно острой и длительной ссоры, муж ушел к другой женщине и проживал там в течение двух месяцев, не появляясь дома. Под воздействием родственников жена поставила вопрос о разводе и спустя полгода Матвеевы были разведены. Таким образом, юридический характер конфликта определился после обращения Матвеевой в суд, правовой конфликт завершился решением суда о разводе, хотя, конечно, взаимоотношения субъектов могут возобновиться и привести к новым столкновениям.

В динамике юридического конфликта большую роль играет вмешательство третьей стороны: государственного правоприменительного (правоохранительного) органа, который будет разбирать конфликт и принимать по нему решение. Это может быть суд, арбитраж, административная инстанция (например, директор предприятия, министерство и т. д.) либо иное государственное учреждение, с которыми стороны связаны соответствующими правоотношениями. Такая третья сторона если сразу и не присутствует в конфликте, то во всяком случае почти всегда «вырисовывается на горизонте». Известно, что существует и такая точка зрения, что все правоотношения являются трехсторонними: помимо прямых участников в них состоит и публичная власть, регулирующая течение событий путем соответствующего контроля или, в случае необходимости, властного вмешательства в отношения сторон (эта конструкция несомненно имеет основания в уголовном или гражданском судопроизводстве, где кроме истца и ответчика, потерпевшего и обвиняемого действует государственный орган — суд).

2. Стадии развития юридического конфликта. Так как сам конфликт — явление динамическое, развивающееся, то при более подробном его анализе можно выделить несколько стадий его развития;

а) возникновение у одной или у обеих сторон мотивов юридического характера (в деле Матвеевых у супруги после разговора с родственниками возникло решение подать заявление о расторжении брака);

б) возникновение правовых отношений между сторонами, находящимися в конфликте (в приведенном примере они возникли после подачи Матвеевой заявления в суд);

в) развитие (изменение, прекращение) правовых отношений и связи с рассмотрением дела юридической инстанцией (в данном случае — судом); эта стадия может быть весьма длительной и претерпевать различные изменения; даже при нормальном течении дела (например, в уголовном процессе) будут иметь место предварительное расследование случившегося, предание обвиняемого суду, судебное рассмотрение дела, кассационное, надзорное производство и т. д.;

г) издание правового (правоприменительного) акта, завершающего конфликт (в приведенном примере — вынесение судом решения о разводе); может быть принято несколько решений или дело может быть пересмотрено и т. д.

Мы привели примерную схему динамики довольно простого юридического конфликта. Однако возможна и иная динамика. Во-первых, последовательность стадий развития конфликта может не совпадать с изложенной. Например, сначала, т. е. до конфликта, уже существует правоотношение и только позже появляется юридическая мотивация поведения например, после консультации одного из участников с адвокатом). Во-вторых, некоторые стадии вообще могут отсутствовать. Так, в криминальном конфликте может не быть самостоятельной стадии возникновения правовой мотивации; ссора, закончившаяся убийством, сразу порождает четко сформировавшееся уголовно-правовое отношение 1) между преступником и государством, а затем 2) с правоохранительными органами. По сути дела речь идет о двух конфликтах: межличностный конфликт преступника и потерпевшего произошел и исчерпан в момент убийства потерпевшего, но на этой почве возникает другой юридический конфликт (преступника с правоохранительными органами), протекающий в рамках процессуальных действий сторон. Наконец, возможны весьма сложные юридические конфликты с многократным чередованием различных эпизодов и стадий.

3. Направленность развития юридического конфликта. Динамика юридического конфликта, когда в нем участвуют государственные правоприменительные (правоохранительные) органы, всегда направлена на завершение конфликта в рамках закона и в соответствии с ним. Означает ли это, что развитие такого юридического конфликта имеет целью примирение сторон, смягчение их противостояния? Отнюдь не всегда. О такой направленности действительно можно говорить применительно к семейным, некоторым трудовым, гражданско-правовым спорам, но не относительно криминальных дел, где речь почти всегда идет о наказании виновного и часто — о насильственном вмешательстве в конфликт с целью его прекращения.

Во многих случаях насильственные, принудительные меры сопровождают юридический конфликт на всем протяжении его развития. Так, для криминального конфликта характерны прежде всего оперативные меры по задержанию преступника, затем могут следовать избранные меры пресечения и другие принудительные действия (привод, освидетельствование, обыск); далее мера наказания, назначаемая судом, также является мерой государственного принуждения. Таким образом, юридический конфликт нельзя рассматривать как мирное течение событий по меньшей мере с двух точек зрения: напряженность, а часто и насилие имеют место во взаимоотношениях субъектов — конфликтующих сторон; то же, но с другим содержанием и направленностью происходит и в отношениях хотя бы одной стороны с органами власти.

Все это превращает юридические конфликты в весьма острую форму борьбы их участников, хотя эта борьба и протекает в рамках закона.

Нельзя не сказать несколько слов о специфике развития юридического конфликта, касающегося массовых событий. Это, как правило, политические или межнациональные взаимоотношения групп населения, партий, социальных слоев. Юридический элемент таких взаимоотношений возникает не сразу: он «оформляется» по мере институционализации отношений. Например, в межнациональном конфликте возникает тема самоопределения нации, идея создания собственного государственного образования, а затем провозглашения суверенитета, установления государственных границ, таможни и т. п. Решить все эти вопросы невозможно без принятия юридических актов, издания законных (а подчас и незаконных) решений и распоряжений. Здесь и складывается юридический аспект конфликта, который затем в значительной мере движется по конституционным или другим «юридическим рель-

сам». Недавним примером крупного конфликта такого рода, а вернее — серии конфликтов, носивших политико-правовой характер, явились взаимоотношения в России двух ветвей власти — законодательной и исполнительной. Без юридических актов и процедур подобные взаимоотношения упорядочить невозможно. Основанием для введения конфликта в «законное русло» послужила подготовка, а затем и принятие новой Конституции России, которая с большей или меньшей полнотой и определенностью помогает разрешить эти проблемы.

Дает ли разрешение юридического конфликта гарантию, что все конфликтные взаимоотношения в данной области будут прекращены? К сожалению, нет. Опыт показывает, что юридическая оболочка может скрывать в себе многочисленные зародыши разнообразного несовпадения взглядов, разногласий, противоречий и иных конфликтных ситуаций. Поэтому и наблюдается такое явление, как возобновление или продолжение юридических конфликтов в той или иной форме. Достаточно сослаться на многократное рассмотрение гражданских и трудовых споров в судах — бумажную волокиту и административные кляузы. А что касается международных дел, то здесь наблюдаются многолетние, если не вековые, споры политического и юридического характера, возобновляющиеся подчас в разных условиях и с разными аргументами, но скрывающие под собой все то же противостояние сторон, несовместимость их интересов.

ЛИТЕРАТУРА

21. Конституция Республики Узбекистан. Т., «Узбекистан», 2003.
22. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. М. 1997.
23. Каримов И.А. Наша главная цель — демократизация и обновление общества, реформирование и модернизация страны. Доклад на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 28 января 2005 года. Т., «Ўзбекистан» 2005.
24. Каримов И.А. Со старыми взглядами и подходами невозможно построить новую жизнь. Речь на заседании Кабинета Министров. От 18 февраля 2005 года. Т., «Ўзбекистон», 2005.
25. Анцупов А.Я., Прошапов Л.С. Конфликтология: междисциплинарный подход. М., 1996.
26. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: теория, история, библиография. М., 1996.
27. Бабосов Е.М. Конфликтология. М., 1997

- 28.**Ворожейник И.Е. Кибанов А.Я., Захаров Д.К. Конфликтология: Учебник – М., 2000.
- 29.**Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев С.В. Введение в общую теорию конфликтов, М., 1993.
- 30.**Юридическая конфликтология. Отв.ред. академик В.Н.Кудрявцев, М.1995.

Тема 4. Участники конфликтов (2 часа)

ПЛАН

1. Участники противоборствующих сторон конфликта и их деление на уровни.

2. Влияние международных организаций на конфликты возникающих в международных отношениях.

3. Опыт Республики Узбекистан по предотвращению, обузданию и ликвидации конфликтных ситуаций.

1. Основания классификации. Известно, что проблема типологии возникает во всех науках, имеющих дело с множеством разнородных объектов. Проблемы типологии в социальных науках довольно сложны как из-за практической невозможности проведения «чистых» экспериментов (как это делается в естественных науках), так и трудностей методологического характера.

Как бы то ни было, противоречия и конфликты вечны и постоянны, их субъекты в чем-то тоже постоянны, а наличие этих обстоятельств диктует необходимость хотя бы частичного решения проблемы.

Для выработки типологии конфликта может быть применим, например, системный подход.

Система постоянно испытывает на себе внутренние возмущения, являющиеся результатом ее внутренней противоречивости.

Компонент и система, часть и целое; прерывное и непрерывное, структура и функция; внутреннее и внешнее; организация и дез-организация; разнообразие и однообразие — такой далеко не полный перечень противоречивых сторон и отношений, присущих системам и порождающих конфликты. Каждая из этих характеристик способна служить базой для выделения конфликтов определенного типа.

Изучение структур и механизмов, обеспечивающих устойчивость социальных систем, предпринятое представителями структурно-функционального анализа (Т. Парсонс, Р. Мертон, К. Дэвис и др.), привело к созданию различных типологий как структур, так и функций систем, так или иначе связанных с конфликтами. По Парсонсу, например, можно выделить четыре обязательных требования к системе: адаптация к внешним объектам, целе-полагание, поддержание бесконфликтного отношения между элементами системы (интеграция) и, наконец, поддержание институциональных нормативных предписаний («ценностного» образца). Это по сути предпосылки или условия бесконфликтного существования в обществе.

Р Мертон в отличие от Парсонса сосредоточил внимание на дисфункциональных явлениях, возникающих вследствие противоречий и напряжений в социальной структуре. В работе «Социальная структура и

аномия» он выделяет пять типов приспособления индивидов в обществе (конформизм, инновация, ритуализм, ретризм, мятеж). Отклонение от каждого из этих типов означает неизбежный конфликт — либо с властью, либо с так называемой репрезентативной группой.

Новейшие версии структурно-функционального анализа (Р. Александер и др.) модифицировали эти основные положения, однако основные идеи данной концепции сохранились (статичное, внеисторическое рассмотрение общества, абстрактный категориальный аппарат, «некорректное поведение» индивида в описании саморегулируемых систем и т.д.).

Вообще надо заметить, что классификация противоречий в рамках системного подхода по критерию этапности и последовательности их разрешения оказывается достаточно уязвимой. Как известно, и диалектике принято следующее описание последовательности развития: возникновение и созревание внутренних противоречий между элементами, частями, подсистемами, т. е. становление системы, дестабилизация и разрушение системы через борьбу и отрицание одной противоположности другой и переход к новой системе. Современные исследователи признают возможность такого развития, но не считают его единственно возможным. Напротив, получила широкое распространение точка зрения, по которой изменения происходят не через разрушение системы, а через рост ее упорядоченности и усложнение. Рост же противоречий в системе рассматривается не как источник развития, а как причина типичного антисистемного действия.

Деление конфликтов на внутри- и внесистемные имеет несомненное познавательное и практическое значение. Особенно важно остановиться на трактовке внутрисистемных социальных противоречий и конфликтов. В соответствии с марксистской позицией смена общественных систем объясняется, в частности, непримиримыми противоречиями между новыми производительными силами и устаревшими производственными отношениями. Такое упрощенное понимание подверглось в современной социологии основательной критике. Л. Козер, например, считал, что общества можно разделить на «ригидные» (закрытые) и плюралистические (открытые). В ригидных большие группы (враждебные классы) разрешают свои интересы через революционное насилие, в плюралистических же дается возможность решения конфликта через разнообразные социальные институты.

Среди западных исследователей в этом же плане представляют интерес воззрения Э. Гидденса. По его мнению, каждый отдельный тип общества характеризуется плюрализмом форм господства и эксплуатации, которые не могут быть сведены к единому классовому принципу. При этом наряду с классовой эксплуатацией существуют три вида эксплуататорских отношений, которые до конца не объясняются, хотя и затрагиваются теорией классовой борьбы в общем и теорией прибавочной стоимости в частности. Это: а) эксплуататорские отношения между

государствами, во многом формирующиеся военным господством; б) эксплуататорские отношения между этническими группами, совпадающие или же не совпадающие по форме с эксплуататорскими отношениями первого типа; в) эксплуататорские отношения между мужчинами и женщинами (эксплуатация по половому признаку). Ни один из этих видов эксплуатации не может быть сведен к исключительно классовому уровню.

Внутрисистемные противоречия, таким образом, могут лежать в основании типологии конфликтов, но их отнюдь не следует ограничивать классовыми противоречиями.

2. Сферы конфликтов. Наиболее простой и легко объяснимой является типология, основанная на выделении субъектов конфликта и сфер их проявления. По этим признакам конфликты можно разделить на экономические, политические, в том числе межнациональные, бытовые, культурные и социальные (в узком смысле слова).

Стоит обратить внимание на экономические конфликты, суть и степень распространенности которых при переходе общества к рыночной экономике заметно изменяются. Ведь в обществе, где господствует государственная собственность и рынка по существу нет, почва для экономических конфликтов весьма ограничена. Отнюдь не пропагандистскими были утверждения, что в СССР нет безработицы, забастовок, борьбы классов. Мы не обсуждаем здесь вопроса о том, какой ценой это достигалось; важно отметить другое: в экономической сфере конфликты общегосударственного масштаба в течение многих лет практически не встречались или были весьма локальными и кратковременными. Это, разумеется, не относится к теневой экономике, всегда находившейся в состоянии скрытой войны с государством.

При переходе к рынку можно наблюдать другую картину. По сути дела сам рынок есть поле для постоянных конфликтов, не только в виде конкурентной борьбы или вытеснения противника, но прежде всего — в форме торговых сделок, которые всегда сопряжены с диалогом, а то и с различными действиями (включая угрозы, шантаж, насилие), имеющими целью принудить партнера к выгодному соглашению. Наряду с этим в ситуации рыночной экономики возникают и другие острые конфликтные ситуации: забастовки, локауты, кризисы в денежном обращении и т. д. Рыночная экономика предполагает и постоянно возникающие трудовые конфликты, которые регулируются специально разработанными правилами. Хотя трудовые конфликты существуют при любом общественном строе, все же наиболее характерны они именно для рыночной экономики, которая базируется на купле-продаже любого товара, включая рабочую силу

Особенностью крупномасштабных экономических конфликтов является вовлечение в их сферу широких слоев населения. Забастовка авиадиспетчеров касается, понятно, не только авиационных компаний, но и тысяч пассажиров. Если же забастовка проводится врачами, это уже

миллионы потерпевших. Поэтому институционализация трудовых конфликтов, включая запрет некоторых видов забастовок, является важным средством стабилизации общественной жизни.

Конфликты в политической сфере — в общем обычное явление в демократическом обществе. Их особенность состоит в том, что они могут перерасти в крупномасштабные общественные события: восстания, массовые беспорядки, в конце концов — в гражданскую войну. Для многих современных политических конфликтов характерен межнациональный аспект; почти во всех случаях политический конфликт является одновременно национальным или во всяком случае имеет такую сторону, будь то «ура-патриотическое», сепаратистское или религиозное движение.

Далее, конфликты, проистекающие из противоречий интересов в сфере труда, здравоохранения, социального обеспечения, образования. Они тесно связаны с двумя названными выше видами конфликтов — экономическим и политическим. Эти конфликты не так непосредственно зависят от природы общественного строя, и масштабность их не столь велика. То же можно сказать и о бытовых конфликтах между людьми по месту их работы или жительства

3. Иные типологии. Возможны и другие виды классификации конфликтов: по количеству участников, по степени урегулированности, по мотивам и т.д. Некоторые из этих видов конфликтов представлены на схеме, на других мы официально остановились ранее.

По сути дела многие особенности конфликта могут быть основаниями для типологизации. Таково, например, деление конфликтов по их длительности (долгосрочные, краткосрочные), по ресурсам (материальные, духовные, социальные), по степени ограниченности в пространстве и времени, по субъектам и т. д.

Понятно, что в рамках конфликта какого-либо типа возможна дальнейшая классификация. Приведем одну из них, относящуюся к межнациональным конфликтам.

а) Конфликты «неуправляемых эмоций». Речь идет о конфликтах-бунтах или погромах. Для подобных конфликтов характерна неопределенность целей организаторов беспорядков, случайность конкретных событий. Часто внешние признаки таких событий скрывают за собой непроясненные до конца истинные причины. Это подтверждает анализ драматических ферганских событий 1989 г., когда погромам подверглись ни в чем не замешанные турки-месхетинцы, а также события в бывшей Югославии, во многом не поддающиеся рациональному толкованию.

б) Конфликты «идеологических доктрин». Они связаны с политическими, национальными, религиозными движениями и имеют более или менее давние исторические корни. Национальные требования формируются не стихийно, а разрабатываются идеологами-теоретиками. Сторонники определенной идеи готовы пожертвовать за нее самой жизнью, поэтому такие конфликты могут носить длительный и

ожесточенный характер. К такого рода конфликтам могут относиться споры по поводу принадлежности территорий, по поводу их государственного или административного статуса, неурядицы в связи с возвращением ранее депортированных народов и т.д.

в) Конфликты «политических институтов». Это в основном споры о границах, о взаимоотношениях органов власти, о юрисдикции, о роли политических партий и движений и др. «Война законов» и «парад суверенитетов» относятся к числу конфликтов именно этого типа.

Наконец, можно выделить полностью институционализированные конфликты (типа дуэли) и в то же время конфликты, протекание которых не урегулировано никакими механизмами. Если в конфликтах институционализированных существуют и действуют общие для сторон правила, согласно которым и разрешается проблема, то во втором типе конфликтов согласие сторон сведено к минимуму или вообще отсутствует и борьба развивается без ограничений. В промежутке между этими крайними полюсами наблюдается большое разнообразие видов противостояния сторон, которые урегулированы хотя бы частично.

К какому виду конфликтов относится война? Вероятно, ко второму, но с известной оговоркой: человеческое общество в течение многих столетий вырабатывало и пыталось реализовать целый ряд правил ведения военных действий. В международном праве существуют «законы и обычаи войны», заключены конвенции почти между всеми государствами по этим вопросам, что, конечно, отнюдь не означает, что эти правила и нормы всегда и везде соблюдаются.

4. Типология юридического конфликта. Общие соображения о типологии конфликтов вполне применимы и к конфликтам юридическим.

Последние, как и многие другие, могут подразделяться на глобальные и региональные; групповые и межличностные; ситуационные и позиционные; конфликты интересов и когнитивные; быть острыми, вялотекущими, возобновляющимися и т.д. Однако специфика юридического конфликта заключается в другом. Она определяется юридическими характеристиками. К ним можно отнести: отрасль права, к которой может быть отнесен конфликт; структуру нормы, к нему относящейся; разновидность правоприменительного учреждения и др.

С точки зрения деления по отраслям права, конфликты возможны в каждой из них. Как показывает судебная и арбитражная практика, наиболее распространены конфликтные взаимоотношения, связанные с вопросами гражданского, трудового, финансового, семейного права. Нередки экологические и хозяйственные конфликты, подпадающие под воздействие норм административного права. Количественно не столь распространены, но зато наиболее опасны конфликты, относящиеся к сферам действия уголовного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового права.

Особую группу составляют международные и межнациональные конфликты, регулируемые нормами международного права, договорами и

соглашениями государств, а также внутренним (конституционным) законодательством.

Как отмечалось выше, есть много смешанных вариантов конфликтных взаимоотношений. Например, конфликт между общественной организацией (политической партией, профсоюзом) и государственными органами может в период своего возникновения вообще не иметь юридического характера, но затем оказаться правовым и подпадать под действие тех или иных законодательных норм (конституционного, административного, финансового права и т.д.). Смешанные типы юридических конфликтов нередки и при взаимоотношениях граждан, в особенности при долго текущих ссорах и склоках по месту работы или жительства. Так, конфликт, начинающийся как семейная ссора, может перерасти в административное правонарушение или даже преступление (побои, хулиганство); в учреждении административные взаимоотношения перерастают в трудовой, а порой и в политический конфликт, регулируемый разными отраслями права, вплоть до конституционного (право на забастовку). В сфере национальных отношений конфликты с юридической точки зрения часто имеют многоотраслевой характер: в них могут быть вовлечены, например, нормы конституционного, административного, гражданского, уголовного и процессуального, а также международного права.

Отрасль материального права, к которой относится конфликт, не предопределяет полностью те процессуальные средства, которыми этот конфликт может быть разрешен. Например, гражданские дела могут быть рассмотрены судом или арбитражем, возможен также третейский суд или административная процедура (например, расторжение брака в органах загса). В последующем изложении юридическим процедурам рассмотрения конфликтов мы уделим особое внимание

Остановимся теперь на типологии юридических конфликтов в зависимости от природы соответствующих правовых норм. Вообще говоря, в основе конфликта может лежать различное толкование и понимание (либо несоблюдение, нарушение) практически любой нормы права: уполномочивающей, обязывающей или запрещающей. Понятно, что в последнем случае конфликты происходят чаще. Но характер нормы сказывается не только на частоте конфликтов, но и на его субъектах.

При уполномочивающей норме конфликт может скорее возникнуть между уполномоченным субъектом и частным лицом — физическим или юридическим, чьи интересы, как оно полагает, нарушены или могут быть нарушены уполномоченным субъектом. Приведем пример.

В 1993 г. в Подмосковье государством были выделены земельные участки для строительства дач довольно большому числу граждан. Этому воспротивились жители соседних деревень, ранее использовавшие выделенные дачникам земли для сенокоса и выпаса окота. Конфликт, как видно, возник между лицами, имеющими право на земельные участки, и теми, кто пользовался ими в силу неписаной традиции. Этот конфликт был

разрешен местными властями путем выделения для нужд местного населения других земельных угодий. Попутно заметим, что в данном конфликте участвовали, как это присуще юридическому конфликту, не две стороны, а три: дачевладельцы, жители деревни и местные органы власти.

В случае применения обязывающей нормы круг субъектов конфликта может быть шире: он возможен как между обязанным лицом и государством (в случае невыполнения обязанности), так и между этим лицом и его контрагентами. Дело в том, что обязанность связывает не только физических и юридических лиц, но и государство как гаранта ее исполнения. Представим себе случай, что контролер в автобусе, исполняя свою обязанность, пытается оштрафовать безбилетного пассажира, а тот уклоняется от уплаты штрафа и вступает в спор. Если контролер, не желая вступать в конфликт с безбилетником, просто отпустит его, он автоматически вступит в другой конфликт — с государством

При применении запретительных норм конфликты, как отмечалось, состоят главным образом в том, что соответствующее физическое или юридическое лицо нарушает эти нормы. Типичным примером могут служить правонарушения в области охраны окружающей среды.

К только что названной типологии примыкает классификация юридических конфликтов по системе государственных правоприменительных или правоохранительных органов. Она удобна в том отношении, что дает представление о компетенции этих органов в случае возникновения конфликтных ситуаций. Эта компетенция достаточно четко определена применительно к правоохранительным органам (суду, арбитражу, прокуратуре, милиции и т.д.). Однако, если конфликты возникают в связи с работой других государственных учреждений, министерств, ведомств, управлений, отделов, префектур, мэрий и т.п., нередко путаница, волокита, пересылка бумаг из одной инстанции в другую и т.д. Сравнительно недавно введенный порядок обжалования незаконных действий должностных лиц и государственных органов дает возможность активизировать борьбу с этими негативными явлениями. Однако применяется он еще довольно редко.

Классификация конфликтов по системе органов полезна прежде всего для граждан, которые должны иметь четкую информацию о том, куда следует обращаться для разрешения спорных вопросов.

Конфликт в сфере политики

1. Субъекты политического конфликта. Трудности анализа и тем более предупреждения и разрешения политических конфликтов связаны с самим их характером. Эти конфликты возникают из различий интересов, соперничества и борьбы социально-профессиональных, этноконфессиональных и иных групп, слоев, общностей и даже индивидов в процессе приобретения, перераспределения и реализации политико-

государственной власти, овладения ведущими позициями (депутата, президента, министра, судьи, лидера политической партии и т.д.) в институтах и структурах этой власти.

Истоки политических конфликтов коренятся в самой природе политики, в политической системе общества и ее ядра — государства. Необходимость в политике и ее институтах вытекает из потребностей организации управления любым человеческим сообществом — начиная с рода, племени, фратрии и кончая национальным государством, межгосударственными объединениями и всемирными организациями государств (ООН и ее специализированные организации), — которые неизбежно порождают деление членов этих сообществ на правящих и управляемых, обладающих политико-государственной властью и безвластных или обладающих ею в незначительной степени.

Политико-государственное управление создает формальные, т. е. закрепленные на определенном этапе развития человеческой цивилизации в нормах права, и неформальные иерархически организованные позиции власти. В традиционных обществах «для простых смертных участие в общественной жизни сводилось к участию в (массовых шествиях и многолюдных сборищах, сопровождавших религиозные праздники, к выполнению трудовых повинностей, своевременной уплате налогов или несению военной службы... Для огромного большинства членов общества вся политическая деятельность заключалась в соблюдении лояльности общине (кварталу, поселению), родне и царю». За исключением краткого периода демократии в ряде городов-государств в Древней Греции подавляющее большинство населения вплоть до начала XX в. было отстранено от прямого участия в политике. Оно вторгалось в политику, становилось субъектом политических конфликтов в форме восстаний, бунтов, революций, забастовок и митингов, демонстраций лишь в ситуациях социально-экономических и политических кризисов.

Ситуация изменилась с возникновением представительных учреждений государственной власти и наделением избирательным правом сначала третьего сословия, а затем постепенно и всего взрослого населения. Структура и процессы политических конфликтов заметно усложняются и по мере того, как независимую политическую роль начинают играть не только представительные учреждения (прежде всего парламенты), но и суды, т.е. по мере того, как утверждается система разделения властей. Этому же способствуют появление и институционализация профсоюзов, политических партий и других общественно-политических организаций и движений. Эти же организации и движения являются основными инструментами мобилизации своих членов и сторонников на борьбу за устранение неравенства, дискриминации и других несправедливостей, перевода латентных политических конфликтов в открытые.

В современных условиях субъектами внутренних политических конфликтов являются, таким образом, как отдельные индивиды, группы, слои, нации, различные социальные общности, так и их организации. На

международной арене в условиях глобализации всех сторон жизни человечества субъектами международных политических конфликтов выступают уже не только государства, союзы государств и их организации, но и сами народы, международные неправительственные организации и движения, например международные профсоюзные и партийные организации, международные экологические движения и движения за предотвращение войны и разоружение.

Эрозия когда-то почти непроницаемых границ между внутренними и международными политическими конфликтами привела к существенным изменениям конфигурации этих конфликтов. Теперь уже недостаточно выделять и раздельно анализировать межличностные, межгрупповые, классовые и иные политические конфликты, возникающие на различных уровнях социально-классовой и этноконфессиональной структуры общества. Они не только взаимосвязаны, на них оказывают все возрастающее влияние международно-региональные и глобальные процессы и конфликты. И наоборот, социетальные и глобальные процессы и конфликты все в большей степени воздействуют на политические конфликты более низкого уровня. Как справедливо отмечает видный венгерский ученый, «едва ли можно понять тот или иной конфликт изолированно от явлений, происходящих на других уровнях».

2. Мотивы политического конфликта. Интересы сторон. Специфика конкретного политического конфликта определяется не просто его уровнем, а особенностью его субъектов. Так, на уровне межличностных политических конфликтов существенную роль играют интересы и мотивы индивидов, их социально-психологические свойства. В числе последних особенно важны такие черты личности, как ум, воля, честолюбие, организаторские и иные способности, которые составляют качества политического лидера. Члены элиты, лидеры благодаря своим личностным свойствам, возможностям мобилизовывать своих сторонников и иным ресурсам играют непропорционально их численности большую, нередко решающую роль в политических конфликтах. По мере укрупнения субъектов политических конфликтов и, соответственно, повышения уровня конфликтов в действие вступают интересы и факторы среднего и социетального уровня. Предметом политических конфликтов становятся права и свободы не просто отдельного человека или малой группы, но уже социальных групп и слоев, отдельной социальной общности и всего сообщества.

Борьба за справедливое распределение благ и ресурсов, за социально-политическое и экономическое равенство составляла в течение длительного периода истории человечества ядро политических конфликтов. И лишь с появлением индустриального общества с его материальным благополучием для большинства населения центр политических конфликтов смещается в область борьбы за стиль жизни, за социокультурную и этноконфессиональную автономию. До постиндустриального общества, т. е. до 60—70-х годов XX в., в известной степени было справедливо марксистское положение о центральном

социоэкономическом и политическом конфликте, возникающем из борьбы основных классов. Но и в эти периоды к центральному конфликту примыкали, а в ситуации межэтнических, межконфессиональных столкновений и войн в него входили политические конфликты на указанной основе или конфликты даже на междивизиационной основе.

3. Особенности возникновения и развития политического конфликта. На особенности возникновения и развития политических конфликтов влияют как названные обстоятельства, так и тип политической системы и режима, особенности политической культуры. «Конфликт более всего присущ политике новых и менее стабильных систем, — пишет П. Шарам, обобщая исследования западных политологов, — здесь он включает в себя соперничество не только по частным политическим вопросам, но и по основным целям политики, природе и Масштабам власти, так как главная характеристика подобных обществ — отсутствие консенсуса в таких понятиях, как природа власти, ее субъекты, размах правительственной деятельности и способы правления». Относительная бесконфликтность традиционных застойных систем связана с их ориентацией на самосохранение и неизменность.

Идея развития становится доминирующей ориентацией и ценностью в либерально-демократической системе Запада. В русле западной же цивилизации возникает еще более радикальная концепция развития — концепция социалистической революции. В первом случае либерализм уравновешивался консерватизмом, а политические конфликты умерялись благодаря расширяющемуся плюрализму и открытости общества, его высокой адаптивности как к технологическим и управленческим, так и к позиционно-статусным новациям и порождаемым ими конфликтам. Во втором случае монизм и антидемократизм в форме сталинского тоталитаризма или этатистско-бюрократического авторитаризма породили опору на репрессивные меры в отношении конфликтов. Общества с экономическим и политическим рынками не устраняют истоков политических конфликтов. Они создают условия для их относительно свободного проявления, преимущественно ненасильственного урегулирования и разрешения, а также для поиска консенсуса. В ситуации поглощения общества государством, огосударствления собственности, отрицания любого инакомыслия, установления монопольной идеологии почти все конфликты политизируются и загоняются вглубь либо подавляются. Политические конфликты при демократии помогают сохранению гибкости системы, ее подвижности по отношению к окружающей среде. Однако функциональность политических конфликтов и в демократическом обществе имеет предел, ибо «чем больше коэффициент нестабильности, тем большая асимметричность будет проявляться в структуре конфликтного поведения сторон, в размерах их конфликтного поля и ориентации на стратегии решения. Через такого рода асимметричные конфликты отражается структурная аномальность общества...».

Динамика политических конфликтов при всем различии их типов и видов проходит в своем развитии, как правило, те же стадии (этапы), что и другие конфликты: потенциального конфликта, перехода потенциального конфликта в реальный, конфликтных действий и разрешения конфликта. При этом характер и содержание этих стадий, модели поведения сторон зависят от многих факторов. К числу важнейших из них относятся особенности истории и политико-правовой культуры данного общества. Например, в США исторически государство и чиновничество распоряжались значительно меньшей долей национальных ресурсов, чем в странах Восточной Европы и в России. В сочетании с системой разделения властей и с культурой разрешения большинства конфликтов путем судебного разбирательства США демонстрируют способность избегать, как правило, насильственных форм разрешения политических конфликтов.

В известной степени антиподом США являлась царская Россия с ее почти тысячелетним абсолютистско-бюрократическим режимом, отсутствием легальных каналов для выражения подавляющим большинством населения своего недовольства и разрешения конфликтов. Поэтому основными формами выражения политических конфликтов в России стали бунты, а затем революция и гражданская война. Конфликтогенность страны сегодня многократно увеличивается в связи с быстрой и крайне болезненной, а для части общества насильственной трансформацией его в постсоциалистическое, а теперь и в постсоветское общество. Всего лишь за несколько лет россияне оказались в совершенно ином политико-географическом и государственном пространстве после распада СССР и в иной социально-экономической и политической системе. Глубокие изменения в социально-политической стратификации и структуре общества сопровождаются и частично вызываются радикальным перераспределением собственности и власти. Коренной ломке подвергаются практически все стороны жизни общества и человека. И если, согласно многочисленным опросам общественного мнения, для одних это долгожданная и желанная революция, то для других — это контрреволюция, крушение привычных устоев жизни и надежд на будущее. Политическая поляризация общества отягощена такими особенностями российской политической культуры, как ее идеологическая дихотомичность — каждого расставляют по ту или иную сторону баррикад — и отсутствие традиции политического компромисса, нетерпимость к инакомыслящим: не наши — значит враги, и их следует уничтожать, если они не сдаются. Поэтому почти все сколько-нибудь значимые конфликты сегодня идеологизируются и политизируются.

Названные и ряд других обстоятельств объясняют специфику и динамику политических конфликтов в России. Чрезвычайно затянулась стадия потенциального конфликта в бывшем Советском Союзе, где вплоть до «перестройки» политические конфликты отрицались, загонялись вглубь, обостряя противоречия в обществе. Запущенность конфликтов, а также

неспособность бывшего советского руководства предвидеть и правильно оценить характер, интенсивность и степень опасности латентных конфликтов привели почти к мгновенному их перерастанию в явные и неконтролируемые конфликты. Если к этому добавить особенности политической субкультуры российской интеллигенции (так точно описанные еще в «Вехах»), отсутствие в обществе легальных и иных легитимных механизмов разрешения конфликтов, то острота и разрушительность их проявления были во многом предопределены.

4. Юридические аспекты политического конфликта. Образование независимого Российского государства не устранило, да и вряд ли могло сразу устранить основные причины конфликтов, вызванные ускоренной модернизацией общества сверху. Демонтаж старой политической системы и ликвидация прежней идеологии и ценностей не позволили быстро выработать эффективные государственные институты и процедуры политико-государственного управления. Между тем почти любой политический конфликт тесно связан с ними, а также с юридическими нормами. Политический конфликт имеет, как правило, юридический аспект и/или тесно переплетен с юридическими конфликтами. Не случайно в обществе развернулась столь ожесточенная политическая борьба вокруг проекта новой Конституции РФ, проектов законов о политических партиях, выборах, референдуме и др. Ибо от внешне формальных юридических процедур, определяющих, например, кто и как может выдвигать кандидатов в депутаты, каковы критерии образования избирательных округов и участков, как распределяются финансовые средства и эфирное время во время избирательной кампании, кто может назначать общероссийские региональные и местные референдумы, зависит расстановка социально-экономических и политических сил в обществе. Эти же правила и процедуры во многом определяют механизм предотвращения и разрешения политических конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

31. Конституция Республики Узбекистан. Т., «Узбекистан», 2003.
32. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. М. 1997.
33. Каримов И.А. Наша главная цель-демократизация и обновление общества, реформирование и модернизация страны. Доклад на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 28 января 2005 года. Т., «Ўзбекистан» 2005.
34. Каримов И.А. Со старыми взглядами и подходами невозможно построить новую жизнь. Речь на заседании Кабинета Министров. От 18 февраля 2005 года. Т., «Ўзбекистон», 2005.
35. Анцупов А.Я. Прошапов Л.С. Конфликтология: междисциплинарный подход. М., 1996.
36. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: теория, история, библиография М., 1996.
37. Бабосов Е.М. Конфликтология. М., 1997
38. Ворожейник И.Е. Кибанов А.Я., Захаров Д.К. Конфликтология: Учебник – М., 2000.
39. Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев С.В. Введение в общую теорию конфликтов, М., 1993.
40. Юридическая конфликтология. Отв.ред. академик В.Н.Кудрявцев, М.1995.

Тема 5. Юридические методы разрешения конфликтов (4 часа)

ПЛАН

1. Практическое и теоретическое значение вопросов упорядочения конфликтов.

2. Конфликты и разделение властей, особенности рассмотрения конфликтов в сфере разделения властей.

3. Разрешение конфликтов в судебном порядке. Гражданское и уголовное судопроизводство.

4. Понятие и субъекты конфликтного медиаторинга.

5. Соответствие нормативно-правовой базы национального права Республики Узбекистан нормам международного права. Узбекистан - полноправный член международного сообщества.

1. Формы завершения конфликта. Типология конфликтов, как отмечалось выше, неоднозначна, конфликты изменчивы, не похожи друг на друга. В этой ситуации трудно указать на единые формы завершения конфликтов или искать какие-то универсальные способы их разрешения. Но при всей сложности проблемы все же можно сделать некоторые выводы, исходя из накопленного теоретического и практического опыта

Прежде всего необходимо сказать, что завершение конфликта — более широкое понятие, чем его разрешение. Конфликт может завершиться, скажем, гибелью обеих сторон, и это не означает, что он тем самым был разрешен. Если под завершением конфликта понимается всякое его окончание, прекращение по любым причинам, то под разрешением мы будем понимать только то или иное положительное действие (решение) самих участников конфликта либо третьей стороны, прекращающее противоборство мирными или силовыми средствами.

Опыт практической деятельности показывает, что для разрешения конфликта, как правило, приходится прилагать более или менее значительные усилия. Было бы безнадежным делом уповать на «саморазрешимость» конфликта. Конечно, конфликт можно стараться вообще не замечать, игнорировать, а в лучшем случае объяснять. Но он будет развиваться стихийно, обостряться, агрегироваться с другими конфликтами и может в результате полностью разрушить систему.

Предпосылки благополучного разрешения конфликта определяются в значительной мере возможностями сторон и других участников, их доброй волей. Главная, наиболее действенная предпосылка прекращения конфликта состоит в устранении тех объективных причин, которые породили конфликтную ситуацию. Ниже мы рассмотрим основные формы и способы разрешения конфликта, а здесь только отметим, что поскольку конфликт зависит как от внешних обстоятельств, так и от самих конфликтующих субъектов, то и его разрешение также связано с этими двумя группами факторов.

В отечественной литературе к вероятным исходам конфликта относят:

— прекращение конфликта в результате взаимного примирения сторон;

— прекращение конфликта путем симметричного его разрешения (обе стороны выигрывают или проигрывают);

— то же — путем асимметричного решения (выигрывает одна сторона);

- перерастание конфликта в другое противоборство;
- постепенное затухание конфликта.

Нетрудно видеть, что в этой классификации соединены объективные исходы конфликта с субъективными способами его разрешения. Если их разделить, то получим несколько иные виды. Американский исследователь Р. Даль выделяет три возможные альтернативы завершения: тупик, применение насилия и мирное урегулирование. Иначе комбинируя различные варианты, можно сказать, что конфликт завершается гибелью одной или обеих сторон, приостанавливается «до лучших времен» или получает то или иное конструктивное разрешение.

О приостановлении, замедлении конфликта на то или иное время можно было бы сказать, что полным завершением борьбы такой вариант развития событий назвать нельзя. Но все же конфликт как открытое противоборство не продолжается и напряженность ослабевает. Это может быть связано с ослаблением сторон, с необходимостью накопления сил для новой борьбы. Временное затухание конфликта, однако, может быть лишь видимым, но не отражающим действительное его развитие: просто «явный» конфликт может на время перейти в «скрытую» форму.

2. Предпосылки и механизмы разрешения конфликта. В отечественной литературе к успешным предпосылкам разрешения конфликтов относят: диагностику противоборства, включая выяснение его причин, мотивов поведения сторон и т. д.; осуществление ситуационного и позиционного анализа (т. е. прояснение сложившейся ситуации и позиций сторон); прогнозирование хода и последствий конфликта (в том числе определение выгод и ущерба для каждой стороны в случае того или иного завершения конфликта). Полезно, чтобы все эти действия совершались не только третьей стороной (посредником, органом власти), но и самими субъектами, которые после проведенного анализа подойдут ближе к пониманию необходимости выработать общее решение.

Прояснение сути конфликтной ситуации, ее объективное понимание, адекватное осознание участниками конфликта может послужить основой для выработки компромиссов, а также в некоторых случаях может вообще ликвидировать конфликт, если окажется, что восприятие ситуации сторонами было искаженным. Чем точнее и жестче очерчен предмет разногласий, тем больше шансов, что конфликт будет эффективно разрешен.

Рассматривая эти формы и средства разрешения конфликтов, И. А. Ильева приводит следующий пример. Назрела забастовка на транспортном предприятии. При выяснении причин конфликта выяснилось, что работников предприятия никогда не спрашивали

об их нуждах и интересах, их недовольство условиями труда загонялось вглубь. Достаточно было (Оговорить с людьми, внимательно их выслушать, и спокойствие было восстановлено. По сути дела речь идет о рационализации интересов участников конфликта и снятии эмоционального возбуждения. Разумеется, в данном случае устранение непосредственных причин конфликта не должно ограничиваться разговорами; необходимы практические поступки, направленные на полное удовлетворение нужд работников.

Использование упомянутых пре.)посылок разрешения конфликта приводит к механизмам его разрешения. Они в общем сводятся к двум видам: а) разрешение конфликта самими участниками; б) вмешательство третьей стороны. Кроме того, конфликт может быть разрешен на разных стадиях. В некоторых случаях его развитие можно приостановить на ранних стадиях, когда стороны только вступили в противоборство и ощутили первые неудобства и потери. В иных случаях конфликт разрешается уже тогда, когда им причинен непоправимый ущерб (гибель людей, разрушение жилья, уничтожение имущества и т. п.).

Распространенный путь разрешения конфликтов — вмешательство тех или иных миротворческих сил. Эти силы могут воздействовать как на саму конфликтную ситуацию (1), так и на обстоятельства, поддерживающие конфликт (2), а также на самих его участников (3). Одно из важнейших правил успешного разрешения конфликта — не противопоставление «правой» и «неправой» сторон, даже если они в действительности могут быть таким образом обозначены, а поиски такого разрешения, которое по возможности полностью или хотя бы частично удовлетворяло интересы обеих.

Мы неоднократно отмечали, что основа конфликта — противоречия между интересами субъектов. Поэтому лучший и наиболее результативный путь разрешения конфликта — это устранение указанных противоречий. Этот путь, увы, не всегда доступен. К тому же следует учитывать различие типов противоречий (явные, скрытые, объектные, безобъектные), их уровни, особенности субъектов, а также объективные возможности, которыми располагают силы, стремящиеся к прекращению конфликта.

Если суммировать основные способы устранения противоречий, лежащих в основе конфликта, то ими могут быть следующие:

- устранение объекта конфликта;
- раздел объекта конфликта между сторонами;
- установление очередности или иных правил обоюдного использования объекта;
- компенсация одной из сторон за передачу объекта другой стороне;
- разведение сторон конфликта;
- перенос отношений сторон в другую плоскость, предполагающую выявление у них общего интереса и др.

Разрешение конфликта — это, по сути дела, достижение соглашения по спорному вопросу между участниками. В принципе, и это мнение разделяют многие авторы, существует три главных вида такого соглашения: 1) соглашение в результате совпадения мнений сторон; 2) соглашение в соответствии с законодательной или моральной волей внешней силы; 3) соглашение, навязанное одной из противоборствующих сторон⁴.

Нетрудно видеть, что в первом и третьем случаях разрешение конфликта предполагает обоюдную активность соперников. Международная и внутривластная практика показывает, что в большинстве случаев процесс разрешения конфликта нельзя трактовать как одностороннее навязывание воли более сильного партнера более слабому. И это понятно, потому что, если решение навязано, оно долго не просуществует, конфликт в той или иной форме возобновится. Достаточно напомнить об искусственности существовавших границ в ряде регионов нашей страны. После распада СССР и возникновения в этой связи межнациональных трений проблема территориального размежевания народов сразу же дала о себе знать довольно неожиданным образом.

Поэтому, строго говоря, силовое, в том числе военное, решение конфликта является большей частью иллюзорным. Проигрыш войны влечет реваншистские настроения и стремление к возврату утраченных интересов. Русско-японская война 1905 г. закончилась поражением России. Но СССР взял реванш в 1945 г. Это, в свою очередь, не устроило японскую сторону, которая уже в течение многих лет обсуждает проблему Курильских островов. Конфликт между двумя странами сейчас, казалось бы, приостановлен. Но окончательное решение еще не найдено. Дают о себе знать и другие территориальные проблемы, возникшие в результате тех или иных войн.

Но как быть, если решения, удовлетворяющего обе стороны, найти не удастся? Такая ситуация способна в некоторых случаях повлечь за собой изменение направленности конфликта. Это означает не только замену предмета и мотивов

противостояния сторон, но иногда и замену самих участников В судебной практике по гражданским и трудовым спорам подобная ситуация встречается не так уж редко.

Нередко трудовые и гражданско-правовые споры перерастают в сутяжничество, склоки, которые тянутся годами. Давно уже нет предмета конфликта, изменился и состав руководителей учреждения, принимавших спорное решение, а жалобщик все продолжает добиваться изменения ситуации в свою пользу, не обращая внимания на требования закона. Здесь происходит подмена мотивации, имеет место «сдвиг мотива на цель». Иначе говоря, конфликт деформируется, приобретая новые черты.

Некто Махотина, работавшая медицинской сестрой, была уволена из санатория по сокращению штатов. Она не согласилась

с мотивами увольнения, ссылаясь на то, что действительной причиной увольнения были плохие взаимоотношения ее с главным врачом. Решение администрации санатория было ею обжаловано в суд, но безрезультатно. Тогда Махотина написала жалобу на главного врача санатория в прокуратуру, профсоюзный комитет и в центральную газету. Всюду она получила отказы. Продолжая писать жалобы (вплоть до Конституционного Суда), Махотина вовлекла в этот конфликт более 50 организаций. Сама она заявила, что ее уже не интересует восстановление на работе (к тому времени Махотина уже работала в платной кооперативной клинике), а что речь идет о «принципе»: наказании главного врача и других работников санатория за «бездушное отношение к человеку».

Искусство цивилизованной жизни состоит в том, чтобы не плодить недовольных, обиженных, «мучеников», а строить благополучие людей в контексте их долгосрочных отношений друг с другом. Исторический опыт показывает, что успеху вырванные силой и обманом у другой стороны, возможны. Возможно и их закрепление в системах власти и собственности. Но история в этом случае выступает как игра с нулевой суммой. В нее закладывается механизм цикла: «Побежденная сторона ждет своего часа, чтобы развернуть маховик истории в противоположном направлении».

Усилия лиц и групп, направленные на предотвращение конфликта, должны учитывать во всех случаях интересы не одной, а обеих сторон. Пусть не права одна сторона, а другая безгрешна. Но и у первой стороны есть свои интересы, и если их вообще игнорировать, то конфликт может временно затихать, но не исчезнет. Специалистами-конфликтологами разработан ряд приемов мирного разрешения конфликта, в том числе выяснены необходимые для этого факторы. К ним относятся, в частности, следующие:

— институциональный: существование в обществе механизмов для проведения консультаций, переговоров и поиска взаимовыгодных решений, в том числе и механизмов в рамках законодательной, судебной и исполнительной власти (конституционный суд, арбитраж и др. Эта сторона дела будет рассмотрена в после дующих параграфах);

— консенсуальный: наличие согласия между конфликтующими сторонами по поводу того, что должно собою представлять приемлемое решение. В этой связи следует привести замечание В. А. Ядова о том, что «конфликты более или менее регулируются, когда у их участников есть общая система ценностей». При этом и поиски взаимоприемлемого решения становятся более реалистичными;

— фактор кумулятивности: чем он меньше, тем выше вероятность мирного урегулирования. Иными словами, хорошо, когда конфликт не обрастает новыми проблемами и участниками;

— фактор исторического опыта, в том числе примеров разрешения подобных конфликтов. Здесь важную роль могут сыграть парейшины и другие уважаемые лица;

— психологический: многое зависит от личностных особенностей тех, кто принимает решения во время конфликта.

Как писал Л. Козер, субъекты конфликта, если они понимают его бесперспективность или неуместность, перестраивают свое поведение таким образом, чтобы уже не столько достичь первоначальной цели, из-за которой возник конфликт, сколько снизить социальное напряжение, порожденное сложившейся ситуацией.

Не только в межнациональных, но и во многих других конфликтах может быть использован такой метод, как разведение сторон, их изоляция друг от друга. В бытовом конфликте это, например, расселение соседей, в семье — развод, в управлении — перевод конфликтующих сотрудников в разные отделы. В международной практике разведение сторон предполагает установление «коридора безопасности», введение миротворческих сил и т. п. Естественно, что разведение сторон может встретить сопротивление противоборствующих сил, но иногда, как показала международная практика, оно является единственно эффективным.

Важно также воздействовать на идеологические и социально-психологические элементы конфликта, в частности стараться развеять ложные представления и о другой конфликтующей стороне, о ее действиях и мотивах ее поведения. Таких искаженных представлений, предубеждений, ложной информации, слухов бывает обычно немало, а в межнациональных отношениях — особенно.

3. Разрешение конфликтов социальных групп. Для исследователя конфликта, да и для самих участников важно осознать необходимость регулирования крупных социальных проблем, на базе которых складываются многие конфликты.

Весьма значимы действия — формальные или неформальные — руководителей тех или иных конфликтующих сторон. По своему изначальному предназначению центры власти должны уметь согласовывать противоречивые интересы людей. Руководители властных структур непременно должны обладать как минимум волей, умением и определенным интеллектом.

Замечено, что при сколь-либо значимом конфликте общественных групп у лидеров может возникнуть желание быстрого его разрешения. Как правило, и история об этом постоянно свидетельствует, принимаются меры то ограничению, если не подавлению, одной из сторон. В этом случае применяются пропагандистские, административные, силовые средства, которые естественно имеют временный эффект. Но здесь особенно важны сопутствующие усилия по разрешению долговременных, лежащих в основе конфликта противоречий.

В то же время лидер, несмотря на соблазны «волевого» решения, может принять меры по разрешению конфликта, которые хотя бы временно удовлетворили все стороны (компромиссный стиль руководства). Правда, возможности руководителя бываюI довольно невелики — его разгоряченные сторонники и советники нередко подталкивают его к кардинальному решению.

4. Переговоры как метод разрешения конфликтов. Из всех способов преодоления противоборства сторон переговоры между ними являются наиболее эффективными. Для так называемого переговорного типа взаимодействия характерно то, что стороны пытаются добиться хотя бы части желаемого, пойти на определенные компромиссы. Полагают, что процесс переговоров можем быть начат при следующих условиях: 1) стороны, помимо противоречащих интересов, имеют и значимые общие интересы; 2) стороны считают возможным достижение определенного понимания или соглашения, которое для них более выгодно, чем другие альтернативы; 3) они вступают в дискуссию в поисках взаимно удовлетворяющего решения.

На наш взгляд, готовность сторон идти на компромиссы или забота о получении другой стороной определенной выгоды не являются обязательными атрибутами переговоров. Ведь возможна и такая ситуация, при которой каждая из

сторон выражает просьбу или выдвигает требование, не намереваясь идти на компромисс, а надеясь лишь на уступки другой стороны. Подчас сами переговоры могут привести к обострению отношений. Тем не менее отказываться от них ни в коем случае нецелесообразно.

Примером более или менее эффективного использования переговорного процесса может служить конфликтная ситуация в Приднестровье. Там весьма позитивную роль сыграли посредники, сумевшие хотя бы на время примирить противоборствующие стороны и тем избежать кровопролития. Этого не произошло в Чечне.

Для того чтобы погасить конфликт, стороны должны договориться о спорных вопросах и об условиях дальнейшего сосуществования. При этом чем точнее и жестче очерчен предмет спора, тем больше шансов, что конфликт будет разрешен окончательно. 1 Ведь если предмет не определен и конфликт в значительной степени перешел в фазу межличностной неприязни, погасить его трудно: врагов не сделаешь друзьями. В международных отношениях такого рода неопределенные конфликты особенно опасны, так как они могут тянуться десятилетиями.

Переговоры, будучи разговором о противоречиях, обусловленным стремлением их разрешить, включают в себя различные типы действий. Это могут быть просьбы, требования, предложения, обещания, отказы и пр.

Люди на всем протяжении истории накопили огромный опыт ведения переговоров. Этот опыт стал достоянием не только профессиональных политиков, но и экспертов, журналистов, управленцев, ученых. В последние десятилетия выкристаллизовались несколько правил и процедур их ведения. Определены и элементы переговоров: их стороны, непосредственные участники, предмет, каналы взаимной коммуникации, информация. По мнению* многих исследователей, недостаток информации ведет к подозрительности и недоверию участников, т. е. к углублению конфликта. Замечено также, что существуют трудности с выработкой критериев оценки как хода, так и результатов переговоров. В целом же поведение участников во многом зависит от сложившейся ситуации, а также их образовательного и культурного уровня, волевых и иных личностных характеристик.

В работах, посвященных менеджменту, большое внимание уделяется проблеме решения производственных конфликтов. Здесь весьма важной считается сама подготовка переговоров. В нее входит сбор сведений о противнике (партнере по переговорам), его личностных характеристик, вероятных аргументов. Во время самих переговоров рекомендуется такая линия поведения, которая противодействует обострению конфликта. Основные правила при этом достаточно просты: 1) признавать права друг друга; 2) выслушать партнера не перебивая; 3) демонстрировать понимание точки зрения партнера; 4) выяснить, как партнер воспринимает конфликт; 5) четко формулировать предмет обсуждения; 6) констатировать общие точки зрения; 7) спокойно выяснить, что вас разъединяет; 8) после этого снова обрисовать содержание конфликта; 9) искать общее решение; 10) принять общее «комюнике», отметив согласие и оставшиеся расхождения.

Приводится и перечень типичных ошибок, в том числе с тяжелыми для переговоров последствиями. Допуская такие ошибки, переговоры в принципе можно и выиграть. Но это будет временная победа и конфликт может снова появиться, так как противник, проиграв, не всегда будет соблюдать заключенное соглашение. Эти ошибки большей частью состоят в следующем:

- партнер изображает собственный промах как ошибку противника;
- партнер частично скрывает свои интересы;
- партнер принимает «боевую стойку» или уходит в оборону без необходимости;
- партнер настаивает на признании своего превосходства (преимуществ);

— припоминаются старые обиды, акцентируются уязвимые места противника;

— в конце переговоров объявляются «победитель» и «побежденный».

Как мы уже говорили, очень часто источники напряженности при переговорах существуют всего лишь в воображении его участников. Справиться с «ложными» конфликтами гораздо труднее, чем с действительными. Только квалифицированно проведенные переговоры могут снять с повестки подобные «конфликты-призраки», что в значительной мере облегчит разрешение реально существующих конфликтов.

Переговоры становятся более успешными по мере укрепления доверия между их участниками. Если их потребности удовлетворены хотя бы частично, то это обычно означает большее, чем простое устранение осложнений.

Как известно, переговоры между армянской и азербайджанской сторонами по прекращению огня в зоне конфликта велись постоянно. Подписывались соглашения, которые затем стороны не выполняли. Причина, на наш взгляд, заключалась в том, что коренная проблема, связанная со статусом Карабаха, так и не была решена; она разводила стороны на диаметрально противоположные позиции. Немаловажную роль играла подозрительность в отношениях, сложившаяся в ходе самих переговоров. Каждая сторона чувствовала, что к ее мнению в очередной раз не прислушались. Тем самым никакого доверия между сторонами не создавалось.

Множество рекомендаций по ведению переговоров, касающихся разрешения трудовых, ведомственных и международных конфликтов, выработано американскими исследователями. На семинаре в Москве, проведенном организацией «Поиск общего пути» (директор программы Бэтси Коэн), были, в частности, представлены в качестве ключевых следующие элементы переговоров:

1) переговоры должны вестись как по процедуре, так и по существу дела;

2) необходимо добиваться согласованного понимания проблемы и лишь затем переходить к ее совместному решению;

3) прежние проблемы следует свести к их причинам. Необходимо отличать человеческие проблемы от человеческих достоинств, а также интересы — от занятых позиций;

4) важно видеть людей отдельно от их проблем, улучшать отношения, стремиться к убеждению. Не жертвуйте хорошими отношениями ради своей точки зрения, равно как и не отказывайтесь от своей точки зрения ради улучшения отношений;

5) используйте справедливый подход к обоснованию своих взглядов. Отдавайте должное чужим идеям, даже если не согласны с ними;

6) не забывайте о том, к чему стремитесь, не давая слишком большую долю фантазии.

В заключение подчеркнем не только важность переговоров в качестве метода разрешения конфликта, но и существенную их

ограниченность. С их помощью не всегда можно ослабить или снять объективные противоречия, которые лежат в основе любого конфликта. Однако они несомненно полезны там, где ранее разногласия были непреодолимы.

Надо также принимать во внимание, что переговорный тип взаимодействия может перерасти в борьбу. Последнее может возникнуть благодаря тому обстоятельству, что через переговоры по частному поводу «проступают» более глубокие разногласия или более глубокие претензии одного из субъектов. Предметом этой борьбы будут уже не разногласия, которые были предметом переговоров, как, например, в случае неудачи переговоров, а разногласия, прежде скрытые.

5. Переговоры при захвате заложников. Остановимся на некоторых рекомендациях зарубежных специалистов по поводу ведения переговоров в наиболее острых и опасных видах конфликтов, а именно при захвате заложников.

В случае захвата заложников при переговорах должны быть проанализированы и тщательно учтены следующие обстоятельства: 1) особенности личности захватчиков; 2) мотивы захвата и цели преступников; 3) предвидимое поведение захватчиков в ближайшее и более отдаленное время; 4) желательная процедура ведения переговоров с ними; 5) выбор лица, ведущего переговоры, и психолога-консультанта; 6) организация четкого взаимодействия между ведущими переговоры, руководством и группой вторжения.

Главными задачами переговоров в указанной ситуации являются: а) защита жизни заложников; б) задержание захватчиков и в) возвращение или защита имущества. Не следует путать приоритеты в указанных целях, так как иначе могут пострадать не столько террористы, сколько сами заложники (так не раз бывало при неумелой организации операций).

Предметами переговоров могут быть: условия освобождения заложников; продукты питания для заложников и захватчиков; условия предоставления свободы захватчикам; вопрос о выкупе; вопрос об организации взаимодействия между переговаривающимися сторонами. Специалисты считают важнейшим обстоятельством снятие стресса у захватчиков, чтобы уменьшить риск совершения ими убийств или других неожиданных действий. Поэтому рекомендуется не спешить с завершением переговоров и четко соблюдать все достигнутые договоренности. В рекомендациях содержатся советы о том, как вступить в контакт с захватчиками, как его осуществлять, каким требованиям должны удовлетворять лица, ведущие переговоры, и другие участники контакта¹². Несомненно, что всегда должна быть учтена опасность срыва переговоров и необходимость применения насилия для освобождения заложников.

ДОСТИЖЕНИЕ КОНСЕНСУСА

1. Понятие и типология консенсуса. Термин «консенсус» прочно вошел в научный оборот. Многие исследователи считают его оптимальным способом разрешения всех конфликтов — от семейных до международных. Активно обсуждаются различные консенсуальные процедуры и механизмы. Однако четкое представление о том феномене, на достижение которого они направлены, имеется далеко не всегда.

В литературе слово «консенсус» употребляется по меньшей мере в трех смыслах: юридическом, политическом и социологическом.

Политологи различают консенсус в «узком» смысле — как способ политического разрешения различных споров и конфликтов, и в «широком» общеполитическом, который иначе называется гражданским согласием. «Широкое» политическое понимание консенсуса тесно примыкает к социологическому, с позиции которого консенсус — это «согласие значимого большинства людей любого сообщества, относительно наиболее важных аспектов его социального порядка, выраженное в действиях». Среди юристов термином «консенсус» пользуются в основном специалисты в области международного права, рассматривая его как метод выработки и принятия международно-правовых актов.

Современные словари определяют консенсус как «общее согласие по спорным вопросам», «мнение, которого придерживаются все или большинство, общее согласие, особенно во мнениях», «единогласие, согласие, особенно во мнениях, следовательно общее мнение», «общее согласие, преобладающее мнение». Как видим, понимание довольно противоречивое. Отсюда и различное толкование этого термина в специальной литературе.

Суммируя различные точки зрения, можно выделить два основополагающих принципа консенсуса:

— поддержка решения большинством (лучше квалифицированным) участвующих в его принятии;

— отсутствие возражений против принятия решения со стороны хотя бы одного из участников.

Консенсус — это не единогласие, так как полного совпадения позиций всех участников процесса принятия решения здесь не требуется. Консенсус предполагает отсутствие только прямых возражений и вполне допускает нейтральную позицию (воздержаться от голосования) и даже отдельные оговорки к решению (конечно, если они не подрывают саму основу достигнутого соглашения). Вместе с тем консенсус — это и не решение большинства, так как он несовместим с отрицательной позицией хотя бы одного из участников.

Предложенное понимание консенсуса применимо не только к межгосударственным отношениям. Им удобно пользоваться и при анализе внутренних процессов. Причем всегда, когда речь идет о консенсусе как методе выработки и принятия решений (политических, законодательных, судебных), допустима прямая аналогия с международно-правовой трактовкой.

Консенсус как метод принятия решений прежде всего подразделяется на юридический (когда консенсуальные методы и процедуры предусмотрены нормативными актами и порождают определенные правовые последствия) и неюридический (неформальные способы разрешения конфликтов). Юридический консенсус может быть обязательным (если допустимо только консенсуальное решение) и факультативным (если наряду с консенсуальным допускается и другой порядок принятия решения).

Неформальные процедуры разнообразны («круглые столы», переговоры, посредничество и т. п.), часто они предшествуют принятию юридически значимого решения (необязательно консенсуального).

Предложенную типологию не следует абсолютизировать. В определенных исследовательских или практических целях могут быть полезны и другие классификации.

2. Базовые основы консенсуса. Консенсус имманентен демократии, ибо она обеспечивает свободу членов политического сообщества, а только в условиях свободы и может сформироваться подлинное гражданское согласие. Более того, консенсус характеризует зрелые, развитые формы демократии.

В основе зарождающейся, становящейся демократии лежит осуществление воли большинства, которая, по меткому выражению Дж. Ст. Милля, является лишь волей тех, кому удастся заставить признать себя большинством. Господство большинства предполагает игнорирование интересов меньшинства (порой довольно значительного, вполне сопоставимого с самим большинством), а *то* и даже подавление его, насилие над ним. Такая демократия ущербна и весьма далека от совершенства. Истинная демократия всегда стремится к консенсусу.

Одновременно демократия предполагает плюрализм — различные, порой несовместимые и конфликтующие политические, экономические, нравственные, философские, религиозные и другие идеи, ценности, предпочтения и целостные доктрины, разделяемые теми или иными социальными группами. Причем плюралистичность общества — не исторический реликт, который со временем может быть преодолен, напротив, по мере развития демократии она возрастает. Монолитность — свойство тоталитарных обществ, при демократии она в принципе невозможна. Если фиксируется единогласное принятие решений и их последующая всеобщая поддержка и одобрение — это показатель укоренившейся политической апатии, безразличия, часто страха и прочих проявлений тоталитаризма. И как только жесткие ограничения, накладываемые режимом, снимаются, сразу проявляются, казалось бы, отсутствовавшие ранее противоречия.

Каким образом в рамках демократии сопрягаются плюрализм и консенсус? Очевидно, существуют некоторые всеобъемлющие идеи и ценности, которые

одобряются и поддерживаются сторонами различных политических, философских, нравственных течений, группами с разными социально-экономическими интересами. Направленность режима на реализацию этих идей и ценностей и способна консолидировать общество.

История показала, что такими объединяющими ценностями (назовем их базовыми основами консенсуса) могут быть национальные и религиозные ценности, права и свободы личности.

Национальные и религиозные ценности сами по себе далеко не всеобъемлющи. Они, по определению, исключают из «сферы консенсуса» некоторую часть населения, и основанный на них консенсус является, таким образом, лишь разновидностью демократии большинства.

В обществах, где меньшинство, выведенное за рамки национального или религиозного консенсуса, значительно, эти ценности вообще не могут способствовать достижению гражданского согласия. Такова ситуация в России и в большинстве стран СНГ.

В итоге акцент на национально-религиозные ценности и интересы ведет не только к распаду государства (будь то СССР или Российская Федерация), но и к конфронтации внутри отдельных регионов.

Национальные и религиозные ценности могут быть «задействованы» при переходе от авторитарных режимов к демократии. Так, в Испании в 70-е годы в основе политики демократизации лежала стратегия «национального примирения». Испанцы устали от многолетней вражды и ненависти. Перспектива «подвести черту» под прошлым — гражданской войной 1936—1939 гг. и последующим разделением страны на «победителей» и «побежденных», — восстановить национальное единство устраивала всех. В послевоенной Франции правительство де Голля пыталось сплотить людей и завоевать признание через повышение национального достоинства, делая упор на престиж французского языка, культуры, историю страны.

Однако одни национальные и религиозные ценности слишком долго эксплуатировать нельзя. Они должны быть своеобразным «мостиком» для перехода к третьей базовой основе консенсуса — к правам и свободам личности. Лишь эти ценности действительно всеобъемлющи и характеризуют консенсус, свойственный развитым, стабильным демократиям.

Постепенно в обществе формируется консенсус относительно социально-экономического и политико-правового устройства, признающего незыблемость прав, свобод, достоинства личности и обеспечивающего гарантии свободы, самостоятельности и собственности граждан и их объединений.

Партии, соперничающие за голоса электората и предлагающие альтернативные программы и курсы, не подвергают сомнению ценности свободы, собственности, самостоятельности, достоинства человека, а также обеспечивающие их политико-правовые принципы и институты: народное представительство, разделение властей, господство права, независимость суда и т. п. Внутри этих рамок (и в соответствии с ними) признается право на оппозицию, на несогласие с проводимой политикой и на борьбу (опять-таки в указанных рамках) за ее изменение. Отсюда каждая из партий исходит из «законности» существования своих оппонентов, а следовательно, допускает возможность компромисса с ними. Исключение составляют крайне радикальные партии, но в стабильных демократиях существенного влияния на политическую жизнь они не оказывают.

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ И СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

Утвердившаяся в большинстве государств с демократическим режимом правления, в том числе и в России, система разделения властей означает такую форму организации государственной власти, при которой возможно оптимальное регулирование социальных интересов. Она позволяет уравнивать сталкивающиеся социальные интересы, и тут возможен «юридический консенсус». Именно при такой функционально-институциональной организации в обществе могут быть реально обеспечены гарантии свободы, самостоятельности и собственности.

Вместе с тем политическая практика показывает, что, являясь, по существу, элементом эффективного государственного управления, принципа (деления властей одновременно может служить объективной базой для зарождения и развития юридических конфликтов. Это споры о компетенции органов, «война актов», споры о формах и процедурах взаимоотношений органов власти, конфликты, вытекающие из переплетения внутри федеральных проблем, отношений с политическими партиями и движениями и др. В широком контексте в конфликт могут втягиваться все элементы, в том числе и те субъекты, которые не отождествляются с пласты государства.

Строгое разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную теоретически делает невозможным или по крайней мере существенно ограничивает административный и судебный произвол. Оно подчиняет также государственную власть в целом интересам гражданского общества и свободного бытия человека в обществе.

Теория государства и права, исследуя институт разделения властей, определила его институциональное и функциональное содержание, основные предпосылки реализации. Ими являются демократическая процедура законотворчества, действие всех государственных органов в рамках и на основе закона, наличие правовых процедур разрешения споров.

Разделение законодательной и исполнительной власти — необходимая институциональная гарантия от произвольного вмешательства правительственно-административных органов в общественные отношения. Но это реализуется только при наличии независимой судебной власти, которая способна контролировать законность и правомочность действий исполнительной власти и защитить общество от возможных законодательных нарушений с помощью процедуры конституционного контроля. Специфическая власть судебного решения, обязывающая спорящие стороны к его исполнению, становится мощным средством достижения социальной справедливости и согласия.

Признанное ныне в России разделение властей нашло закрепление в ст. 10 Конституции Российской Федерации. Как же реализуется этот принцип и каково его реальное наполнение?

До сего времени в обыденном понимании граждан сохраняется образ единого государственно-властного начала, недооценивается роль конституционных положений о разграничении функций и компетенции государственных органов. Сказывается недоверие к возможностям судебной процедуры разрешения споров. С другой стороны, сохраняются попытки представителей различных ветвей власти выйти за пределы их конституционной компетенции, воздействовать на судебные органы и т. п. Зачастую администрация либо определенные социальные группы и политические лидеры вмешиваются в процесс выработки нормативных решений, преследуя корпоративные или местнические цели. Любые попытки отторжения и ревизии основ конституционного строя, невысокая правовая культура в обществе создают почву для возникновения конфликтов. Тем не менее процесс утверждения основного конституционного принципа идет, хотя и не безболезненно, постепенно приобретая общественную поддержку.

1. Конфликт в системе разделения властей и его особенности. Краткая характеристика сущности и целевой направленности системы разделения властей

позволяет выяснить некоторые особенности конфликтов, возникающих и разрешаемых на ее основе. Первая из них состоит в том, что в разрешении конфликтов всегда активно действующим субъектом являются государственные органы. Это происходит и в том случае, когда они **не** входят в число конфликтующих сторон, а выполняют функцию посредника или арбитра.

Вторая особенность заключается в преимущественном использовании легальных средств разрешения конфликтов или в их последующей легитимации. В условиях разделения властей разрешение конфликтов осуществляется предпочтительно правовыми, а не силовыми средствами. Но даже в случае применения вооруженной силы, результат принуждения находит впоследствии юридическое закрепление с помощью принятия нормативных актов, изменения конституции, подписания общественных соглашений.

Конфликты властей имеют, как правило, всеобъемлющий характер, затрагивают разнообразные социальные интересы. Поэтому и поиск согласия предполагает использование всего спектра способов широкой социальной поддержки. Этот фактор был использован в России, когда к выработке проекта новой конституции в рамках Конституционного совещания в течение 1993 года привлекались самые широкие круги политиков, специалистов, предпринимателей, представителей регионов.

Попытаемся определить, по каким направлениям институт разделения властей способствует разрешению конфликтов и достижению согласия.

Отметим прежде всего преодоление разногласий между самими государственными институтами. В соответствии с принципом разделения властей законодательная, исполнительная и судебная власти наделены, согласно конституции, самостоятельной компетенцией и набором средств социального управления. Однако реализация полномочий с помощью специфических, присущих лишь данному государственному институту средств и методов осуществляется им не в изоляции, а в русле сложного, многофакторного процесса общественного развития. Важное значение при этом имеет социально-исторический фактор.

Существует ряд условий, которые способствуют развитию конфликта властей. Это прежде всего переходные состояния государственного развития, причиной которых является экономический, политический или военный кризисы. Другой причиной может выступать незрелость демократических начал в обществе и неразвитость политической системы, в особенности в период преодоления последствий тоталитаризма в обществе. Наконец, отсутствие или противоречивость конституционной и законодательной базы также является провоцирующим конфликты фактором. Названные обстоятельства по отдельности или в сочетании чреваты противостоянием социальных сил в обществе. А это неизбежно приводит к нарушению баланса властей. Совокупностью всех этих факторов характеризуются конфликты властей, возникающих в России, государствах, бывших в составе СССР, ряде государств Восточной Европы. Но история дает примеры подобных конфликтов и в развитых демократических государствах.

Даже всенародное голосование не всегда становится радикальным выходом из спорной ситуации и дает ответ на вопрос об оптимальном объеме полномочий законодательной и исполнительной властей. Так произошло в России, когда результаты референдума в апреле 1993 года не дали однозначного ответа о доверии одной из спорящих сторон. Итогом стало резкое противостояние властей и даже применение вооруженной силы в интересах сохранения общественной стабильности.

2. Предотвращение конфликта. Возникает вопрос: всегда ли разделение властей ведет к их конфликту или этого можно избежать? Естественно, путь без конфликтного развития предпочтителен, поскольку столкновения государственных институтов между собой имеют весьма пагубные последствия. Поэтому главным способом сохранения

стабильности в демократическом государстве является деятельность самих государственных органов по предупреждению конфликтных ситуаций.

Выбор этого пути предполагает прежде всего осуществление государственными органами своей деятельности строго в рамках установленных предметов ведения и компетенции. Но выполнение этого требования предполагает решение нескольких задач.

Во-первых, своевременное получение и объективный анализ достоверной социальной информации об обстоятельствах, способных породить конфликт властей, своеобразный мониторинг взаимоотношений государственных органов между собой, а также государственных органов с другими институтами политической системы и гражданами.

Отметим, что эта информационная задача решается в условиях демократического государства правовыми средствами. Таковыми являются закрепленные в конституции и законодательстве функции взаимного контроля властей, а также специальные информационные полномочия государственных органов и должностных лиц. С этой же целью должны использоваться и сведения, имеющие неофициальное выражение: материалы изучения общественного мнения, публикации, заявления политических лидеров и государственных деятелей и др.

Во-вторых, осуществление государственными органами своей деятельности в условиях широкой публичности и информирования граждан, учета общественного мнения. Подобные средства позволяют готовить социальную поддержку готовящихся решений и одновременно отразить в них совокупность социальных интересов.

Нельзя не заметить, что в сегодняшней российской государственной практике эти средства используются не лучшим образом. Почти забыты всенародные обсуждения законопроектов, прекратилась практика их обнародования в широкой печати. Отметим, что за последние два года из числа официально разработанных фундаментальных законопроектов только проект Общей части нового Гражданского кодекса РФ обнародовался в государственных средствах массовой информации.

В-третьих, взаимодействие властей на этапе подготовки правовых решений. При подготовке концепций, проектов законов и других нормативно-правовых актов создаются совместные рабочие коллективы, в состав которых входят представители различных ветвей власти: депутаты, руководители и специалисты органов исполнительной власти, представители партий, общественных движений и организаций. Такой подход соответствует принципу взаимодействия общества и государства и позволяет обеспечить полноценный общественный диалог, в котором координируются позиции и действия властей по конкретному вопросу.

Необходимость такого взаимодействия подтвердили участники Совещания по государственной поддержке институтов гражданского общества, состоявшегося 25 мая 1994 года в Москве, в котором приняли участие представители Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства, Центральной избирательной комиссии, эксперты. Участники Совещания подчеркнули, что эффективность законодательной деятельности может быть повышена, если будет обеспечено постоянное информирование о готовящихся законопроектах всех субъектов законоотворчества, а также заинтересованных общественных структур и граждан России. Тесно связанные между собой законы могут объединяться в блоки для согласования их концепций, содержания, увязки понятий, принципов и норм с учетом многообразных политических и общественных интересов.

Потребность во взаимодействии властей требует выработать различные организационные формы сотрудничества. Непростая практика реализации принципа разделения властей в условиях становления института президентской власти и перехода к парламентской демократии в России, на Украине, Казахстане и других государствах

заставила создать специальные службы, которые занимаются вопросами обеспечения взаимодействия в органах законодательной, исполнительной и судебной власти.

Чтобы этого не произошло, следует укреплять и конкретизировать правовой статус государственных органов и других участников политического процесса. Процесс формирования обновленной на основе Конституции правовой системы должен сопровождаться принятием целого ряда статутных актов, среди которых главнейшее место занимает ряд федеральных конституционных законов — о правительстве, о федеральных органах исполнительной власти, об основах судебной системы, о федеральных судах: конституционном, арбитражном и общей юрисдикции. Закрепления в законе требуют институты непосредственной демократии и самоуправления, статус средств массовой информации, учреждений науки, хозяйствующих субъектов, некоммерческих организаций, политических партий и других общественных организаций.

Таким образом, разделение властей как принцип и институт конституционной организации государства двояким образом влияет на разрешение юридических конфликтов. Имеются средства для погашения конфликтов между властями, с одной стороны, и для преодоления юридических конфликтов в более широком социальном контексте, с другой. И необходимо обеспечить их эффективное и своевременное использование.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ

1. Конфликт на парламентском уровне, его участники. Парламент современного конституционного демократического государства можно рассматривать как высший представительный орган власти, вырабатывающий общую волю народа на основе согласования социальных интересов, в том числе противоборствующих, различных политических партий, иных объединений граждан, образующих депутатские фракции и группы, путем принятия единых решений в форме закона и иного акта в целях достижения общественного согласия. Точки зрения, взгляды, знания, наконец, интересы субъектов — а в парламентском процессе это политические партии, блоки, объединенные в депутатские фракции, группы, и отдельные депутаты — во время взаимодействия могут находиться в полном или частичном согласовании, но могут быть и в абсолютном противоречии. В этом случае их противоборство реализуется в когнитивном конфликте и может быть не связано с нарушением отношений между названными субъектами. Таким образом, с одной стороны, в парламентском процессе могут, и в идеале должны, участвовать стороны, не имеющие никаких принципиальных взаимных личностных или иных претензий. Однако, с другой стороны, анализ разнообразных конфликтов свидетельствует о том, что какие бы конкретные причины ни лежали в основе поведения противоборствующих сторон, в конечном счете они упираются в их интересы, которые в случае конфликта оказываются противоположными или несовместимыми.

Конфликт интересов на парламентском уровне в конституционном демократическом обществе предполагает конкретных участников — политические партии и их блоки, иные объединения граждан, которые выражают свои социальные интересы через депутатские фракции, группы, отдельных депутатов. В этом случае возникает политико-правовая парламентская ситуация, характерная для стран с устоявшимися конституционными принципами демократии, а именно: взаимоотношение большинства и меньшинства, партии или блока, имеющих большинство депутатских мест в парламенте, и -партий, находящихся в оппозиции. Конфликт в парламентах этих стран чаще всего происходит между парламентским большинством и депутатским меньшинством. Задача оппозиции в этой ситуации заключается в критике Правительства и поддерживающего его парламентского большинства, а также в ко-

нечном итоге — в представлении альтернативы по персональному составу Правительства и победы на выборах.

В отношениях с оппозицией необходимо иметь в виду несколько моментов. Во-первых, многопартийность в обществе является проявлением политологической закономерности, которой подчиняется эволюция партийно-политической структуры общества при переходе от тоталитарного устройства к демократическому. В социально-политическом плане этот процесс вызывается стремлением выразить на государственном уровне интересы различных общественных сил, реально существующих или способных возникнуть в обозримой перспективе. В обстановке борьбы за перераспределение власти возникает политический конфликт, который может быть представлен как межпартийный конфликт на горизонтальном уровне. Таким образом, в обществе, особенно в момент обострения социальных противоречий, стремительно растет число организованных политических субъектов, являющихся потенциальными участниками конфликта.

Во-вторых, в условиях современной России идет параллельный процесс становления как партийно-политической структуры, так и новых государственно-властных структур. К этому следует добавить тот факт, что к 1994 году партийная система в России сложилась в достаточной степени для того, чтобы сделать возможным формирование на ее основе новых властных структур.

Не ставя перед собой задачи анализа политических партий и блоков в ходе выборов в декабре 1993 года в Федеральное Собрание РФ, отметим лишь тенденцию к дальнейшему развитию партийных блоков, фракций и к их укрупнению. На парламентском поле эта тенденция выражается в противоборстве формирующихся депутатских блоков и фракций, а также в стихийности и неоднозначности их проявлений".

2. Подходы к решению парламентских конфликтов. Поскольку управление конфликтом предполагает деятельность, направленную на примирение противоборствующих интересов и выработку общего согласованного решения, то логично поставить вопрос о

носителях этих интересов. В связи с этим получается, что нужно способствовать легальному оформлению новых партий, блоков, их стабилизации. С одной стороны, они станут конфликтной силой по отношению к группам, представляющим другие интересы. Но, с другой стороны, как правильно отмечают исследователи, они также и являются посредническими структурами, которые выполняют функцию объединения индивидов в общество. Неорганизованные индивиды потенциально представляют собой более опасный источник поддержки для экстремистских сил левого или правого уклона, чем те, кто принадлежит организованным для конфликта группам. В любом случае задача состоит не в том, чтобы изолировать оппозиционеров от принятия решений, а напротив — приобщить их к власти, чтобы они ее получали законным путем.

Здесь уместно обратить внимание законодателей на отсутствие до сих пор закона о политических партиях в России.

Считая, что управление является одним из общих концептуальных подходов к конфликту, можно предположить, что в отношении конфликта на парламентском уровне может и должен быть применен преимущественно нормативный или морально-правовой подход. При таком условии конфликт решается при использовании набора правовых, моральных или этических норм. Результат будет зависеть от того, есть ли между субъектами парламентского процесса согласие относительно этих норм. То есть при условии, что правила принимаются всеми и речь идет лишь об их применении к конкретному случаю. Однако, если возникает разногласие и невозможно использовать консенсус, т. е. в конечном счете все нормы отвергаются как неподходящие для всех участников — субъектов парламентского процесса, то возникает необходимость их навязывания либо решения конфликта другим путем, желательно конституционным:

в демократическом государстве вступает в действие конституционная норма о роспуске парламента. В результате, при нормативном подходе, возможно решение конфликта путем компромисса или консенсуса, а также силой. Под силой следует понимать в данном случае роспуск парламента, т. е. правовой метод, а под компромиссом — ряд процедур, носящих согласительный характер и ведущих к консенсусу.

В отношении конфликта, решаемого на уровне парламента, главным требованием можно считать его институализацию, связанную с нормативным подходом и воздействием нормы права на поведение его участников. Если не институализированный конфликт характеризуется отсутствием принципов или правил и чаще всего представляет собой стихийный и не поддающийся контролю взрыв недовольства, то при институализированном конфликте диссонанс, несовместимость сторон выражаются в пределах установленных норм и правил.

Поэтому в последнем случае появляется возможность предсказать поведение участников конфликта — партий, блоков, депутатских фракций, групп.

В юридическом аспекте условиями институализации конфликта на парламентарском уровне являются различного рода законодательные и нормативные акты, устанавливающие определенные нормы и правила, которые позволяют создать механизм разрешения конфликта либо сами составляют суть этого механизма.

Процессуальный характер этих норм предполагает создание определенных парламентарских процедур — правил организации и деятельности парламента, закрепленных в конституциях, регламентах, иных правовых актах.

В большинстве демократических государств основные парламентарские процедуры, направленные на преодоление разногласий и разрешение конфликтов, закреплены в Конституциях. Эти процедуры носят название согласительных или примирительных и по своей сути являются конституционными основаниями для достижения консенсуса, управления конфликтом парламентарским путем. Главным образом, такие процедуры применяются в законодательном процессе.

В соответствии с Конституцией РФ 1993 года в законодательной процедуре парламента к спорным и конфликтным ситуациям относятся: отклонение Советом Федерации закона и несогласие Государственной Думы с решением Совета Федерации. В первом из этих случаев палаты могут создать согласительную комиссию для преодоления возникших разногласий, после чего федеральный закон подлежит повторному рассмотрению в Государственной Думе. Во втором случае федеральный закон считается принятым, если при повторном голосовании за него в Государственной Думе проголосовало не менее двух третей от общего числа депутатов Государственной Думы. Таким образом, если консенсус не достигается, решение, то есть федеральный закон, должно быть принято в обычном порядке, но квалифицированным (две трети) большинством голосов.

Свое функциональное развитие конституционные нормы консенсуального характера, обеспечивающие согласованную деятельность парламента, находят в Регламентах, иных актах, регулирующих его работу.

Регламент Государственной Думы содержит подробную регламентацию (глава 4) согласительной процедуры по повторному рассмотрению федеральных законов, отклоненных Советом Федерации. Положения Регламента предусматривают условия и порядок создания и работы согласительной комиссии, процесс принятия решений по каждому предложению этой комиссии, а также процедуру повторного рассмотрения Государственной Думой закона, если она не приняла предложений комиссии и выразила свое несогласие с решением Совета Федерации об отклонении закона. После повторного голосования по федеральному закону

Надо отметить, что использование переговорных процедур, согласительных и иных паритетных комиссий в парламенте очень важны для преодоления разногласий,

особенно на ранних стадиях конфликта Поэтому совершенно очевидна важность четкой и подробной регламентации разных согласительных процедур в Регламентах, других Положениях и Правилах, которых пока очень мало.

Парламентские процедуры по предотвращению, разрешению или прекращению конфликта не исчерпываются созданием специальных согласительных органов. Большая часть из них, на наш взгляд, регулируется нормами парламентского права и направлена на преодоление внутривнутрипарламентских коллизий, противоречий. Эти процедуры выработаны многолетней практикой парламентаризма и улаживаются правилами ведения дискуссии, т. е. парламентских дебатов, порядка проведения заседаний, классификации предложений по законопроектам и иным вопросам, порядка их обсуждения, работы комиссий и комитетов, голосования, административного аппарата.

Рассмотрим наиболее важные из них, имеющие отношение к предмету нашего исследования. Обратимся к парламентским дебатам. Очевидно, что парламентские дебаты по своей сути максимально приближены к переговорам между сторонами. А, как известно, переговоры являются одним из наиболее демократических форм урегулирования, или, что значительно лучше, предотвращения конфликта.

Регламенты обеих палат Федерального Собрания, подобно принятой мировой практике, имеют специальные разделы о парламентских слушаниях. Отличительными особенностями этих разделов являются нормы поведенческого характера в отношении депутатов, взаимоотношений депутата и председательствующего парламента. Последние часто соприкасаются с нормами и правилами депутатской этики, соблюдение которой помогло бы избежать развития основной части межличностных конфликтов.

Надо сказать, что уже вновь избранное Федеральное Собрание не избежало конфликтов между отдельными депутатами, носящими межличностный характер, хотя причины, их побудившие, могли быть разными. Межличностные конфликты между депутатами имели место и в предшествующем Верховном Совете РФ, и в работе Съездов Советов народных депутатов. Иногда это не ограничивалось просто выкриками с мест, оскорблениями, жестами, а порой доходило до рукоприкладства, «выноса» депутатов из зала заседаний. Подобные ситуации не являются исключением и для мировой парламентской практики. Конечно, запретительными нормами не всегда решишь такие конфликты. Хотя, разумеется, эти правила нужны. Так, в Регламенте Государственной Думы этим вопросам посвящены, по крайней мере, две статьи, содержащие нормы обязывающего и запретительного характера и предусматривающие санкции за их нарушение, т. е. за создание условий для возникновения межличностного конфликта в парламенте. Эти нормы устанавливают некоторые правила депутатской этики, которые должны соблюдаться. В них, в частности, содержится запрет употреблять в своей речи грубые, оскорбительные выражения, наносящие ущерб чести и достоинству депутатов Думы и других лиц, допускать необоснованные обвинения в чей-либо адрес, использовать заведомо ложную информацию, призывать к незаконным действиям. В случае нарушения предусмотрена санкция: предупреждение председательствующего, в случае повторного нарушения выступающий лишается права выступления в течение дня заседаний (ст.42 Регламента). Лишение депутата слова председательствующим в случае нарушения Регламента, предупреждение, указания — это правовые меры, направленные на разрешение или предупреждение конфликтной ситуации между депутатами. Кстати, председательствующий, пользуясь своими правами, может также удалять из зала заседаний приглашенных лиц, мешающих работе Государственной Думы.

Вопрос о депутатской этике, конечно, выходит и на другие, помимо Регламента, нормативные акты, непосредственно регулирующие статус парламентариев. Однако проблема состоит не только в правовой стороне, а затрагивает нормы морали, нравственности, общей правовой культуры парламентской работы.

3. Условия прохождения законопроектов. В Регламентах устанавливаются специальные нормы о продолжительности выступлений парламентариев, порядке внесения депутатами предложений, характере этих предложений, очередности их обсуждения. Конечно, структура норм, их характер различаются. Имея в виду предмет нашего исследования, обратимся к нормам — правилам, предусматривающим ряд специальных условий прохождения законопроекта, запретов, ограничений дебатов, направленных на предотвращение разногласий и конфликтов.

Некоторые формулировки Регламента Думы страдают юридической неточностью. Так, принятый во втором чтении законопроект направляется в комитет, где с участием Правового управления Аппарата Государственной Думы происходит устранение «возможных внутренних противоречий», а также устанавливаются «правильные взаимосвязи статей». Подобные неясные формулировки сами могут стать причиной ряда противоречий уже между законодателями и Аппаратом Парламента и даже привести к конфликтной ситуации, например на этапе третьего чтения законопроекта, где не допускается внесение поправок и возвращение к обсуждению.

Важно обратить внимание на предусмотренную тем же Регламентом процедуру согласия в отношении комитетов Думы, участвовавших в работе над законопроектом, в случае возникновения между ними разногласий. Однако сами меры по достижению согласия не конкретизируются, а остаются на усмотрение комитетов. В этом случае предлагается вариант факультативного консенсуса. Вопросы, по которым не достигнуто согласие, вносятся на рассмотрение Совета Государственной Думы (ст. 102, абз. 5 Регламента).

Нередко острой проблемой, возникающей в процедуре голосования в парламенте, является наличие кворума, т. е. количества голосов, необходимого для принятия решения. Вопрос о кворуме должен быть достаточно урегулирован, иначе возникает ряд проблем. Так ранее не редкостью были моменты, когда один депутат регистрировался или голосовал за двоих, троих. В действующем Регламенте Государственной Думы также не установлен порядок голосования одного депутата за другого. В Регламенте нет возможности находящемуся вне парламента депутату выразить свою волю, как это принято в некоторых других странах.

Процедуры прохождения законопроекта на всех этапах не лишены такого нового явления для российской парламентской жизни, как лоббизм. Разумеется, пока еще рано говорить о весьма активном проявлении лоббизма в соответствии с его принципами и особенностями подобно тому, как это происходит в развитых западных странах и США. Однако уже сейчас можно проследить этапы его формирования и довольно быстрого процветания. Как отмечалось ранее, стало понятно, что демократия невозможна без конструктивной оппозиции. Уже имеются достаточно серьезные основания для формирования и правового регулирования действий политических блоков и фракций, связанные с новым порядком выборов в Федеральное Собрание.

Интересно посмотреть, как законодательно явление лоббизма закреплено в других странах. Законодатели в ФРГ, например, исходят из того, что лоббизм как система организационного оформления, выражения и представительства определенных интересов через правительственные институты является неотъемлемым и важнейшим элементом жизни демократической страны. Как отмечает немецкий политолог Г. Вольманн, сильные позиции организованных интересов и союзов в правительственной системе — это социально-политическая гарантия против резких шатаний в том или другом направлении в случае изменения партийно-политического большинства и смены правительства. В ФРГ нет единого федерального закона о лоббистской деятельности, как например, в США. Эту деятельность регулирует ряд правовых актов. Следует в этой связи упомянуть Регламент деятельности германского бундестага. Он, в частности, предусматривает возможность проведения в парламентских комитетах публичных слушаний «экспертов и представителей

интересов». Впрочем, из данного положения Регламента не вытекает неперенное право представителей интересов на организацию таких слушаний. В конечном итоге сам комитет полномочен решать, кого из представителей союза необходимо заслушать.

Регламент Государственной Думы Федерального Собрания предусматривает возможность участия в заседаниях и работе комитетов « комиссий экспертов, представителей заинтересованных государственных органов и общественных объединений.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ

1. Конституционное судопроизводство как наиболее типичная конституционная процедура. Конституционные процедуры в основном регулируют конфликты политических институтов. Последние являются преимущественно спорами о взаимоотношениях органов власти, о юрисдикции, о границах, о роли политических партий и движений и т. п. Такого рода конфликты представляют собой, как правило, политические или конституционные конфликты. Ограничимся рассмотрением конституционных процедур, имеющих прямое и четкое закрепление в конституциях, дальнейшее логичное законодательное развитие и наибольшее практическое значение для разрешения конфликтов. Наиболее типичной процедурой с этой точки зрения, закрепленной в конституциях, является конституционное судопроизводство.

Конституция в целом рассматривается как юридический документ, содержащий в первую очередь нормы материального права, а уже затем процессуальные положения. Вместе с тем в конституционном движении можно наблюдать тенденцию к развитию процессуального подхода к Основному Закону государства. В этом смысле можно привести классический пример развития процессуальных норм в Конституции США. Высокий потенциал процессуальных положений, имеющих историческое значение, демонстрирует Конституция Франции, особенно с точки зрения включенности норм, относящихся к сфере конституционного судопроизводства.

Специальным юрисдикционным органом для разрешения конституционных споров в большинстве европейских стран является конституционный суд. Классическое понимание суда как специального по разрешению споров относится и к конституционным судам. Конституционные суды входят в судебную систему. Это отражено в ст. 118 Конституции РФ 1993 г.

В некоторых странах конституционные суды выделены из судебной системы, как это имеет место, например, в Италии, где в отличие от России, Австрии и ФРГ Конституционный Суд рассматривается в особом разделе Конституции и в качестве конституционной гарантии. Однако подобное решение не отрицает самой природы конституционного суда как суда, а свидетельствует об особом его назначении, в частности о том, что «принятие системы судебной охраны конституции неравнозначно доверию этой охраны органу, принадлежащему этой системе».

Таким образом, можно признать, что органы, осуществляющие судебную охрану конституции, стали в настоящее время типичным элементом государственного аппарата и в большинстве стран континентальной Европы приобрели форму конституционного суда. Однако на самом деле это положение не имеет универсального характера, поскольку в некоторых европейских странах соответствующие полномочия принадлежат общим судам либо не существуют вообще. Вместе с тем существование специального органа юрисдикции, который наблюдает за соблюдением конституции другими органами, в настоящее время является характерной чертой конституционного порядка в демократическом правовом государстве.

Надо отметить, что такая ситуация активно поддерживается в науке. Продолжавшиеся несколько десятилетий споры о негативных последствиях создания конституционного суда для позиции парламента или политизации судопроизводства уступили теперь место единому в целом представлению о достоинствах рас-

смагриваемого института. Конституционное судопроизводство становится необходимой гарантией сохранения равновесия между государственными органами, эффективного обеспечения прав и обязанностей граждан, а в результате — придания конституции реального юридического значения. Конституционные суды создали определенную систему обжалования, воспринятую западной политической доктриной. Таким образом, достоинство каждой из конституций демократического государства зависит также и от содержащихся в них механизмов юрисдикционной защиты. Введение или развитие подобных механизмов является для общественного мнения одним из критериев принимаемых решений. В этом политико-психологическом явлении можно усмотреть одну из причин быстрого развития институциональных форм охраны конституции в странах Западной Европы.

Суд *наблюдает* за соблюдением конституции другими государственными органами, используя разнообразные процедурные формы и принимая окончательные и обязательные решения. Представляется, что серьезной ошибкой явилось бы трактование конституционного суда только как «стража конституции», образованного в целях прекращения неконституционных действий иных государственных органов, а в принципе лишенного возможности их исправления либо восполнения. Реальные функции конституционного суда следует искать в практике его деятельности, которая лишь в скромной форме выражается в нормах позитивного права. В этом смысле следует обратиться к основным функциям Верховного Суда США: 1) функции творческого толкования конституции; 2) роли арбитража в последней инстанции в политических конфликтах; 3) функции правовой и идеологической легитимизации действий *остальных* государственных органов.

2. Толкование конституции и конституционный конфликт. Наиболее характерной и распространенной представляется функция творческого толкования конституции. Почти во всех формах деятельности конституционный суд сталкивается с конституционными нормами, и в этом, как указывалось ранее, состоит специфика *его* статуса по сравнению с другими судебными органами и его роль в разрешении конфликтов, возникающих на конституционном уровне. По своей сущности конституционные нормы имеют общий характер и несут на себе важный груз аксиологического (идеологического) содержания. Вместе с тем применение конституционных норм требует не только установления их точного значения (что необходимо по отношению ко всем правовым нормам), но также, как правило, выбора одного из многих значений, которые можно интерпретировать. В данном случае подобный выбор — одно из основных средств на пути принятия решений по спорной конституционно-правовой ситуации. Это отчетливо проявляется в отношении конституционных предписаний, которые определяют основы государственного устройства («социальное государство», «принцип суверенитета народа», «республиканская форма правления») или права и свободы граждан. А именно эти фрагменты конституции особенно интенсивно применяются конституционными судами.

Это применение по своей сущности имеет вдвойне творческий характер. С одной стороны, установление значения конституционной нормы требует определения и уточнения системы ценностей, реализации которых она призвана служить. Необходимо учитывать также, что одна из функций современной конституции состоит во внесении в позитивное право некоторых общих ценностей, выходящих, в свою очередь, из естественного права, а следовательно, в установлении, образно говоря, клапана безопасности, через который неправомерности законодательства могут быть исправлены исходя из давних принципов справедливости. Нельзя не заметить опасности в таком подходе — ведь на вечные ценности можно ссылаться в очень разных политических целях. Тем не менее такого типа «открытость» конституции внешним системам ценностей предоставляет конституционному суду свободу в толковании применяемых

норм. Способ использования данной свободы зависит от стиля деятельности суда и законодательного регулирования, однако все суды, хотя и с разной степенью активности, используют общие доктрины и идеи, которые лежат в основе той или иной интерпретации. В то же время если конституционный суд (например, в ФРГ) включен в рассмотрение политических контроверсий, то может возникнуть юридикация правил политического поведения и стирание границ между ними и нормами правового характера.

В деятельности судов доминируют конкретный контроль за нормами и конституционные жалобы, а следовательно, процедуры, связанные с представлением на рассмотрение суда индивидуальных дел. На практике значительная часть решений судов также касается правового статуса гражданина и ведет к наполнению общих конституционных правил конкретным содержанием, а затем к соответствующему пересмотру норм нижестоящего уровня.

Таким образом, признано, что конституционные суды в большинстве демократических государств осуществляют в процессе рассмотрения спора функцию творческого толкования конституции, что может вести к аналогии с деятельностью американского Верховного Суда. Однако необходимо иметь в виду существенные различия в роли и действиях этих органов.

3. Роль арбитра в политических конфликтах и авторитет конституционного суда. Названные выше отличительные особенности находят еще большее выражение в реализации конституционными судами функции арбитража в политических конфликтах. Действующие предписания о компетенции этих судов создают в этой области достаточную правовую основу. В большинстве западных государств (за исключением Франции) существуют правовые основы для рассмотрения судами конфликтов, возникающих в ходе деятельности государственного аппарата. При этом надо отметить, что процедура споров о компетенции государственных органов может придавать этим решениям более однозначный и политически ярко выраженный характер, нежели в США, где все решения Верховного Суда подпадают под формулу «конкретного судебного дела». С формально-правовой позиции можно представить себе деятельность конституционного суда как арбитра между остальными органами, окончательно определяющего содержание их конституционных обязанностей и проверяющего конституционность их решений.

Однако такой образ часто не подтверждается в политической практике западноевропейских государств и почти несопоставим с реалиями процесса осуществления власти. Следует подчеркнуть, что любой политический конфликт в рамках государственного аппарата попадает в перечень дел, подлежащих рассмотрению в конституционном суде. Однако в представлении общественного мнения и политической доктрины такой путь не является необходимым в разрешении конфликтов. Главную роль призваны играть здесь политические партии и группы интересов, выступающие через парламент или правительственные органы. Не каждый политический спор трактуется как конституционный конфликт, и этот подход становится проявлением одного из отличий, например от американской модели юридикации политики.

Характерными чертами являются осторожность в рассмотрении споров между государственными органами всеми заинтересованными субъектами и маскировка этих споров под процедуру исследования конституционности норм. Даже в этих рамках можно указать на многочисленные примеры важных политических конфликтов, которые никогда не представлялись на рассмотрение конституционных судов, что имеет отношение как к стабильным судам (особенно к австрийскому, итальянскому), так и тем более к вновь созданным (Испания, Португалия). Определенные попытки активного использования юридических форм разрешения политических конфликтов предпринимались, хотя и с разными последствиями, во Франции. Необходимо при

этом помнить, что это было заложено в концепции создателей Конституционного Совета. Лишь в ФРГ использование Федерального Конституционного Суда стало правилом в поисках выхода из конфликтов в рамках федерального государственного аппарата либо конфликтов между федерацией и землями. Однако даже в этом государстве конституционный суд сохраняет сдержанность и не расширяет своих прав до рамок рассмотрения всех политических вопросов. Таким образом, независимо от различий в активности и стиле деятельности отдельных конституционных судов их трудно трактовать в качестве необходимых участников в процессе разрешения политических конфликтов, и, видимо, именно это является основной их отличительной особенностью по сравнению с положением Верховного Суда США. Можно сказать, что конституционным судам принадлежит роль потенциального арбитра в политических конфликтах. Это не лишено смысла, поскольку в любом спорном деле нельзя исключать возможность обращения в конституционный суд. Наконец, при принятии любого политического решения необходимо иметь в виду, что оно не должно выходить за рамки конституции. Тем самым акцентируется важный характер существования конституционного суда — уже сама возможность его использования должна удерживать участников процесса управления от действий, противоречащих конституции или вызывающих сомнения в конституционности.

Результаты практики конституционных судов могут придавать им высокий авторитет в общественном мнении. Эти суды считаются органами, гарантирующими конституционную законность и защищающими гражданина от политически конъюнктурных действий партий. Вместе с тем получение поддержки конституционного суда в отношении введенных в действие законов или иных действий является несомненно политически привлекательным для их создателей подобно тому, как решение суда о противоречии конституции может быть выгодно для их противников. Даже в тех странах, где авторитет суда еще недостаточно укрепился, его решения могут стать одним из аргументов, свидетельствующих о значимости оцененных им норм либо действий.

Таким образом, положение конституционного суда обусловлено его политическим престижем, а следовательно, степенью убеждения, удерживающегося в общественном мнении и в политических кругах, в том, что принимаемые им решения являются авторитетными по отношению к установленным конституционным рамкам деятельности остальных элементов государственного аппарата. Чем сильнее будет убеждение, что решениям суда необходимо подчиняться, тем рискованнее будет игнорировать его мнение и тем больше шансов получит суд в укреплении своей позиции, даже если будет создаваться конфликтная ситуация с другими участниками процесса управления. Однако нелегко достигнуть порога политического престижа. К настоящему времени его достигли Конституционные Суды ФРГ, Австрии, Франции и Италии.

Кроме того, позиция конституционного суда зависит и от способностей политических партий к самостоятельному разрешению возникающих конфликтов. Слабость партийной системы или значительное усиление внутренних противоречий в политической системе могут создавать ситуацию, когда суд становится на позицию арбитра, что укрепляет его самостоятельность и авторитет. Конституционный суд также может стимулировать или даже «вынуждать» другие органы предпринимать определенные действия, которые эти органы ранее не могли осуществлять по собственной инициативе из-за блокировки противоположных политических взглядов или групп интересов.

4. Конституционный Суд РФ и Конституция РФ 1993 г. Можно утверждать, что Конституция РФ 1993 г. восприняла основные принципы организации и функционирования Конституционного Суда РФ в сфере разрешения споров на конституционном уровне, характерные для этих органов в западноевропейских

странах. Об этом свидетельствует ряд ключевых правовых позиций. Так, в ст. 125 Конституции выделены основные вопросы» составляющие предмет Конституционного Суда. К ним относятся прежде всего рассмотрение дел о соответствии Конституции РФ федеральных законов, нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ. Конституционный Суд решает дела о соответствии Конституции РФ конституций республик, уставов, законов, иных нормативных актов субъектов Российской Федерации по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти РФ и совместному ведению этих органов и органов государственной власти субъектов РФ, а также договоров, заключенных ими между собой и на уровне субъектов Федерации.

В отдельную позицию выделены споры о компетенции между органами государственной власти на уровне Федерации и ее субъектов

Весьма характерным положением является конституционное закрепление полномочия Конституционного Суда по рассмотрению нарушений конституционных прав и свобод граждан.

Следует отметить, что Конституционный Суд РФ и до принятия Конституции 1993 г. достаточно эффективно использовал это право в своей деятельности. В качестве примера можно привести дело о проверке конституционности правоприменительной практики по рассмотрению жалоб на вступившие в силу решения об отказе в восстановлении на работе на основании ряда норм трудового законодательства. В ходе разбирательства Конституционный Суд указал на ряд основных моментов, ведущих к необходимости отмены некоторых положений КЗоТ РСФСР, как не соответствующих Конституции РФ. Аргументы в пользу отмены сводились к противоречию норм трудового законодательства гражданскому процессуальному законодательству РФ, возникшему на основе коллизии норм соответствующих кодексов, а также к нарушению права граждан на судебную защиту своих прав и свобод, гарантированного действовавшей ранее ст. 63 Конституции РФ. Кроме того, было указано на несогласование этих норм с положениями Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР в 1991 г. Конституционный Суд выявил также в этом деле противоречия с общепризнанными стандартами и нормами, в том числе и с принципами Всеобщей Декларации прав человека 1948 г.

Этот пример помогает понять механизм рассмотрения конкретного дела, характер используемой аргументации в ходе решения спора. Очевидно, что в данном случае преобладают чисто юридические способы разрешения конфликта, основанные на анализе конституционных положений и коллизионных норм действующего законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

41. Конституция Республики Узбекистан. Т., «Узбекистан», 2003.
42. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. М. 1997.
43. Каримов И.А. Наша главная цель-демократизация и обновление общества, реформирование и модернизация страны. Доклад на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 28 января 2005 года. Т., «Ўзбекистан» 2005.
44. Каримов И.А. Со старыми взглядами и подходами невозможно построить новую жизнь. Речь на заседании Кабинета Министров. От 18 февраля 2005 года. Т., «Ўзбекистон», 2005.
45. Анцупов А.Я. Прошапов Л.С. Конфликтология: междисциплинарный подход. М., 1996.
46. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: теория, история, библиография М., 1996.
47. Бабосов Е.М. Конфликтология. М., 1997
48. Ворожейник И.Е. Кибанов А.Я., Захаров Д.К. Конфликтология: Учебник – М., 2000.
49. Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев С.В. Введение в общую теорию конфликтов, М., 1993.
50. Юридическая конфликтология. Отв.ред. академик В.Н.Кудрявцев, М.1995.

Тавсия этилган адабиётлар рўйхати

Асосий адабиётлар.

1. Ўзбекистон Республикаси Конституцияси. Т.:Ўзбекистон.2003 й.
2. Каримов И.А. Ўзбекистон: Миллий истиелол, иетисод, сиёсат, мафкура – Т. 1. Ўзбекистон 1996 й.
- 3.Каримов И.А. Озод ва обод Ватан, эркин ва фаровон саёт – пировард маесадимиз. Т. “Ўзбекистон”. 2000.
- 4.Каримов И.А. Ўзбекистонда демократик ўзгаришларни янада чуеурлаштириш ва фуеаролик жамияти асосларини шакллантиришнинг асосий йўналишлари. Т. “Ўзбекистон”. 2002.
- 5.Исломов З.М. Общество. Государство. Права. Т. «Адолат», 2001.
- 6.Одилеориев Х.Т. Конституция ва фуеаролик жамияти. Т., «Шаре». 2002.

Махсус адабиётлар

1. Авдеев.Е.В. Психотехнология решения проблемных ситуаций М.1992.
- 2.Авксеньтев В.А.Этническая конфликтология: в 2 ч Ставрополь,1996.
- 3.Александрова Е.В. Социально-трудовые конфликты:пути разрешения М.1993.
- 4.Андреев В.К.Конфликтология: искусство спора, ведения переговоров, разрешения конфликтов.Казань.1992
- 5.Андреев Г.М. Социальная психология. Учебник для вузов. М., 1996.
- 6.Анискевич А.С. Политический конфликт. Владивосток, 1994.
- 7.Антонян Ю.М. Жестокость в нашей жизни. М., 1995.
- 8.Антология мировой политической мысли в 5.т. М., 1997.
- 9.Анцупов А.Я. Прошапов Л.С. Конфликтология междисциплинарный подход. М., 1996.
- 10.Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: теория, история, библиография М., 1996.
- 11.Аршба О.И. Этнополитический конфликт: сущность и технология управ-ления. М., 1996.
12. Аш. А. Ведение в теорию конфликта// Мир политики. Суждения и оценки западных политологов. М., 1992.
13. Бабосов Е.М. Конфликтология. М., 1997
14. Белкин А.С. Конфликтология: наука гармонии. Екатеринбург, 1995.
15. Берон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997.
- 16.Бородкин Ф.М., Коряк Н.М. Внимание: конфликт. Новосибирск, 1989

- 17.Боттомор Т.Б. Социологическая теория и изучение социального конфликта //Общественные науки за рубежом: РЖ. Сер. Философия и социология. 1973. №1.
- 18.Бройнинг Г. Руководство по ведению переговоров. М., 1996.
- 19.Брухан С. Плюрализм и социальные конфликты. М., 1990.
- 20.Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
- 21.Варламова Н.В., Пахоменко Н.Б. Общественный консенсус: подходы к проблеме// Государство и право. 1992. № 9
- 22.Введение к теории международного конфликта. М., 1996.
- 23.Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995.
- 24.Ворожейник И.Е. Кибанов А.Я., Захаров Д.К. Конфликтология: Учебник – М., 2000.
- 25.Глухова А.В. Типология политических конфликтов. Воронеж, 1997.
- 26.Гостев А.А. Эволюция сознания в разрешении глобальных конфликтов. М., 1992.
- 27.Данакин М.С. Конфликты и технология их предупреждения. Белгород, 1993.
- 28.Дарендорф Р. Конфликт и свобода // Реферативный журнал. М., 1974.
- 29.Дарендорф Р. Современный социальный конфликт // Иностранная литература. 1993. № 4.
- 30.Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социальные исследования. 1994. № 5.
- 31.Дмитриев А.В. Этнический конфликт: теория и практика. М., 1998.
- 32.Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев С.В. Введение в общую теорию конфликтов, М., 1993.
- 33.Дмитриев А.В. Конфликтология: Учебное пособие- М., 2000.
- 34.Жумаев Р.З. Умудий конфликтология. Т., 2003.
- 35.Ершов А.А. Личность и коллектив: межличностные конфликты в коллективе и их разрешение. М., 1976.
- 36.Забастовки 1989, 1993 г.г. в России (социалистический аспект / Под ред. А.К. Зайцева. Калуга, 1996.
- 37.Здравомыслов А.Г. Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. М., 1998.
- 38.Здравомыслов А.Г. Осетина-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковый ситуации. М., 1998.
- 39.Косьян Н.Ф. Консенсус в современных международных- право-вых отношениях: международно-правовые вопросы. М., 1883.
- 40.Конфликты в условиях системных трансформаций в странах Восточный Европы. М., 1994.

41. Конфликтология как составляющая гражданского воспитания молодежи. / Сост. Т.В.Болотина - М., 2001 (Материалы международной научно-практической конференции.)
42. Котанджян Г.Е. Грани согласия - конфликта М., 1992.
43. Котанджян Г.Е. Этнополитология консенсуса – конфликта: Цивилизационные проблемы теории и практики. М., 1999.
44. Кочетков А.Л. На пути к гражданскому согласию М., 1992.
45. Кэмпбелл Д.Т. Реалистическая теория группового конфликта. // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979.
46. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии. М., 1997.
47. Маликов Н.Р. Переговоры в интересах национальной безопасности М., 1997.
48. Малышева Д.Б. Конфликты в развивающемся мире, России и СНГ: религиозный и этнический аспекты. М., 1997.
49. Нуртдинова А.Ф. Окуньков Л.А., Френкель Э.Б. Комментарии к законодательству о социальном партнерстве М., 1996.
50. Основы конфликтологии. Учебное пособие. Под. ред. Академика В.Н. Кудрявцева. М., 1992.
51. Права человека и вооруженные конфликты: Учебник для вузов./ Отв. Ред. проф. В.А.Карташкин. – М.:НОРМА, 2001.
52. Поппер К. Открытое общество и его враг / Пер. с англ. Т., 1. М., 1992.
53. Романенко Л.М. Конфликты гражданского общества: Экзистенциальная дилемма современной России. М., 1996.
54. Работа с конфликтом: навыки и стратегии действия. Лондон, Конфликтологический центр, 2001.
55. Скотт Дж. Г. Способы разрешения конфликтов. Киев, 1991.
56. Смолянский В.Г. Национальные конфликты в СССР и СНГ (1985-1992 гг.). Улам-Удэ, 1996.
57. Самульский С.В. Идентификация военного конфликта (методологические и теоретические ориентиры). // Политические исследования. 1996. №5.
58. Фельдман Д.М. Конфликты в мировой политике / под ред. П.А.Цыганкова. – М.:Международный Университет Бизнеса и управления, 1997.
59. Этнические и региональные конфликты в Евразии: в 3 кн.:Кн.3. Международный опыт разрешения этнических конфликтов /Общ.ред.Б.Коппитерс, Э.Ремакль, А.Зверев. – М.:Весь мир, 1997.

60.Юридическая конфликтология. Коллектив авторов. отв. ред. В.М. Кудрявцев. М., 1995.

.

